ЛЮДМИЛА

ЗЫКИНА

ИЗДАЛЕКА ДОЛГО...

ЮРИЙ БЕСПАЛОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя Людмилы Зыкиной известно всем. Недаром говорят, что голос Зыкиной — это голос самой России. Но только близкие знали, какой она была в жизни, как могла повести себя в той или иной житейской ситуации. И как за внешней невозмутимостью и спокойствием скрывались зачастую сомнения, недоверие и причуды. Да и были на то причины — за свою доброту Людмила Георгиевна не раз страдала от обмана и всякого рода авантюр. Эта книга о великой русской певице написана ее пресс-секретарем, который работал с ней рядом последние четверть века. Основанная на личных впечатлениях и наблюдениях, она собиралась по крупицам — строкам из дневников, записям бесед, встреч и представляет собой совершенно эксклюзивный материал.

- Беспалов Юрий Анатольевич
  - Вместо предисловия
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - P.S

Беспалов Юрий Анатольевич
Людмила Зыкина. Издалека долго…

Вместо предисловия

Только четыре человека в нашей стране за прошедшее столетие покоряли мир на всех его лучших сценах своим неповторимым искусством более 50 лет. Вот эти легендарные личности: Майя Плисецкая, Людмила Зыкина, Игорь Моисеев во главе своего ансамбля виртуозов танца и Мстислав Ростропович. Мне посчастливилось общаться со всеми четырьмя. В меньшей степени с Ростроповичем, с остальными — на протяжении десятилетий. И, конечно, Зыкина в этом блистательном ряду — первая по количеству и масштабности встреч с ней при разных ситуациях, обстоятельствах, крутых и не очень поворотах ее творческой, общественной и личной жизни.

Трудно удовлетворить читателей, когда пишешь о людях, представляющих слишком большой интерес, и слава богу, что я счел в свое время полезным сохранить дневники, магнитофонные записи бесед и встреч с Зыкиной, известными людьми страны, общавшимися с ней в разные годы. Чтобы восстановить в памяти некоторые события и факты из творческой биографии Зыкиной, пришлось заглянуть и в ее книги. Подспорьем послужил также архив певицы — собрание писем, поздравлений, буклетов, ее высказываний относительно тех или иных явлений жизни.

Должен заметить, что написанное мной — результат личных впечатлений и наблюдений. Зыкина в книге такая, какой я видел ее. Слова певицы, реплики, суждения, мнения могут показаться упрощенными, без должного блеска, но за ними всегда кроются добрые помыслы, они заслуживают доверия, потому что правдивы.

Глава I

Знакомство. — Зыкина о постижении секретов песни. — Стихи для Зыкиной. — Поклонница и певица.

— Обманщики и плуты. — Отзывчивость рядом с добротой. — О бережливости. — Подарки.

В один из осенних дней 1978 года позвонил поздним вечером прославленный певец, солист оперной труппы Большого театра Александр Павлович Огнивцев. «Юра, — слышу в трубке давно знакомый бас, — я встретил в гараже Люсю Зыкину (во дворе высотного здания на Котельнической набережной, где жили оба артиста, под теннисным кортом находился гараж, и „Волги“ Зыкиной и Огнивцева стояли рядом. — *Ю.Б.*). Ей нужен помощник по связям с прессой. Я предложил твою кандидатуру и дал номер домашнего телефона. Нет возражений?» — «Нет, конечно», — последовал мой ответ.

Через день-другой позвонила Зыкина:

— Добрый вечер. Артистка Зыкина беспокоит.

— Слушаю внимательно, Людмила Георгиевна.

— Мне Александр Павлович многое о вас рассказал. Вы действительно написали более двухсот статей и все об искусстве, культуре?

— Да, это так.

— Вы член Союза журналистов?

— С 1975 года.

— У вас есть награды?

Людмила Георгиевна Зыкина — Королева русской песни.

— К сожалению, звезды Героя и ордена Почетного легиона нет, есть только медали и почетные грамоты.

— Хорошо. Ансамбль «Россия» дает концерт в гостинице «Россия» через пару недель. Вы могли бы туда приехать?

— Постараюсь…

— О времени встречи вам сообщат. До свидания.

На служебном подъезде гостиницы «Россия» меня встретил дирижер ансамбля Виктор Гридин, как оказалось, муж певицы, и проводил за кулисы минут за двадцать до начала концерта. «Королева русской песни» предстала передо мной в отличном

концертном платье красного цвета с отделкой изумительными узорами по рукавам и подолу. В ушах сверкали всеми цветами радуги сережки с крупным изумрудом в центре и небольшими бриллиантами вокруг него. Из-под наклеенных черных ресниц — пристальный, изучающий и немного жесткий, как мне показалось, взгляд.

— Александр Павлович посвятил вас в мои проблемы?

— Посвятил.

— Вы согласны?

— Надо подумать. У меня же есть основная работа.

— Я вас не буду мучить.

Годы спустя, когда певица что-либо дарила, всегда подписывалась: «Твоя мученица Л. Зыкина» или: «От твоей мученицы Л. Зыкиной».

Людмила Георгиевна прошла со мной в зал под аплодисменты уже собравшейся публики и усадила в середине первого ряда со словами: «Послушайте нашу новую программу». Так состоялась первая встреча с прославленной певицей.

Вторая произошла в квартире Зыкиной 4 января 1979 года. Высоченные потолки, просторная прихожая с большим зеркалом, три комнаты, ничего сверхнеобыкновенного. Коробки с японской звукозаписывающей аппаратурой, две картины работы Лансере и Беркеля, букет крупных алых роз в хрустальной вазе, портрет Фурцевой на пианино, книжный шкаф с томами Пушкина, Лермонтова, Даля… Множество книг серии «ЖЗЛ». Пока листал сборник песен и романсов, на столе гостиной появились рассыпчатая отварная картошка «синеглазка» с маслом, гора зелени, блюдо с красной икрой, армянский коньяк «Ани», крымский мускат, водка. Водку пил только Гридин. От нее я отказался, когда он выразил желание потчевать ею и меня.

— Вы не пьете водку? — спросила Зыкина.

— В юности перепил и отравился. С тех пор не пью.

— Что же вы пьете?

— Все остальное, — ответил я.

— Все остальное, за исключением небольших количеств водки, коньяка или добротных вин, употреблять вредно, — заметила Зыкина. — «Солнцедар», например. Говорят, такая гадость, можно умереть, если выпить много.

…Тут, про себя, я вспомнил Ростроповича. В 1970 году я ехал на интервью с Галиной Вишневской по просьбе «Вечерней Москвы» и случайно оказался в компании Ростроповича и Солженицына — оба «обмывали» весть о присуждении писателю Нобелевской премии. Мне также было предложено выпить водки, и я выдвинул те же самые мотивы, что и за столом у Зыкиной.

«Надо пить только водку, и желательно хорошего качества, — напутствовал подвыпивший виолончелист. — От всего остального в заднем проходе могут заводиться червяки…»

За чаем Людмила Георгиевна расспрашивала о том о сем: где и когда встречался с известными мастерами культуры, что о них писал, каковы творческие планы… На прощание подарила свою первую книгу под названием «Песня» с пожеланиями «вдохновения, настроения, хороших встреч».

…Всего Зыкина написала четыре книги, три (считая второе издание «На перекрестках встреч») — с моим участием. Любила дарить тем, кого особенно уважала, ценила. Помню, в конце 1999 года она собралась на прием к В. В. Путину по поводу строительства Академии культуры в Москве.

— Хочу подарить Владимиру Владимировичу книгу (речь шла о книге «Течет моя Волга», вышедшей в издательстве «Новости»). Как лучше надписать? Что ему пожелать?

— Ну что можно пожелать Путину? Здоровья? Так оно у него, слава богу, с избытком. Успехов? Он и так успешен. Вся страна это знает и видит. Счастья? Но никто не ведает, что это такое, — полного, всеобъемлющего определения счастья нет. Счастье есть лишь мечта, считал Вольтер, а Густав Флобер определил три условия для того, чтобы быть счастливым, — быть дураком, эгоистом и обладать хорошим здоровьем. И если первого из них не хватает, то остальные бесполезны. К тому же это не новогоднее поздравление, а книга. Напишите просто: «Владимиру Владимировичу Путину на добрую память. С уважением Ваша Людмила Зыкина». Что и было написано. Встречу главы государства и великой певицы показал Первый канал телевидения: Зыкина преподносит книгу Путину и в ответ получает огромный букет цветов.

Прежде чем приступить к общению с представителями средств массовой информации, с самой певицей, я начал скрупулезно изучать ее творчество по газетным и журнальным статьям в нашей и зарубежной прессе, знакомился с репертуаром, просматривал документы личного архива. Кстати, в архиве я нашел любопытную информацию по части истоков певческого дара Зыкиной. Оказалось, впервые в жизни она запела в школьном хоре, когда учитель пения Николай Павлович Захаров выбрал ее запевалой. Ей было десять лет. Училась в 3 «А» классе. Для солистки хора мама, Екатерина Васильевна, сшила черную юбку из сатина, на которую нашила разноцветные ленточки, и белый фартук с кружевами. Песня В. Захарова на слова М. Исаковского «Шел со службы пограничник» и была первой песней, исполненной Зыкиной соло.

Мне хочется всегда, чтобы песня у меня звучала как признание — сердечное, чистое, свободное от сантиментов, высокое, чтобы в каждой вещи был разговор со слушателем по душам.

Меня интересовало, скажем, почему народные песни, плачи, причеты, другие произведения в ее трактовке меньше всего «музейны» и этнографичны; как ее интуиция позволила найти емкую стилистику пения, сценический образ, одновременно исполненный сердечности и силы, женственности и грации; каков способ постижения души песни и в чем ее метод; как она

отбирает стихи и находит нужную трактовку песни, романса и многое, многое другое. Кое-что объяснила сама певица при нашей первой рабочей встрече в ее кабинете на Фрунзенской набережной, в доме, где базировался ансамбль «Россия»:

— Мне хочется всегда, чтобы песня у меня звучала как признание — сердечное, чистое, свободное от сантиментов, высокое, чтобы в каждой вещи был разговор со слушателем по душам. Поэтому, к какому бы песенному жанру ни принадлежало выбранное мною произведение, я ищу в нем прежде всего распев, крылья широкой, легкой мелодии. Мой, если можно сказать, способ постижения души песни состоит в том, что я живу с нею, постоянно думаю о ней. Медленно вхожу в ее мир. Ведь хорошо спеть песню ой как трудно. Казалось бы, простая она и звучит всего несколько минут, но изведешься иной раз, пока разгадаешь ее загадку. Случается, что песня сразу как-то раскрывается, становится ясной во всех своих компонентах и сразу поется. Но чаще бывают мучительные раздумья, и они не покидают меня нигде. Песня незримо сопровождает меня повсюду: и дома, и на улице. Я не расстаюсь с нею ни на минуту. На каком-то этапе песня начинает звучать во мне, я вслушиваюсь в этот постоянно текущий и какой-то таинственный процесс. Что-то сразу отвергаю, что-то фиксирую, снова что-то обретаю. Происходит медленное узнавание песни, и, наконец, наступает время ее рождения.

К отбору новых вещей я стараюсь подходить особенно строго и включаю их в свой репертуар только тогда, когда они мне близки по содержанию, по характеру стиха, по музыкальной основе мелодии, связанной с русскими народными интонациями. Выбрать произведение для исполнения — очень сложное дело, порой мучительное. Кажется, все есть в песне, все в ней на месте. Но нет в ней одухотворенности — того, что дает жизнь музыке и слову, нет единства поэтического и музыкального смысла, то есть нет основного, что делает песню необходимой человеку.

Очень важно и любить петь без сопровождения. Когда поешь одна, то всегда стараешься прислушиваться к своему голосу, а когда вслушиваешься в него, то ищешь какие-то новые краски, тот тембр и ту окраску, которые бы тебе самой нравились, грели бы сердце. Однажды на рассвете в летнем лесу под Москвой, возле Опалихи, я пела очень тихо… А вечером девушки, работавшие на ближнем поле, сказали мне, что слыхали каждый мой звук. Лесок-то был березовый! Когда возле берез поешь чуть не шепотом, голос кажется звонким. А в еловом лесу — приглушенным. Где травы высокие — голос звучит мягче. Если дождей давно не было, сушь стоит, то у песни четкое эхо. А после дождя эхо будто

размыто, как акварельное водяное изображение. Когда пою на природе, думается, вся земля тебе петь помогает, и то, что ты видишь во время своей репетиции, остается в песне, сохраняется ею, даже если она и не о природе вовсе и переклика с пейзажем в ней нет. По существу, в этих словах слиты моя тема и мой метод.

Разумеется, и годы учебы у известных и малоизвестных мастеров культуры прошлого и настоящего научили меня лучше улавливать дух песни, видеть ее конструкцию, архитектонику и в тоже время помогли выработать свое видение мира, взглянуть на творческий процесс гораздо глубже и шире, чем на ранних подступах к песне.

Конечно, я не живу ожиданием готовой песни. Сама ищу стихи, просматриваю поэтические сборники, покупаю у букинистов старинные журналы, антологии, в которых может промелькнуть интересный «стихотворный материал». Пристрастие к стихам помогает в работе над песней. «Через произведение искусства художник передает свою страсть», — писал Ренуар. Значит, и слово песенное должно быть страстным, правдивым, точным и разнообразным по содержанию. Иными словами, я стараюсь петь не только «музыкально», но и в высшей степени «литературно». В любом случае стихи, которые легли или ложатся в основу моих песен, я постигаю досконально, пытаюсь разобраться в их конструкции, лексике, самом строе. Еще в училище имени М. М. Ипполитова-Иванова я запомнила высказывание Шумана: «Одним из путей продвижения вперед является изучение других великих личностей». Я, как могла, старалась следовать завету. Надежда Андреевна Обухова, Виктор Боков, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Григорий Пономаренко, Лев Ошанин, Серафим Сергеевич Туликов — всех и не перечесть, кто так или иначе помогал в работе над песней или влиял на мое творчество. Да и за рубежом, как могла, впитывала в себя все, что мне казалось необходимым, нужным в работе над песней. Увидев какой-нибудь барельеф на старинном замке Праги или уловив что-то такое, что мне раньше и в голову не приходило, скажем в беседе с Азнавуром, я по-новому смотрела на многие вещи.

А Шаляпин? Для меня, как для певицы, Федор Иванович был и остается недосягаемым идеалом в пении, в подвижническом отношении к искусству. Записанные им народные песни навсегда останутся классическим образцом творческого и в тоже время бережно-трепетного обращения с фольклором.

В этот момент выключился магнитофон. Я стал вставлять новую пленку.

— Может, на сегодня хватит? — спросила Людмила

Георгиевна. — Мне еще надо успеть новое платье примерить. Марьяша, наверно, заждалась. (Портниха Марьям Мухамедовна годы работала с Зыкиной. С ней певица часто советовалась и обсуждала новые эскизы и модели. Довольно толковый и знающий свое дело специалист. Однажды я зашел в примерочную без спроса — звонил Кобзон, ему зачем-то срочно потребовалась Зыкина, — и увидел, как Марьям прикладывала ряд белых, довольно крупных рюшек на грудь певицы, стоявшей рядом в платье темно-синего или, скорее, василькового цвета. Пока Зыкина вела переговоры с Кобзоном, я снова зашел в примерочную. «Марьям Мухамедовна, — говорю, — извините за вмешательство, но нужны ли эти, хоть и прекрасные, рюшки на груди Зыкиной? Они только увеличивают ее объем. А зачем? Придумайте что-то другое, вы же профессионал в этом деле». И рюшки были убраны. Тут уместно вспомнить почти анекдот.

Одна дама из Волгограда прислала Зыкиной письмо, в котором сетовала на то, что у нее «грудь больше, чем у Вас, Людмила Георгиевна, а сейчас смотрю кругом, у женщин грудь много меньше моей, видно, мода такая пошла. Что мне делать? Что бы Вы посоветовали?». Подошел к Зыкиной. «Что отвечать?» — спрашиваю. «Что отвечать? Не отрезать же. Пусть донашивает».

Для меня, как для певицы, Федор Иванович Шаляпин был и остается недосягаемым идеалом в пении, в подвижническом отношении к искусству.

После примерки платья я заглянул в кабинет Зыкиной.

— Продолжим разговор, Людмила Георгиевна?

— Нет, сейчас должна приехать Аля Пахмутова. Давай завтра.

— Завтра суббота.

— Ну и что? Времени будет больше. И не стесняйся. Спрашивай о чем угодно, я расскажу все, что есть в памяти. Могу забыть что-то, напомни, приведи меня к тому, что тебе нужно

узнать или спросить.

Составив перечень из нескольких десятков вопросов к певице и в течение месяца получая от нее ответы на них, касающиеся творческих поисков, отношения к состоянию песенного жанра, его будущего, я решился на первое с ней интервью, которое и было опубликовано в газете «Советская культура» 20 февраля 1979 года под названием «Запоют ли наши внуки „Калинку“»? После публикации и в редакцию газеты, и в адрес Зыкиной посыпались, как из рога изобилия, сотни писем и откликов, поддерживающих взгляды певицы. На конвертах сплошь и рядом значились три слова: «Москва. Людмиле Зыкиной». И как ни удивительно, они доходили до адресата. «Москва. Кремль. Зыкиной» — были и такие, чаще на телеграммах. Авторы многих посланий обращались с советами, предложениями, комментировали зыкинские высказывания, задавали певице вопросы самого разного толкования, просили дать ответ на них…

— Взял у вас, Людмила Георгиевна, интервью на свою шею, столько писем пришло, с ума можно сойти.

— О чем вы говорите, Юрочка! Вам ли жаловаться с таким-то опытом. Я же рядом.

— Одно дело — писать статьи, очерки, совсем другое — отвечать на письма.

— Не переживай, справишься. «Труд побеждает все», — сказал кто-то из великих.

Пришлось засучивать рукава. И на многие годы.

* * *

Поток писем значительно увеличивался после выступления певицы на телевидении или радио по проблемам современной культуры, нравственности, воспитания, особенно годы спустя после развала Союза. Отклики эти она откладывала в отдельную папку и иногда перечитывала, как бы сверяя свою точку зрения на ту или иную проблему с взглядами и суждениями пишущих ей корреспондентов. Вот отрывки некоторых из них, самых характерных для середины девяностых, не утративших во многом смысла и сегодня.

Из письма нижегородца М. Кузнецова:

> «9 декабря 1890 года по возвращении с Сахалина Чехов пишет письмо Суворину: „Хорош Божий свет. Одно только нехорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм!.. Мы,

говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний — нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень, свинство, справедливости нет.“

Более ста лет прошло с тех пор. Но многое ли изменилось? А вы взялись изменить положение в культуре. Получится ли? Дай-то бог!».

Строки из письма профессора Н. Прокопенко:

«Культура человека — его умственное и нравственное образование. К сожалению, людей истинно культурных в нашей стране встретить не так просто. Даже в среде политических, государственных деятелей прошлого и настоящего. Все глупости происходили и происходят от отсутствия в руководителях и их окружении подлинной культуры — политической, экономической, правовой. Не говоря уже о бытовой культуре. В цивилизованных странах опоздать на встречу так же неприлично, как испортить воздух в общественном месте. Необязательность, пустословие, вранье — обычное явление. Поэтому Вам в борьбе за подлинную культуру не будут союзниками: а) невежество общественного вкуса, формируемое бульварной демагогией, словоблудием и откровенной пошлостью иных средств массовой информации; б) всякое противостояние попыткам терпеливо взращивать народовластие, культивировать политическое сознание, общественную нравственность и мораль; в) скороспелость в освоении принципов и основ демократии, которая требует огромных нравственных усилий, глубокого понимания реальной политической и правовой культуры народа; г) слабая подготовка современного человека к восприятию и утверждению подлинно демократических начал; д) победы бездарей и неграмотных амбициозных шарлатанов с ограниченным кругозором над здравомыслящими и честными людьми.

Удачи Вам!»

Авторитет Людмилы Зыкиной был так велик среди поклонников, что ее заваливали письмами и телеграммами о проблемах современной культуры, нравственности, воспитания.

«Культурой у нас и не пахнет, — пишет прядильщица из Иванова Л. Лебедева. — Матерятся все, кому не лень, хамство чуть ли не на каждом шагу, проституция процветает, тюрьмы переполнены дебилами, люди скудеют интеллектом и готовы на любой обман ради денег, наживы. И доброту, и честность, и совесть, и порядочность, и интеллигентность, от века считавшиеся российской добродетелью, мы умудрились растерять. О поведении, нравах в молодежной среде — и говорить не приходится. Поднять культуру народа на должную высоту — это невероятно тяжелый, по большому счету непосильный в наше сумасшедшее время груз…».

«Вы, Людмила Георгиевна, боретесь за чистоту языка, — пишет москвич профессор Н. Комлев. — И правильно делаете, поскольку язык — это наиболее стабильный инструмент управления и очевидный носитель общественного сознания. К сожалению, наша сегодняшняя речь катастрофически отстает от высоких канонов российской словесности. Она стала пошлой, стилистически беспомощной и зачастую вульгарной. В публичную

и деловую речь все больше проникают непристойные выражения и криминальная лексика. Кризис общественных структур содействовал в немалой степени убожеству сегодняшней устной речи. Это видно на примере всех жанров масс-медиа. Отсутствие концепций в новых теле- и радиопередачах приводит к тому, что рок-попсовые хиты на английском и русском языках зачастую столь же пусты, да еще и непристойны, как и упаковочная лексика диджеев».

Из письма профессора М. Назарова:

> «…Когда общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, начинается деградация культуры, ибо в этом случае с необходимостью умаляются духовные и нравственные задатки человека. Происходит деморализация общества. В итоге рано или поздно наступает катастрофа. Только этическое движение может вывести нас из состояния бескультурья…».

Письмо от учителя из Санкт-Петербурга Н. Самойлова:

> «Прежде чем думать о развитии культуры, следует в первую очередь взяться за воспитание. „Самое надежное, но и самое трудное средство сделать людей лучшими — есть приведение в совершенство воспитания“, — считала императрица Екатерина II, и была права. Чтобы подрастающее поколение несло в себе необходимую культуру, надо обратить внимание на учителей, педагогов, воспитателей, на всех тех, от кого зависит если не все, то очень и очень многое в укреплении в человеке нравственных критериев. Среди сил, формирующих действительность, нравственность должна быть первой. Она — решающее звено, которое мы должны отвоевать от мышления. Все остальное второстепенно. Конечно, проповедовать мораль легко, гораздо сложнее обосновать ее. Вот в чем существо проблемы. Однако сегодня, когда сами события с неумолимостью ведут нас к сознанию того, что мы живем в условиях опасного смешения элементов культуры и бескультурья, нам надлежит — хотим мы того или нет — до конца определить сущность подлинной культуры. В общих чертах — это прогресс, материальный и духовный. Создание максимально благоприятных условий жизни — таково требование, необходимое и само по себе, и в интересах духовного и

нравственного совершенства человека. И мы не можем отказаться от собственного достоинства, принеся в жертву бескультурью солидные остатки общего достояния, которым недавно располагали. Внести нечто весомое и прочное в решение проблем культуры, политической и экономической жизни мы сможем лишь в том случае, если возьмемся за них как люди, стремящиеся прийти к этическому мышлению. Аристотель, преподававший Александру Македонскому уроки этики, по сравнению с которыми и политика, и экономика, и наука воевать не более чем синонимы бренности, учил: „Справедливость не есть часть добродетели, а вся добродетель и противоположность ее — несправедливость — не часть порочности, а порочность вообще“.

Про этику, призванную воспитывать в человеке разумном человека созидающего, у нас позабыли. А жаль. Если мы не привьем юному человеку осознанной необходимости культурного бытия, то все разговоры о цивилизованном обществе — пустая трата времени».

* * *

При знакомстве с зыкинской почтой меня поражало обилие стихов, поэм, песен, посвященных ей или, по мнению авторов, вполне пригодных для использования в ее творчестве. Иногда поэты-песенники отличались величайшей настырностью и нахальством: звонили тысячу раз, приезжали к певице на работу несколько дней подряд, ловили Зыкину перед концертом или после него и т. д. Это раздражало и отталкивало певицу до такой степени, что она вспоминала известную фразу Горация: «Человек либо сходит с ума, либо пишет стихи». Правда, если стихотворение ей нравилось и в нем она находила хоть какое-то выражение мысли, она говорила: «Почти как у Лермонтова (любимого поэта певицы. — *Ю.Б.*): „На мысли, дышащие силой, как жемчуг нижутся слова“.» Несколько лучших из них были отобраны для прессы, некоторые опубликованы в печати в связи с 50-летием творческой деятельности певицы и затем в 1999 году, по случаю ее 70-летия.

Русская старина питала ее творчество. Кижи. 1985 г.

Одно из них, хранившееся среди других в архиве певицы, я привожу здесь, для того чтобы дать представление читателям, какие стихи слали Зыкиной со всей страны. Стихотворение написал одессит О. Ротгаузский.

ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА ПОЕТ

Березки. Дожди косые…
Над Волгой солнце красное встает.
Мне кажется: я слышу всю Россию,
Когда Людмила Зыкина поет.

Она поет про русские березы,
Да про черемух русских белый цвет —
И на ресницы набегают слезы —
Ведь Родины другой на свете нет.

И вижу я: уходят эшелоны.
Орел в дыму. В руинах Сталинград.
Я помню вас, рязанские мадонны,
Со мною навсегда ваш скорбный взгляд!

Я в сердце нес до самого Берлина
Немой укор российских матерей,
Любовь к Отчизне преданного сына
И праведную месть Земли моей!

Какою скорбью и какою силой
Полна народа русского душа…
…Березка над солдатскою могилой…
Я слушал эту песню чуть дыша…

А песня душу правдою тревожит,
Ее нельзя не слушать, не любить —
Я знаю, что такая песня может
Поднять в атаку, чудо совершить!

Все лучшее в сердцах народных будит
И за собой к прекрасному ведет —
И я кричу: «Снимите шапки, люди,
Когда ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА поет!!!»

* * *

Среди поклонниц Зыкиной были и такие «энциклопедисты», что знали почти все о ее личной жизни и творчестве. Хронику эту создавала не одна сотня фанаток. Многим из них честь и хвала. Благодаря им Зыкиной удавалось восстанавливать в памяти любые события жизни и концертной деятельности. Самой яркой

фигурой среди них была работница ткацкой фабрики поселка Лукново Владимирской области Екатерина Рогалева, 25 лет подряд неустанно собиравшая всю информацию о Зыкиной. Она передала певице два толстенных альбома, в которых было собрано буквально все о Зыкиной: ее концертах, гастрольных поездках, встречах со зрителями, репертуаре, высказываниях певицы, ее привязанностях…

В этом «исследовании» можно было найти любую справку. Например, дату любой поездки Зыкиной в Японию, США, Францию, что сказала певица на встречах с Шарлем Азнавуром, Марселем Марсо, со зрителями и слушателями на Уралмашзаводе, когда ей было присвоено звание заслуженной артистки Бурятской АССР.

«Сколько вложено в каждую запись любви, труда, внимания», — восторгалась Зыкина, когда прочла и объемистый дневник Рогалевой, который она привезла вместе с альбомами. И когда мы с Зыкиной сели за работу над книгой «Течет моя Волга», альбомы Рогалевой нам пригодились.

Предлагаю читателям несколько записей из ее дневника с комментариями Зыкиной.

Впервые Катя услышала мою песню в 1966 году, когда ей было 11 лет…

> «…Была ранняя осень. Легко и неприхотливо кружась, падали листья. Большое багряно-золотистое солнце медленно опускалось за горизонт. На асфальт легли огромные тени от зданий. В этот вечер я возвращалась домой из школы. Улица была пустынна. Я даже не заметила, как прошла половину пути. И вдруг послышалась песня. Неслась она из открытого окна дома, мимо которого я шла. Голос певицы мягко и задушевно пел о маме и о платке: „И тебя, моя мама, согреет оренбургский пуховый платок“. Я стояла как зачарованная, сердце мое клокотало, но песня словно растаяла в вечернем воздухе. Я пошла дальше, и во мне все продолжали жить эта песня и удивительный голос певицы…
>
> Только месяца через два после „первого свидания“ с песней я узнала имя певицы — заслуженная артистка РСФСР Людмила Зыкина.
>
> Нет, наверное, никогда не уйдет из памяти этот вечер!
>
> Однажды я пришла к подруге Тане, слушавшей концерт по заявкам, что транслировался на

радиостанции „Маяк“. Первая песня прозвучала по просьбе шофера из Рязани, называлась „По диким степям Забайкалья“. Следующую песню, „Женька“ Жарковского и Ваншенкина, просил включить в программу концерта воин-пограничник. Ведущий назвал фамилию певицы: „Поет Людмила Зыкина“. Ну что ж, Зыкина, так Зыкина, послушаем, подумала я. Но все же насторожилась — песня-то уж больно знакомая! И каково же было мое изумление, когда я услышала знакомый голос! Сразу узнала: тот самый голос, что слышала я, возвращаясь из школы! Радости не виделось конца!»

Некоторые поклонницы Зыкиной в течение многих лет собирали информацию о ее творческой деятельности: концертах, гастролях, встречах со зрителями. Благодаря им удавалось

восстановить любые события в жизни великой певицы.

Вчитываясь в дневники Кати, я узнала о непростой судьбе, ее трудном детстве, когда девочке-подростку приходилось работать помощницей пастуха, чтобы помочь своей семье. Я удивлялась ее взрослению, ее умению понимать истинные ценности жизни, видеть красоту окружающего мира, несмотря на больное сердце и жизненные невзгоды. Меня особенно тронули ее слова: «Смогла ли бы я оценить труд окружающих людей, не преподнеси мне судьба такого испытания?»

> «Уверена: не поняла бы я и творчества Л. Г. Зыкиной, ибо основа ее песен — широта души человеческой. В них гудит великая народная воля, высятся могучие страстные характеры, в них стоном стонет горе, костром горит ликованье. И, конечно, красота пахнущих медом лугов, кормящих хлебом полей…»

В дневнике Катя пишет о том, как начала собирать материалы для альбомов. Однажды, находясь в больнице, она случайно в стопке старых журналов нашла мой портрет:

> «Вдруг взгляд мой упал на фотографию какой-то, по всей вероятности, певицы: выразительные глаза, слегка вьющиеся темные волосы, мягкие, приятные черты лица казались знакомыми. И тут только увидела: рядом со статьей большими буквами напечатан заголовок: „Поет Людмила Зыкина“. Через меня как будто ток пропустили. От счастья я завопила на всю палату: „Девчонки, я Зыкину нашла!“.
>
> Вернувшись домой, я стала думать: куда поместить фотографию? На стенку? — Не пойдет! Тут в голову пришла блестящая идея: приклею-ка я ее в альбом! Шло время, к первой фотографии прибавились еще две, затем пять, вклеивались все новые и новые снимки, записывались песни — захватывающие сердце и душу…»

Катя пишет о том, как она старалась не пропускать ни одной передачи, ходила к соседям смотреть концерты по телевизору, потому что своего телевизора у нее в семье не было. 3 декабря 1975 года коллектив ткацкой фабрики выехал из Лукнова во Владимир на мой концерт. Билеты вручались по принципу: сначала начальству, а затем «кто давно работает».

«Я узнала, что в первые дни декабря Людмила Зыкина будет петь во Владимире. Билетов лишних при их распределении на

фабрике не оказалось. Поехала во Владимир одна, собрав в кошельке все деньги. Дорогой думала: должна попасть на концерт во что бы то ни стало. К концертному залу имени С. Танеева машина подъехала, когда на город опускались ранние сумерки. На мое счастье женщина — муж ее захворал — продала мне билет. Бог-то есть! В правом крыле здания, между двумя стеклами красовался портрет моей любимой певицы. Долго стояла, любовалась снимком, все никак не могла поверить, что она рядом, еще совсем немного и я увижу ее не на бумаге, не на экране, а живую.

Сижу на балконе. Медленно гаснет свет. Звучит музыка. Это играет оркестр русских народных инструментов под руководством В. Пителина. Вышел к микрофону ведущий и объявил: „Сегодня у нас в гостях народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Людмила Зыкина!“. И под аплодисменты из левой кулисы на освещенную сцену величаво вышла Людмила Георгиевна. Подошла к самому краю сцены, улыбаясь и прикладывая руку к груди, трижды низко поклонилась публике. Зал ревел и стонал от грохота аплодисментов. Звучит „Степь“. Стоит ОНА на сцене, не поет, а рассказывает о горькой судьбе ямщика из той далекой, древней России.

За мной на следующем ряду сидит немолодая женщина и восхищенно до конца повторяет: „Молодец, Зыкина, красавица моя!“.

Да, насчет красавицы верно, но, извините, Зыкина — моя!

Во время перерыва понесло меня за кулисы. Видите ли, захотелось лично познакомиться с певицей. Еще до концерта, зная про мое увлечение, сослуживцы давали разные советы: „Зыкина тебя ждет не дождется с распростертыми объятиями. Когда придет Катька Рогалева, все спрашивает. С ума-то не сходи…“. „Да чего там! Ты возьми и махни прямо в гостиницу!“. Отрезвляюще подействовал вопрос, заданный самой себе: „А что я скажу Людмиле Георгиевне?“. Любовь любовью, но должна же быть и совесть! Она вовремя заговорила. Я счастлива тем, что мне не удалось тогда „лично“ встретиться!».

Встретились мы с Катей в 1991 году. Благодаря ее находчивости (она не знала, где я живу) водитель такси сам привез Катю к моему подъезду и дал совет обратиться к лифтерше, чтобы у нее узнать, какой этаж и номер моей квартиры.

«Я быстро поднялась на нужный этаж. Лифт с легким шумом закрылся за мной. Два шага — и я у дверей квартиры любимой певицы.

Сердце в груди ухает, ноги чуть ли не трясутся, дрожащей

рукой тянусь к глазку звонка. И, наконец, кнопка под пальцем вдавилась, и я услышала мягкий, прерывающийся звонок. Воцарилась тишина. Снова звоню. После этого я услышала легкие шаги, звон ключа и голос Людмилы Зыкиной:

— Кто вы?

Я назвала свою фамилию и имя.

— Откуда вы, я вас не знаю.

— Людмила Георгиевна, с Владимирщины я, откройте, пожалуйста, через дверь все равно ничего не узнаете.

В двери закрутился ключ, и дверь отворилась. В проеме у порога я увидела очень домашнюю хозяйку, с мягкими, давно знакомыми чертами лица.

— Кто вы и откуда?

— Людмила Георгиевна, я из Владимирской области. Можно войти к вам на несколько минут?!

Людмила Георгиевна слегка окинула меня взглядом и чуть посторонилась.

— Ну что ж, входите.

Я переступила порог, прикрыла дверь.

Хлеб-соль зимнего Подмосковья. В Архангельском.

— Извините меня за столь раннее вторжение. Но у меня есть причина. В начале этого месяца я отметила двадцатилетнюю годовщину дружбы с вашим творчеством. Примите мою благодарность и этот скромный букет цветов.

Она сказала: „Спасибо“, спокойно приняла цветы и положила их неподалеку на стол. По лицу ее пробежала тень смущения:

— Как-то неловко получается. У нас, видите, ремонт. Хаос

кругом. Как-то неудобно. Может, чаю выпьете? Согреть недолго.

— Людмила Георгиевна, спасибо, не беспокойтесь, пожалуйста. Я знаете куда приехала? Я приехала в институт кардиостимуляции и сейчас поеду в Олимпийскую деревню, на проверку.

Людмила Георгиевна подошла ко мне, ее глаза широко смотрели на меня:

— Желаю вам доброго здоровья, чтобы у вас все было хорошо. Пусть хранит вас Бог!

— Спасибо. Я не имею права задерживать вас долго. Извините за все. Я ухожу. До свидания.

Я повернулась к выходу. Людмила Георгиевна сопровождала, чтобы закрыть дверь. У двери я обернулась на несколько секунд:

— Да, Людмила Георгиевна, почаще появляйтесь по телевизору. Ладно?

— Постараюсь по мере возможности.

Наши глаза встретились, и, наконец, мы невольно обменялись легкими улыбками…».

Екатерина Рогалева не просто увлекалась моими песнями, она не коллекционировала их для показной демонстрации своей любви ради того, чтобы на ее увлечение обратили внимание. Песня стала спутником ее жизни в самом глубоком понимании этого слова. Катя духовно росла, размышляя о смысле искусства, воспитывала в себе любовь к своей стране без пафоса, без ложного патриотизма. Я горжусь тем, что у меня такие внимательные, думающие и преданные слушатели.

* * *

Зыкина получила сотни тысяч писем и от поклонников, и просто людей, просящих содействия в решении жизненно важных, не требующих отлагательства вопросов. Как могла, помогала: одним посылала деньги, другим доставляла дефицитные лекарства, третьим сокращала хлопоты в приобретении инвалидных колясок, жилья, в предоставлении заслуженных льгот, четвертым помогала избежать тюремной решетки. Было такое. Пришло письмо из Владимира от матери, сына которой осудили якобы за воровство. Зыкина поехала во Владимир, и судебное решение было пересмотрено.

Но нередко люди, пользуясь ее доверчивостью и отзывчивостью, попросту обманывали певицу, используя всевозможные ухищрения, убедительные доводы, от которых можно было не только прослезиться, а отдать последнее.

Однажды пришло письмо из Омска от женщины, якобы пораженной тяжелым недугом и поэтому прикованной к постели на протяжении четырех месяцев. Автор письма сообщала, что она бедна, имеет на иждивении старую больную мать и не в состоянии купить самое необходимое, не говоря уж о каком-нибудь захудалом телевизоре, который ох как бы пригодился в такой тяжелейшей ситуации. Зыкина немедленно позвонила знакомому директору филармонии, договорилась о покупке телевизора и доставке его по указанному адресу. Вскоре вылетела в Омск на гастроли и в первый же день пребывания там отправилась навестить тяжелобольную. Дверь оказалась закрытой. Соседи сказали, что ее адресат на работе. Спрашивает у соседки: «А как здоровье у Валечки? Она поправилась окончательно?» — «С чего вы взяли, — та отвечает. — Она и не болела». Людмила Георгиевна сначала подумала, что ошиблась, и на всякий случай спросила: «А мама как себя чувствует?». «Прасковья Петровна? Да на здоровье пока не жалуется. Недавно зубы вставила, шубу новую приобрела. Обмывали покупку». Вскоре подошла и «тяжелобольная». «Меня поразила наглость, с какой она оправдывалась, — вспоминала певица. „А что тут особенного? — говорит. — У меня действительно денег всегда не хватает. Задумала вам написать, авось что-нибудь и выгорит“».

В Барнауле, едва певица вышла из гостиницы, как откуда ни возьмись выросла перед ней женщина с тремя детьми. «Я, — говорит она Зыкиной, — вышла только из тюрьмы. Попала туда вместе с мужем. Вот детей в детдоме отдали, а нужно ехать к родителям в Курскую область, на родину. Денег на билет нет, и взять их негде». Билеты были куплены на ближайший поезд. Через три дня Зыкина снова видит эту женщину с ребятами около местного универмага. «Почему не уехали? — спрашивает у страждущей „уехать на родину“. „А мы и не собирались уезжать, — был ответ. — Придумала я с билетами. Сдала их и деньги получила. Так бы вы, может, денег и не дали. Муж действительно в тюрьме, одной с детьми трудно. Есть тут у нас на окраине старенький домишко, в нем и живем, хлеб жуем“.»

Людмила Зыкина всегда откликалась на просьбы людей: одним посылала деньги, другим доставляла дефицитные лекарства, третьим сокращала хлопоты в приобретении жилья, четвертым помогала избежать тюремной решетки.

Десятилетиями Зыкина шефствовала над детдомом в Ульяновске. Организовывала для ребят концерты музыкальных и театральных коллективов, принимала участие в создании самодеятельности, покупала книги, тетради, альбомы, игры, сладости — многочисленные коробки с шоколадными конфетами. Годы шли чередом, пока ей не сообщили, что кое-что, и весьма существенное, из того, что привозила в детдом, ненавязчиво разворовывалось, присваивалось людьми, стоящими на службе

добродетели и воспитания. Безнравственное действо ее сначала ошарашило, и она укротила свою активность и пыл. Но вдруг пришло благодарное письмо от бывших детдомовцев, и Зыкина не вытерпела, возобновила поставки в прежнем режиме, на что Виктор Гридин, муж певицы, отреагировал советом: «Давай помогай и другим детдомам, может, там воровать будут меньше. Добрая очень…».

* * *

В доброте и отзывчивости Зыкиной я убеждался несчетное число раз.

В 1958 году Зыкина вместе с представителями московских театров, концертных организаций, Мосэстрады на Ил-14 отправилась на дрейфующую станцию «Северный полюс-6», прихватив для полярников двадцать лимонов и три арбуза. «Еле дотащила мешок с арбузами до трапа самолета», — вспоминала она. У полярников таких деликатесов не оказалось, и они были чрезвычайно рады зыкинскому провианту, о котором, разумеется, и думать не могли. По возвращении в Москву ее награждают Почетной грамотой ЦК Профсоюза работников культуры «За патриотический поступок и большую работу по культурному обслуживанию полярников в Арктике и на Северном полюсе в 1958 году». Спрашиваю Зыкину: «За какой патриотический поступок грамота?». «А кто его знает. Я пела при тридцатиградусном морозе на станции, а потом выступала в Игарке, Дудинке, Тикси, Хатанге, Амдерме. Может, и арбузы с лимонами к грамоте причастны. Во всяком случае, они произвели настоящий фурор. Наверняка до высокого начальства дошли слухи, как полярники обрадовались моим лимонам. У них же консервы да сухари в основном в рационе были. А тут, как по волшебной палочке, три арбуза, да довольно крупные. Я не собиралась никого удивлять. Просто думала, что полярникам фрукты будут кстати».

Во время гастролей в Ленинграде в 1980 году Зыкина по совету известного баса Бориса Тимофеевича Штоколова, любившего духовную музыку и часто слушавшего церковные песнопения, отправилась в храм, в тот самый, что остался цел и невредим во время бомбежек и артобстрела в дни Великой Отечественной войны. При выходе из собора, увидев старушек, стоящих в ряду, не раздумывая, стала подавать милостыню. В конце этой очереди стояли еще какие-то пьяницы и тоже тянули руки: «Помогите обездоленным. Бог вам тоже поможет. С

праздником вас…» И Зыкина снова взялась за кошелек. Когда мы отошли от храма на несколько шагов, я не удержался:

— Зачем, Людмила Георгиевна, этим пьянтосам подавать столько денег?

— Так праздник же.

— А какой сегодня праздник?

— Они сказали: праздник.

Оказалось, действительно «праздник» — день Григория-летописца.

В Ливерпуле перед концертом подошел к певице сгорбленный старик с трясущимися руками, бывший русский матрос с броненосца «Потемкин». У него не было денег на билет, и она, недолго думая, посадила его в первом ряду, где были места для гостей.

В 1964 году, во время гастролей во Франции, русская колония в Париже обратилась к Зыкиной с просьбой дать концерт, сбор от которого пойдет в фонд помощи бедствующим детям старых русских эмигрантов. Она тут же согласилась. У Зыкиной не было детей (певица хотела иметь своих детей, но проблемы, связанные с внематочной беременностью, разрушили планы о материнстве. — *Ю.Б.*), и, видимо, это обстоятельство как-то влияло на нее — если речь заходила о помощи детям, тем более инвалидам, денег никогда не жалела. И когда после концерта к певице подошла престарелая дама, говоря что-то по-французски вперемежку со слезами на глазах, она и ей дала денег. Оказалось, это дочь художника Поленова. Она имела свою мастерскую, работала над театральными куклами и очень бедствовала. На том же концерте седой старик опустился перед певицей на колени: «Родимая, если доведется встретиться, привези хоть горсть землицы русской». И Зыкина набрала земли в холщовый мешочек, освятила ее в храме и повезла во Францию несколько лет спустя. Но никто не пришел за этой землицей, хотя она и пела на той же сцене.

Перед поездкой в Соединенные Штаты в 1978 году певица поменяла туалеты. Ей связали красивое платье и пошили черного цвета пальто с воротником из светлой норки, с вышитой спиной и отделанным под дубленку подолом. Наряды ее то и дело расхваливались в газетах, цветные фотографии публиковали и журналы. В один из вечеров в Нью-Йорке после концерта пришла за кулисы женщина, представилась женой местного бизнесмена и выпросила у Зыкиной пальто. Та, не раздумывая, сняла с вешалки замечательное творение московских модельеров. «Что делать? Ну если человеку понравилось. Где она такое пальто еще найдет?» — объясняла Людмила Георгиевна. Справедливости ради надо

заметить, что у дамы, видно, совесть все-таки была, и она подарила ей, не знаю, свою или купила, норковую накидку, в которой певица и вернулась в Москву.

Добротой Людмилы Георгиевны, порой чересчур, пользовалось все ее окружение. Тысячи долларов ей остались должны многие, так и не отдав и части долгов, видимо, считая, что «у Зыкиной не убудет». Артисты ансамбля «Россия», зарабатывавшие от концертной деятельности в последние годы не бог весть какие большие деньги, иногда получали из «бездонного» зыкинского кошелька дополнительное пособие. Однако если кто-то пренебрегал пословицей «Все хорошо в меру», Зыкина не давала ни копейки. У нее на этот счет было какое-то особое чутье.

Один из первых концертов с ансамблем «Россия». 1978 г.

Бывали случаи, когда и копейкам она знала счет, очевидно, из постулата, что копейка рубль бережет. Послала однажды водителей (ее и ансамбля «Россия») за новыми двигателями и запчастями в Горький. Гонцы привезли все, что она просила, но в отчете о командировке цены на покупки округлили до рубля. «Дайте мне квитанции и чеки на все, что привезли из Горького, — потребовала Зыкина. — И представьте отчетность до каждой израсходованной копейки». Не знаю, каким образом водители вышли из этой ситуации, но им ничего не осталось делать, как приготовить новые отчетные документы.

Привез домой Людмиле Георгиевне корзину черной смородины с моей дачи под Вереей. В ответ она решила угостить тортом, зная, что я любитель сладкого. «Эля, — говорит она юной

помощнице по хозяйству, — сходи за тортом». Кондитерская располагалась внизу, на первом этаже. Та быстро принесла и поставила на стол гостиной почти художественное творение из шоколада. «А где сдача?» — спросила Зыкина. «У телефона», — кивнула в сторону тумбочки, где стоял телефон, помощница, поблескивая бриллиантовыми сережками. Сдача состояла из 30 копеек.

Приехали с Зыкиной на такси к подъезду Центрального телевидения — там готовилась очередная передача с ее участием. На счетчике высветились цифры — 1 руб. 60 коп. Вынимает из кошелька 2 рубля и дает водителю. Тот кладет деньги в карман и включает зажигание. «А сдача где?» — спрашивает певица. Таксист с удивлением смотрит на нее, вытаскивает из кармана пригоршню мелочи и отсчитывает 40 копеек.

«Сдались вам, Людмила Георгиевна, эти 40 копеек», — сказал я, захлопнув дверцу авто после выхода певицы из машины. «Любовь к деньгам — корень всех бед, — проронила она. — Он (водитель) решил заработать и поехал окружным путем, хотя ехать сюда более короткой дорогой — считаные минуты. Ему бы не помешало побывать в Австралии, в Сиднее, и поучиться у местных водителей кое-чему». (Вот что имела в виду певица. Во время гастролей в Австралии в 1967 году она должна была встретиться с известной писательницей Катариной Сусанной Причард, но не могла разыскать нужную улицу. Взяла такси. Таксист пожал плечами, когда услышал из уст пассажирки неизвестный ему адрес. После недолгих раздумий все же связался по радио то ли с полицией, то ли с каким-то информационным центром. Проехав метров триста и еще примерно сто после поворота за угол, машина остановилась в нужном месте. «Вот эта улица, а вот дом», — сказал водитель, указывая на утопающий в зелени небольшой особнячок в тени деревьев. Зыкина протянула деньги. Таксист даже не взглянул на них. «Такая работа не стоит и цента, — молвил он. — Всего вам доброго, сударыня».)

В начале 80-х в Ленинграде проходил очередной съезд композиторов страны. По его завершении Зыкина за свой счет устроила банкет в гостинице «Европейская» и пригласила на него человек пятнадцать-шестнадцать, только тех, кого хорошо знала и с кем сотрудничала. После застолья, после того, как последний подвыпивший композитор с очень известной фамилией попрощался с ней, сказав: «Ты, Люда, хорошая бабенция, спасибо тебе», Зыкина позвала своего администратора и водителя и распорядилась, чтобы они забрали со стола все бутылки с марочным вином, водкой, коньяком и все остальное, что

оставалось нераспечатанным или нераскрытым, — банки с икрой, рыбой, пряностями, коробки шоколада и т. д. «Зачем добру пропадать», — как бы мимоходом заметила она, когда вместительные сумки были забиты продуктами и деликатесами до отказа.

Я никогда не просил у Зыкиной денег ни по какому поводу, но зато если и просил о чем-то, немедленно следовала фраза: «О чем вы говорите, Юрочка! Нет проблем!». Покупая «Волгу» в 1986 году, я хотел, чтобы она была белого цвета (цвет определила Плисецкая: «Белая машина наряднее. Черная в жару сильно нагревается, на ней грязь видна, в сумерках, если стоит у обочины, ее просто можно не заметить…») и на 76-м бензине. Тогда Людмила Георгиевна тут же позвонила директору магазина «Автомобили» на Кожуховской, и я получил отличный автомобиль.

— Ну как машина? — спрашивает.

— В порядке. Даже перед продажей сделали протяжку узлов.

— Где находится твоя ГАИ?

— На Ярцевской, в Кунцеве.

— Ты когда будешь оформлять документы?

— Да хоть завтра.

— Завтра и оформляй.

На другой день я отправился с документами в автоинспекцию. Как только назвал свою фамилию в первом же окне, словно из-под земли вырос передо мной лихой майор и помог быстрехонько решить все мои вопросы. Ну, думаю, не иначе как Зыкина позвонила высокому начальству в МВД. И действительно, позвонила. Так же быстро с помощью Людмилы Георгиевны я получил место в кооперативном гараже напротив дома, где живу.

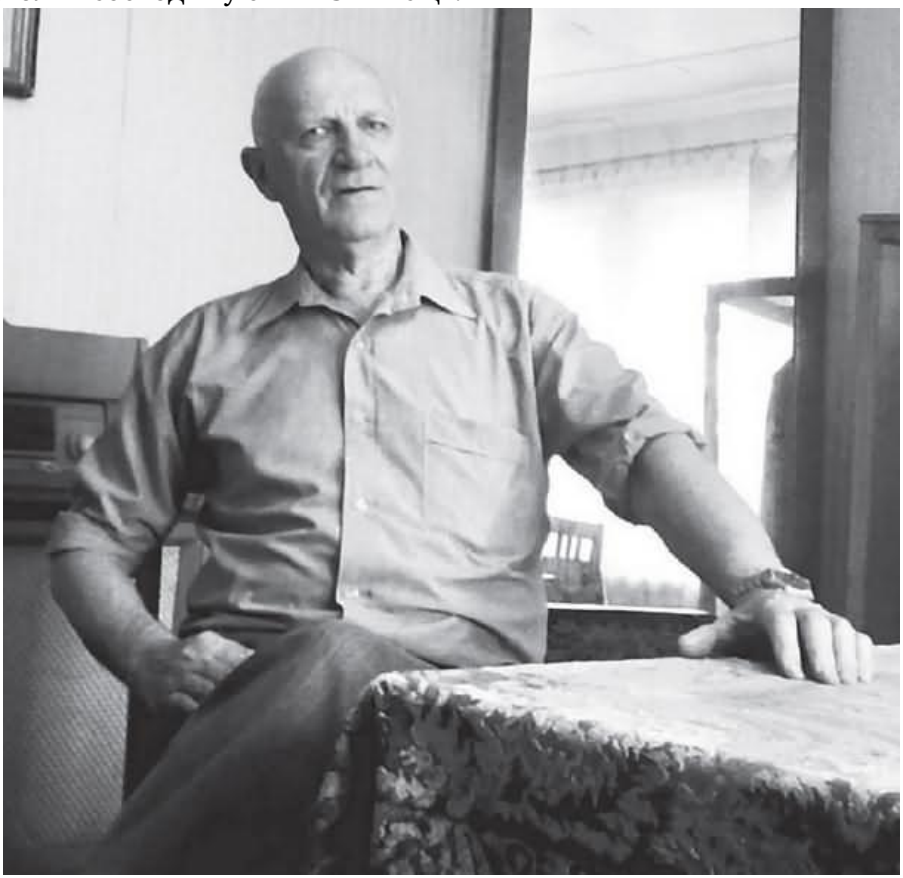
Перед интервью с ней вышел из строя видавший виды диктофон (его подарил еще Давид Ойстрах). «Да выброси ты его, если ремонту не подлежит, — сказала она. — Я тебе из Японии новый привезу». И привезла.

Сразу два «Сони». Один поменьше — для работы, другой большой — «слушать музыку».

* * *

За свою жизнь Зыкина получила множество всяких подарков — от «Мерседеса» до ивановских цветастых фартуков и павлово-посадских полушалков. Она и сама, как говорится, в долгу не оставалась — дарила от сердца и никогда не задумывалась о

стоимости подарка. У нее был внушительный список имен и фамилий с датами рождения друзей, знакомых, артистов ансамбля «Россия», и она никогда не забывала поздравить кого-то и с днем рождения, и с круглой датой, и с Новым годом. Она, наверно, испытывала какое-то чувство удовлетворения, особенно когда процесс этот происходил неожиданно для человека, которому предназначался подарок. Перед тем как дарить, узнавала, что именно человеку нужно, чтобы подарок был впрок, не был никчемным предметом или ненужной безделушкой. Разведка проводилась настолько искусно, что человек нисколько не подозревал о каком-либо презенте со стороны Зыкиной. Приглашала к себе в кабинет, скажем, кого-то из артистов ансамбля и вручала ему новейший пылесос для автомобиля или импортную электробритву или еще что-то такое, что у музыканта вызывало и чувство благодарности, и радость одновременно за столь необходимую в жизни вещь.



Юрий Беспалов — автор этой книги, академик Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского в домике Юрия Гагарина на космодроме «Байконур».

Справедливости ради надо сказать, что все процедуры с тратой денег на подарки или другие благие цели за последние десять-двенадцать лет жизни не стали для нее обязательными и частыми, хотя и упрекнуть ее ближайшее окружение в бедности не поворачивается язык.

Однажды Фурцева привезла Зыкиной дорогостоящую шубу и просила продать (ей якобы нужны были деньги для завершения строительства дачи): «Люда, прошу вас, отнесите ее в комиссионный магазин, мне неудобно это делать, подумают бог знает что, когда увидят меня. Начнутся пересуды, кривотолки, сплетни. Зачем они? Их и так предостаточно в моей жизни».

Зыкина отдает шубу кому-то из своих близких с просьбой оценить ее в комиссионке, узнает цену, округляет сумму в большую сторону и отдает деньги Фурцевой. Саму же шубу дарит «однокашнице» по хору Пятницкого, где когда-то пела, к ее юбилею.

Руководство комбината по пошиву постельного белья и других спальных принадлежностей, в Доме культуры которого Зыкина выступала в сборном концерте, вручает певице накануне 8 Марта несколько комплектов отменного качества постельного белья, и Зыкина дарит один из них уборщице, другой — жене шофера, также на 8 Марта.

Находясь в Сан-Марино на отдыхе, я купил в лавке старинного оружия кортик. Итальянские таможенники заверили меня, что кортик я получу в Москве, он полетит туда в кабине пилотов вместе с другими реликвиями. В Шереметьеве кортик не нашли, он исчез. Кто его приватизировал — не известно. Историю эту я рассказывал Гридину в присутствии Зыкиной. Она, казалось, вовсе не слушала мои воспоминания об Италии, разговаривала по телефону с Пахмутовой. К Новому году получаю из рук певицы точно такой же кортик, что без вести пропал во время туристической поездки в Италию. Всегда что-нибудь дарила и на день рождения. Ручка фирмы «Паркер» с золотым пером — последний ее подарок, ею я и пишу эти строки.

Сама же Зыкина, получая подарки, благодарила за них одинаково достойно: была это «Волга» или коробка шоколадных конфет — большой разницы между ними она не чувствовала или не видела. К 50-летию творческой деятельности Зыкина организовала фестиваль под названием «Как не любить мне эту землю». В программу фестиваля вошел тур на пароходе по Волге «Течет река Волга». Театрализованные представления с участием популярных артистов страны прошли в шести городах Поволжья. В каждом из них певице что-нибудь дарили: цветы, коробки конфет, сувениры, преподносили хлеб-соль. Саратовский

губернатор Дмитрий Аяцков подарил «Волгу» с напутствием: «Мисс Волга, плывущая по Волге, должна передвигаться только на „Волге“.» Реакция Зыкиной на все эти дарения была абсолютно равнозначной.

Если подарок был с каким-то умыслом, что случалось крайне редко, она старалась от него избавиться, усматривая в нем какую-нибудь глупость. К цветам это не относилось. Цветы, как и всякая женщина, она любила. Казалось, они не переводились никогда (в кабинете букеты цветов в вазах были круглый год и каждый день), независимо ни от чего: от времени года, настроения, ритма гастролей. Они были везде: дома на столе в гостиной и на кухне, на даче, в номере отеля, в купе вагона. В прессе просочилось сообщение, что «ромашки — самые любимые цветы Зыкиной». Похоже на правду.

Цветы для нее всегда были приятны, и ромашки в том числе. Ромашки после похорон возвышались на могиле певицы на Новодевичьем кладбище до первых морозов и снега. Другие цветы и сегодня там.

В прессе просочилось сообщение, что «ромашки — самые любимые цветы Зыкиной». Похоже на правду.

Глава II

Мифы и легенды: Косыгин, Хрущев, Фурцева. — О сплетнях. — Аферы устроителей концертов.

— Петь не разрешили. — Концерт в Краснодаре. — Любимые сцены и города.

За десятилетия Зыкина слышала о себе несчетное число всяких мифов, сплетен, легенд, небылиц, откровенного вранья, от которых могут завянуть не только уши.

То Зыкина чуть ли не враг (?!) русской песни; то ее из партии (в которой никогда не состояла) выгнали по семейным обстоятельствам; то певица Людмила Зыкина скупила пол-Берлина во время вывода Западной группы войск в Германии; то «Зыкина готовится открыть собственный ресторан в Москве… на свои средства» то «хлестала с Фурцевой водку в бане…». И так далее в том же духе. За несуществующую любовь к Косыгину ей перемывали косточки несколько лет подряд. И до сих пор эта байка ходит по Москве, да и не только по ней, дескать, было дело, чего уж там скрывать, все знают. А что знают? Да ничего.

А истина такова. Зыкина была на дне рождения известного, ныне покойного конферансье Бориса Брунова и там познакомилась с дочерью А. Н. Косыгина Людмилой и ее мужем. С ней они потом довольно часто встречались на всевозможных торжествах и по праздникам. На одном из таких вечеров Косыгин, подняв бокал с шампанским, произнес: «У нас в гостях Людмила Зыкина. Я очень люблю ее песни. Давайте выпьем за нее, за ее замечательный голос, за ее творческие успехи». И когда певица принесла цветы на похороны жены Косыгина, слухи о его симпатии к ее персоне стали разрастаться вглубь и вширь. На приеме в честь Жоржа Помпиду Борис Брунов, между прочим, сказал Косыгину, что молва считает Зыкину его, Косыгина, тайной женой. «Ну что же, — отвечал Алексей Николаевич, — молва — плохой гонец и еще худший судья. Хорошо еще, что подобрала мне молодую, да еще Зыкину». «И когда Косыгин проходил мимо меня, — вспоминала певица, — он вдруг неожиданно спросил: „Ну как успехи, невеста?“ — „Грех жаловаться“, — отвечаю. „Вас не шокируют сплетни?“ — спрашивает он. „Нет, что вы, наоборот“, — отвечаю».

На гастролях в Чехословакии, начиная с прибытия поезда, ее

встречали с охапками цветов как «принцессу или знаменитость первой величины». Внимание и почести ей оказывали повсюду на протяжении всех четырех недель турне. И подарков понадарили уйму. Думали, что имеют дело с женой Косыгина. Наверно, некоторые из руководителей страны тогда огорчились и расстроились, узнав истину.

Судачили досужие кумушки и о якобы дружеских отношениях Зыкиной с Хрущевым. А всего-то лишь один только раз виделась она с ним на его юбилее в Георгиевском зале Кремля. Она пела легендарную «Течет Волга» и в конце песни, обратившись к Хрущеву, пропела: «А вам 17 лет». На что он, повернувшись к окружающим с довольной улыбкой на лице, заметил: «Вот Зыкина сказала, что мне 17 лет и можно еще работать и работать вместе со всеми вами!» Не удалось Хрущеву поработать «со всеми вами» — вскоре его сняли, о чем Зыкина услышала будучи на гастролях в Америке.

Встречи Зыкиной с Фурцевой также не давали и не дают поныне покоя некоторым новоявленным критикам, газетным репортерам, обозревателям («обосревателям», как она говорила), делающим в своих публикациях безапелляционные выводы об отношениях певицы с бывшим министром культуры. Поэтому привожу запись воспоминания Зыкиной о встречах с Фурцевой полностью, поскольку для нее, Зыкиной, это был близкий и дорогой человек.

«С Екатериной Алексеевной я познакомилась в начале 60-х годов на декаде искусств Российской Федерации в Казахстане, куда она прилетела во главе делегации. Помню, сидели мы где-то за столом, и после „Ивушки“, которую я спела, Фурцева воскликнула: „Так вот вы какая, Людмила Зыкина!“. А когда мы летели обратно, она поинтересовалась, есть ли у меня машина. Я ответила, что есть, хотя в те годы у меня ничего еще не было, и от предложения подвезти отказалась — не хотелось чем-то утруждать министра.

Я очень стеснялась ее, особенно первое время, да и потом мы никогда не были в приятельских отношениях, как это представляется некоторым авторам — хулителям Фурцевой. Мы с ней были разного возраста. И она мне своего сокровенного никогда не доверяла, я же с ней могла посоветоваться о чем-то, но никогда о чем-либо значительном не просила. Я всегда держала дистанцию во взаимоотношениях, поскольку она была для меня очень большим, государственного масштаба человеком. Я и сейчас прекрасно знаю свое место, всегда и везде, и потому границ доверия нигде не переходила и не перехожу.

Иногда я встречалась с Екатериной Алексеевной на

фестивалях искусств, Днях культуры, юбилейных и правительственных концертах. На последних я старалась петь песни героико-патриотические, о Родине, о России, хотя мне удавались больше лирические. Я считала, что на такого уровня представлениях не следовало вдаваться в лирику, пока однажды Фурцева перед одним из концертов в Кремлевском дворце не спросила:

— Люда, почему бы вам (она всегда обращалась на „вы“, никого не звала на „ты“) не исполнить „Ивушку“ Григория Пономаренко? Она у вас, кажется, неплохо получается?

Екатерина Алексеевна Фурцева была для меня очень большим, государственного масштаба человеком, — говорила Людмила

Зыкина.

— Ой, Екатерина Алексеевна, — отвечала я, — как хорошо, что вы мне подсказали. У меня давно такое желание созрело, да все никак не решалась…

Она была искренним, добрым, отзывчивым человеком. Никогда не показывала свое превосходство над кем бы то ни было. Вот, дескать, я министр, а вы все — плебеи.

Фурцева никогда не пыталась кого-то обидеть, а если такое вдруг случалось, страшно переживала и обязательно извинялась за свою допущенную бестактность или ошибку. И сама старалась не вспоминать то, что приносило ей горечь.

Как-то Екатерина Алексеевна навещала в больнице мужа, Н. П. Фирюбина и на лестнице встретила Жукова. Подошла к нему и сказала: „Георгий Константинович, простите меня, я очень плохо по отношению к вам поступила и постараюсь вину свою искупить“. (В 57-м году по поручению Хрущева Фурцева проводила расследование „персонального дела“ маршала и выступала против него на Пленуме ЦК КПСС). А Жуков и говорит: „Катя, это такие мелочи, о которых не стоит вспоминать“.

Я много раз выходила из ее кабинета в слезах, но довольная. Чувствовала, относится ко мне она с большим уважением. А только любящий человек может сказать в глаза правду. Потому что хочет добра.

Я долгое время получала ставку в 16 рублей за концерт, и в один прекрасный момент в дирекции Москонцерта мне сказали, чтобы я написала заявление на имя директора с обоснованием повышения ставки, т. е. с учетом повышения количества концертов, репертуара, гастролей и т. п. Директор написал письмо В. Кухарскому с перечнем фамилий артистов, которым следовало повысить зарплату.

— Как? У тебя столько всего за плечами и ты получаешь 16 рублей без всяких надбавок? — удивился замминистра при встрече.

— Совершенно верно, — отвечала я.

И когда Фурцева узнала о нашем разговоре, она с обидой спросила:

— Неужели вы, Люда, не могли ко мне обратиться?

— Не могла. С моей стороны такая просьба выглядела бы бестактной.

Она любила артистов как могла, помогала им и в беде оказывалась всегда рядом.

В 1964 году Ростропович лежал в больнице с кровоточащими венами. Фурцева буквально подняла на ноги всю столичную

медицину в поисках каких-то дефицитных препаратов, чтобы ускорить процесс выздоровления музыканта, не раз ездила к нему в больницу, подбадривала, ежедневно справлялась у врачей о состоянии здоровья Славы.

Однажды она обратилась ко мне с просьбой поехать вместе в больницу, где лечились А. Тарасова и Г. Отс, известнейшие в стране артисты.

— Я с удовольствием поеду, только удобно ли?

— Удобно, удобно, — отвечала Екатерина Алексеевна.

— Надо за цветами заехать.

— У меня уже есть цветы.

Но я все равно купила еще два превосходных букета, и мы отправились в клинику. Если бы кто слышал, с какой теплотой говорила Фурцева обоим такие нужные, добрые, „вылечивающие“ слова!

Я слушала, и у меня слезы навертывались на глаза.

Екатерина Алексеевна умела успокоить любого человека. У танцовщиц из ансамбля „Березка“ возникли трения с их руководителем, Надеждой Надеждиной. И они пришли в Министерство культуры жаловаться.

— Таких, как Надеждина, больше нет, — сказала им Фурцева, — таких, как вы, много. И давайте совместно искать пути выхода из создавшегося положения.

И она нашла такие слова, что посетительницы вышли из кабинета министра буквально растроганные, вполне удовлетворенные оказанным им приемом.

Однажды Леня Коган подвозил меня на своем новеньком „Пежо“, и очень мне его авто понравилось. Думаю, куплю тоже „Пежо“. Накопила денег. Пошлина на иномарки тогда составляла двести процентов, и, чтобы ее не платить, требовалось разрешение Министерства культуры. Пошла к Фурцевой.

— Я уже столько лет работаю, — говорю ей. — Может быть, разрешите купить мне заграничную машину?

— Какую машину?

— Да вот „Пежо“ мне приглянулась.

— Вы что, Люда, в „Волге“ уже разочаровались? Вам наша „Волга“ уже тесная стала, не нравится?

— Да что вы, Екатерина Алексеевна, нравится, но просто все стали ездить на иномарках.

— А я не хочу вас видеть в заграничной машине. Вы — русская женщина, русская певица. Не подводите нас, русских. Лучше купить другую „Волгу“, если прежняя устарела или износилась.

(Зыкина послушала Фурцеву, приобрела новую „Волгу“. —

Ю.Б.)

Фурцева высоко ценила мнение специалистов, профессионалов в том или ином вопросе культуры, хотя мне порой казалось, что она сама была эрудитом в любой сфере искусства. И однажды я не удержалась от вопроса:

— Неужели вы, Екатерина Алексеевна, во всем так хорошо разбираетесь? Например, в вокале, опере?

— Да вы что, Люда? Разве можно быть такой всезнайкой? Опера — жанр сложный, и я ничего не могу подсказать, скажем, Ирине Архиповой, как ей лучше исполнять какую-либо партию в спектакле и работать над ролью. Для этого есть Борис Александрович Покровский, которому в оперной режиссуре равных и в мире-то нет. (Знаменитый режиссер, с которым певица не раз общалась, прожил 97 лет и умер в 2009 году. — *Ю.Б.*).

С Георгием Береговым и Екатериной Фурцевой в Кремлевском Дворце. 1972 г.

— Ну а в скульптуре, архитектуре?

— То же самое. Вот как раз сегодня у меня будут Кибальников с Вучетичем, и вы, если хотите, послушайте нашу беседу.

Я пришла к назначенному времени. Разговор между Вучетичем и Кибальниковым походил больше на спор. Екатерина Алексеевна умело вставляла в него то одну реплику, то другую,

словно угадывала мысль каждого из спорщиков, делая иногда какие-то пометки в блокноте. И в конце концов сказала, что настал момент, когда надо подвести итог и подойти к результату. Оба во всем согласились с ней, хотя мнения своего она ни одному из присутствующих не навязывала.

Она была красивой женщиной, постоянно за собой следила. Играла в теннис, бегала, каждый день делала гимнастику. И меня не раз упрекала за то, что я начинаю полнеть: „Певица вашего уровня должна быть точеной!“. Она сама умела ухаживать за собой: и лицо привести в порядок, и причесаться. У нее были очень красивые шиньоны! На работу — один, на банкет — другой, и всегда все выглядело безупречно. Туфли носила только на каблуках. Одевалась с большим вкусом — в этом ей помогала Надя Леже, с которой Екатерина Алексеевна много лет дружила. Некоторые модели ей сделал Слава Зайцев.

Была азартным рыболовом, любила попариться в бане, понимала в этом толк. Любила рыбец под пиво, редко когда принимала рюмку водки. И я никогда не видела ее пьяной. (Замечу попутно, что за десятилетия встреч и общения с Зыкиной я ни разу не видел, чтобы она „хлестала“ водку.)

В баню всегда ходили втроем: Екатерина Алексеевна и две женщины, ее давние знакомые, кажется, инженеры. С моей приятельницей Любой Шалаевой мы посещали Сандуны и, не помню точно, в каком году, примкнули к этой троице — Люба, как оказалось, была знакома с Фурцевой. Судьбе было так угодно, что и последняя наша встреча, накануне ее смерти 24 октября 1974 года, состоялась в бане. В половине седьмого разошлись. Я пошла домой, готовиться к поездке в Горький, там мне предстояло выступать в концерте на открытии пленума Союза композиторов России, Екатерина Алексеевна в этот вечер должна была присутствовать на банкете в честь юбилея Малого театра. После банкета она мне позвонила, голос такой тихий, усталый. „Люда, — говорит, — я вам что звоню: вы же сами за рулем поедете. Пожалуйста, осторожней!“. Узнав о том, что Н. П. Фирюбин еще остался в Малом, я спросила, не приехать ли мне к ней. „Нет-нет, я сейчас ложусь спать“, — ответила она. На этом наш разговор окончился.

В пять утра я уехала в Горький, а днем мне сообщили о ее смерти. Я тут же вернулась. До моего сознания случившееся не доходило, и спрашивать ни о чем я не стала. Мне сказали, что у нее что-то с сердцем. Я знала о том, что у нее с мужем были какие-то нелады, в последнее время они вечно ссорились. Но что дойдет до такой степени, даже не предполагала. У гроба я пела песню — плач. Все плакали. И я вместе со всеми».

(В газетах новейшей истории можно было прочесть, что «Фурцева могла дать Зыкиной нагоняй», «Зыкина слушалась Фурцевой, какую прическу ей следует сделать перед отлетом на гастроли в Париж», «Зыкина не могла перечить Екатерине Алексеевне». Но, оказывается, могла и перечить, если была убеждена в своей правоте.

Накануне гастролей в Японии в 1967 году перед Зыкиной встал выбор: кого взять в сопровождение? Как ни странно, балалаечники, выступавшие с ней, играли… сонаты. Она пожаловалась Фурцевой, дескать, не нужны ей классики, дайте музыкантов, исполняющих русские народные мелодии. Выбор пал на Михаила Рожкова. «Рожкова нельзя, — воспротивилась Фурцева, — у него братья в концлагерях были. Рожков может убежать, как двое балалаечников». (Двое сбежавших музыкантов попросили политического убежища. — *Ю.Б.*). «Я поеду только с Рожковым», — заявила Зыкина. «Посмотри, Люда, что пишут в зарубежной прессе два известных (сбежавших) балалаечника про твоего Рожкова. Что он порядочный бабник и алкоголик. Удерет он тоже, как и эти двое». «Я поеду с Рожковым или не поеду вовсе», — настаивала певица. И Фурцева согласилась. «Я был обязан Зыкиной, — вспоминал Рожков, — тем, что она содействовала моему участию в гастролях не только в Японии, а по странам Европы, а затем и Северной Америки».)

* * *

Ко всякого рода сплетням вокруг своего имени относилась довольно спокойно, почти философски: «Об известных людях всегда пишут с преувеличением. На хлеб-то насущный надо как-то журналистам зарабатывать, вот и врут без всяких тормозов». И не удивлялась «мастерству» писак, клеветавших в своих лживых публикациях, что называется, на «полную катушку» — ни одного слова правды. Прочла однажды «откровения» криминалиста, опубликованные в «Московских ведомостях» (№ 447 от 1 декабря 1998 года): «В 1969 году обокрали нашу знаменитую певицу Людмилу Зыкину. Я принимал участие в раскрытии этого преступления. У Зыкиной с дачи пропала большая сумма денег: по оперативной информации, те деньги истратил ее сын. Понадобились мне тогда понятые. Зашел на ближайшую дачу, а ее хозяином оказался… режиссер Ромм. Так знаменитый кинорежиссер стал понятым по делу о краже у Зыкиной».

— Ну что тут сказать? Ложь от начала до конца. Ничего похожего даже в помине не было, — говорила она.

С президентом общества «Япония — Советский Союз» Аоки-сан. Токио. 1967 г.

— Почему бы вам, Людмила Георгиевна, в суд на пасквилянта не подать? — поинтересовался я.

— Да что толку? Себе дороже выйдет. Вон про Плисецкую написала одна врунья, что якобы у нее есть дочь, хотя никакой дочери и в помине у Майи не было и быть не могло — рожать балерины себе во вред не могут.

Если представить себе невероятное, что Майя родила дочь, то уже бы давно всему миру было бы известно. Вот выиграла она в суде. Ну и что? С лживой девки как с гуся вода.

* * *

Случалось в жизни Зыкиной, когда ее именем пользовались проходимцы всех мастей и рангов. В 1965 году некто И. Рахлин, режиссер Московского театра массовых представлений, в течение довольно длительного времени безнаказанно обманывал публику — десять тысяч любителей эстрады крупнейших промышленных центров страны, собиравшихся, как правило, на стадионах. Огромный интерес к представлениям подогревался многочисленными красочными афишами, расклеенными всюду, с обещаниями послушать и увидеть «живьем» народную артистку. В Донецке, при заполненных до отказа трибунах стадиона, на поле при свете прожекторов выпустили отдаленно похожую на Зыкину

женщину, степенно шествующую по ярко-зеленому подстриженному газону с микрофоном в руке к центру поля, где находился помост. На весь стадион неслась и разливалась мелодия ее «Ивушки», как оказалось, записанная на магнитную ленту. Услыхав знакомый голос, зрители зааплодировали. Но нашлось немало среди них и таких, кто прихватил с собой бинокли, чтобы получше рассмотреть популярную певицу. Стадион, обнаружив обман, сначала затих, а потом на трибунах стал слышен ропот. Несколько мужчин выскочили на поле, подбежали к новоявленной Зыкиной, стащили ее с наспех сколоченной эстрады и под оглушительный рев и свист собравшихся увели прочь. Такие аферы практиковались и в других городах.

К мошенничествам с включением в программу концерта имени Зыкиной — без ее, разумеется, ведома — часто прибегали и в моменты, когда трещали по всем швам планы проведения культурных и зрелищных мероприятий, и руководство концертных организаций, театров, концертных залов, домов и дворцов культуры заведомо обманывало ее поклонников и почитателей.

В сентябре 1972 года весть о якобы ее приезде в Чимкент распространилась с быстротой молнии. Старший кассир областной филармонии Ф. Сабирова вмиг стала самым популярным в городе лицом. Ей звонили знакомые и незнакомые люди. Приходили общественные распространители от предприятий, учреждений, организаций. И все с одной просьбой: «устроить» билеты на концерт Зыкиной. Сабирова старалась никого не обидеть. Все шло гладко, если не считать нескольких конфликтов из-за «нагрузки». Вопрос стоял так: хочешь послушать Зыкину, внеси свою лепту в выполнение финплана филармонии, покупай билеты еще и на другие концерты.

Люди спорили, ворчали, но уж больно велико было искушение встретиться с Зыкиной. Кассир бойко торговала билетами, и с выручкой был, что называется, полный «ажур». Но на душе кассира такого «ажура» не было. Ее тревожила мысль: а вдруг певица не приедет, что тогда? Ведь устное распоряжение директора филармонии О. А. Манукяна: «Расписывай билеты на концерт оркестра имени Осипова и говори, что будет петь Зыкина», как говорится, к делу не пришьешь. Успокаивали его заверения, что он «все берет на себя».

Все шло гладко, пока, наконец, не появились афиши и объявления в местной газете о концерте оркестра имени Осипова… с солистом Харитоновым. И снова кассир выдержала натиск зрителей, на этот раз возмущенных обманом. И

расхлебывать все ей пришлось в одиночку. Приказ директора был категоричен: билетов назад не принимать, денег не возвращать. Многие, оскорбленные обманом, не пошли на концерт.

Дирекция филармонии квалифицировала происшествие как слухи зрительской аудитории, досужий вымысел, к которому она, дирекция, не причастна.

Между тем доподлинно известно, что авторство версии о ее концерте целиком принадлежало директору филармонии, о чем свидетельствовали общественные распространители ряда предприятий, лично слышавшие от него о «приезде Зыкиной». И что больше всего беспокоило Людмилу Георгиевну в этой истории, так это то, что на многочисленные жалобы зрителей не было соответствующей реакции. «Ловкий ход» легко сошел директору с рук, и через некоторое время все и вся успокоилось, словно ничего не произошло.

Такие примеры, к великому сожалению певицы, судя по почте ее почитателей, встречались.

* * *

За 60 лет беззаветного служения искусству был единственный случай, когда Зыкиной… запретили петь. Не где-то за рубежом в годы холодной войны, не пресловутая антисоветская «Лига защиты евреев», не пьяные эмигранты в Анкаре, настроенные против большевиков, а у себя на родине.

В августе 2001 года Зыкина собралась провести большой благотворительный тур с ансамблем «Россия» по центральным районам России, намереваясь дать 14 бесплатных концертов. И вот ансамбль приехал в Усманский район Липецкой области. Местная администрация не разрешила певице выйти на сцену, мотивируя это тем, что, во-первых, выступление помешает аграриям убрать урожай, во-вторых, в местном городке нет сил, чтобы обеспечить безопасность (?!) певице. У Зыкиной такое объяснение вызвало почти шок. Я видел ее слезы. Только в большом горе можно было видеть зыкинские слезы. Я даже затрудняюсь сказать, что она тогда пережила. «Ничего не понимаю. Бред какой-то, — говорила, немного успокоившись. — Они что, с луны свалились?»

Очарованная красотой Родины, она воспевала ее в своем творчестве.

К счастью, телевидение освещало зыкинский тур, и после передачи о разразившемся скандале местные начальники смилостивились, и на концерт ансамбля набился полный стадион — почти десять тысяч зрителей. Один из них, узнав подробности происшедшего, заметил в адрес местных властей: «Оху…ли раньше времени со своим урожаем. Было бы что собирать».

* * *

В июле 1966 года Зыкина выступала на малой арене стадиона «Кубань» в Краснодаре. Концерт, как всегда, прошел с успехом. По завершении выступления на вопрос корреспондента местной газеты, как она себя чувствует, Зыкина ответила: «Плохо. Сцена, которую предложили нам для работы, очень неудобна. Микрофоны не для вокальных выступлений. Акустики никакой. Оркестр не слышит меня, и я не слышу его. Отвратительно звучали усилители. Потому мне так тяжело, что сегодня не смогла, как хотелось бы, рассказать песней о моих симпатиях к жителям Краснодара».

Уверяю читателей: Зыкина никогда не была капризной. Непритязательность во всем и ко всему — одно из ее привлекательных качеств. Она могла довольствоваться малым и никогда, будучи на вершине славы и популярности, не требовала от организаторов гастролей повышенного внимания к своей персоне, чего-то особенного, необыкновенного. На Шпицбергене пела в жуткую стужу без всяких подмостков. Под Норильском, в поселке Талнах, давала ранней весной концерт прямо на улице. Вместо сцены — настил из досок. Вышла в сарафане, но холод и сильный ветер, пронизывающий до костей, заставили ее накинуть на плечи телогрейку, любезно предоставленную одним из зрителей, сидящих кто на чем — стульях, скамейках, ящиках. «Зрители пели вместе со мной, — вспоминала певица. — Больше всего меня тронули цветы. Каждый держал в руке букет лютиков. Казалось, пою на цветущем желтом лугу…». Так что в случае с «Кубанью», видимо, действительно сцена и системы звукопередачи были абсолютно не пригодны для проведения нормальных выступлений, что не делало чести организаторам концертных программ.

Зыкиной, конечно, было приятно, когда создавались максимально удобные условия для творчества. Ей, например, нравилось выступать в Удмуртии, начиная с первых гастролей в Ижевске в 1974 году, и она практически ежегодно с тех пор гастролировала в ее столице, в других городах Удмуртии.

— В Удмуртии, — говорила она, — прекрасные детские и молодежные ансамбли, в отличном состоянии Дома и Дворцы культуры. Я люблю эту землю, ценю гостеприимство живущих там людей, уважаю таланты, рожденные в тех краях, и пою здесь всегда с удовольствием.

Разумеется, таких любимых Зыкиной мест по стране было предостаточно, если не сказать, что очень много. И за рубежом у нее были любимые концертные площадки. Она называла Париж,

Лондон, Нью-Йорк, Пхеньян, Пекин, Токио, еще несколько городов мира, где делалось все необходимое для успешных выступлений «королевы русской песни».

Глава III

«Тебе, женщина!». — «Поэтория». — «Течет Волга». — Маршруты певицы. — Ансамбль «Россия».

— Болезни и лекари. — О неудачах и волнении. — «Свинушки» в Томске. — Забот невпроворот.

К 38 годам Зыкина довольно много исполнила народных и современных песен, в большинстве своем посвященных русской женщине. В целом ряде из них российская история, нравы пропускались через ее восприятие: тут и труд, и быт, и свадьба, и разлука, и любовь. Так зародилась идея показать через песню путь тяжких испытаний и великих побед, выпавших на женскую долю. Композиция называлась «Тебе, женщина!».

— Я ощутила, — говорила певица, — потребность сказать моему слушателю нечто более цельное, значительное и весомое на ту тему, которая, если отбросить случайные песни (а у кого из певцов их не бывает!), проходит красной нитью через все мои годы в искусстве. Вспоминая историю создания программы «Тебе, женщина!», могу сказать, насколько важно для меня было работать с режиссером. Я в полной мере оценила, как следует понимать не только смысл слов и точно передать эмоциональное содержание песни, но и знать возможности сценического пространства, света, костюма. Работа над программой шла чрезвычайно сложно. Я часто не соглашалась с режиссером, спорила, но истину все-таки находила. Совместный труд принес желаемый результат: литературно-музыкальная композиция концерта оказалась удачной и на годы обеспечила мой успех. И зрителям, слушателям она пришлась по душе, и критикам.

Людмила Зыкина большинство своих песен посвящала русской женщине.

В общем-то, казалось, на первый взгляд немудреные указания режиссера сослужили Зыкиной службу: они дали ей возможность самой ориентироваться в художественных поисках в будущем.

Вот эти указания на первой репетиции композиции «Тебе, женщина!».

«После вступительной увертюры выходишь с правой стороны

и останавливаешься в глубине сцены. Поешь „Не по реченьке“.

На тексте чтеца медленно проходишь несколько шагов к середине сцены. Останавливаешься в нескольких шагах от ее середины. После музыкального вступления исполняешь без сопровождения плач „Не бушуйте, ветры буйные“.

Исполнив плач, остаешься в том же положении, в том же состоянии скорби и печали и только на непосредственном отыгрыше к песне „Матушка, что во поле пыльно“ быстро подходишь к микрофону на середине сцены, и песня летит прямо в зрительный зал.

Закончив „Матушку“, медленно уходишь за кулисы налево.

После исполнения разработки песни на революционные темы на последних аккордах выходишь с левой стороны сцены и степенно проходишь к левой кулисе основного занавеса на авансцену. Строго исполняешь песню „Это — правда“ и так же степенно, строго уходишь обратно за кулисы налево.

После исполнения оркестром фантазии на темы песен Гражданской войны и после текста чтеца выходишь с правой стороны кулис из глубины оркестра, проходишь к центральному среднему микрофону и исполняешь песню об „Анке-пулеметчице“.

После исполнения спокойно оборачиваешься и набрасываешь на себя цветной платок. На последних словах чтеца: „Ей наказы дают, наставляют.“ поворачиваешься к зрительному залу, подходишь к центральному микрофону и задорно, с огоньком исполняешь песню „Депутатка“.

Здесь же, как продолжение мысли депутатки, исполняешь „Веселые подруги“. Закончив петь, уходишь за кулисы налево.

На последних аккордах вступления к песне „Ох ты, сердце“ выходишь с левой стороны (на плечах другая косынка) и исполняешь первый куплет песни у левой кулисы, на отыгрыше медленно проходишь до середины сцены к основному микрофону на авансцене. Исполняешь второй куплет. После исполнения идут аккорды „войны“. Тут же резко поворачиваешься к задней кулисе, где в это время возникает огонь пожарищ, и медленно уйдешь в глубину сцены: „Ушла на войну“.

После слов чтеца: „Они взрастали за родных отцов“ выходишь „с настроением партизанки“ с правой стороны сцены и исполняешь „Женьку“ в середине оркестра (первоначальная мизансцена к песне „Не по реченьке“). После „Женьки“ на тексте ведущего проходишь к стулу, на котором находятся твои аксессуары, и набрасываешь на себя платок — „Рязанские мадонны“.

После исполнения отходишь в глубину сцены, где находятся

театральные принадлежности, набрасываешь на голову черный газовый шарф, одним концом обвиваешь его вокруг шеи, делаешь это смело, так как свет с тебя будет снят.

На реплике „…и Родины наказ“ высвечивается твое лицо, поешь „Ариозо матери“, отступив на два шага назад от основного центрального микрофона. Пусть тебя не смущает это расстояние, „Ариозо“ очень сочное, все время идет с перегрузкой.

После исполнения „Ариозо“ обязательно нужно выключиться из этого образа. Не торопясь, но оперативно, повернуться к своему стулу, на котором находятся платки, как можно мягче, незаметнее снять шарф и набросить на плечи „веселый платок“. С хорошим настроением пропеть один куплет песни „Зелеными просторами“ на проходке к левой кулисе, допеть песню и уйти за кулисы налево.

На апофеозе России (оркестровом) с левой стороны быстро надеть на себя белое платье, перейти за кулисами на правую сторону сцены. И на фанфарах, степенно, величественно, строго, торжественно, выйти с правой стороны сцены. Идти медленно до конца вступления к песне „Лишь ты смогла, моя Россия“ к центральному микрофону.

Песня „Лишь ты смогла, моя Россия“ исполняется как гимн России, как торжество ее справедливых побед.

После исполнения не кланяться. Медленно закрывается занавес. Тебе — стоять, как памятнику, как изваянию.

Затем занавес снова открывается, и только здесь раскланиваешься».

* * *

По признанию Зыкиной, самой тяжелой, трудной для нее за все 60 лет творческой жизни в песне оказалась работа над сложнейшим сочинением Родиона Щедрина под названием «Поэтория». И об этом хочется рассказать.

«Надо отдать должное, — говорил Щедрин, — она всегда была человеком чрезвычайно смелых решений. Чрезвычайно смелых. Когда я пригласил ее для участия в „Поэтории“, она тут же согласилась. Но возникли трудности отнюдь не творческие. В те годы идеологическая цензура была очень бдительна. А вся вторая часть „Поэтории“ была посвящена Владимирской Божьей Матери, тему которой исполняла Зыкина. В те времена это считалось крамолой. В день премьеры, когда все билеты были распроданы, пришла комиссия ЦК КПСС и порекомендовала концерт отменить. До начала оставалось четыре часа. Людмила

Георгиевна боролась, знаете, как тореадор с быком, с этой комиссией. Она была настойчива, категорична, убеждала, что это сочинение, которое надо обязательно исполнить. И хорошо, что нашим союзником был Д. Д. Шостакович. В конце концов, вечером концерт состоялся».

Выступление в сопровождении баянистов А. Шалаева и Н. Крылова.

— Людская боль, — вспоминала певица, — межчеловеческая солидарность, Родина как твердая опора в жизни каждого человека — вот основные темы «Поэтории», знаменовавшей качественно новый этап в моей творческой биографии. А с чего все началось? Пришла как-то в Большой театр на «Кармен-сюиту» Бизе — Щедрина.

Смотрю — в ложе Родион Константинович, нервничает, комкает в руках программу, танцевала-то Плисецкая! В антракте подошел, взял под руку и бросил шутливо, как бы невзначай: «Ну, Зыкина, в аферу со мной пойдешь? Крупная авантюра намечается…»

Добавил, что в «авантюру» пускается не один — с поэтом Андреем Вознесенским и дирижером Геннадием Рождественским. И название новому сочинению придумал мудреное: «Поэтория» —

для женского голоса, поэта, хора и симфонического оркестра.

«Под монастырь не подведете?» — поинтересовалась я.

«Не бойся! Вот тебе клавир, через недельку потолкуем».

Через неделю сама разыскала Щедрина.

«Нет, мне не подойдет. Невозможно такое спеть: целых две октавы и все время — вверх, вниз и опять вверх, продохнуть некогда».

На Щедрина мои сомнения, как видно, не произвели никакого впечатления, потому что, не говоря ни слова, он усадил меня к роялю.

«Смотри, у тебя же есть такая нота — вот это верхнее „ре“…»

И в самом деле напомнил мне «ре» из «Ивушки».

«А эту, низкую, я слышал у тебя в песне „Течет Волга“, — не отступал Щедрин. — Ты ведь еще ниже взять можешь».

«Все равно не потяну. Не смогу…»

«Не сможешь? — вдруг рассердился он. — Знаешь что, вот садись и учи!»

Те часы, что я прозанималась с ним, были для меня трудной школой, а пролетели они незаметно — с такой радостью я его слушала.

Щедрин уверял, что особых сложностей в «Поэтории» нет. Просто мой вокализ вторит поэту: характер партии — народный, интонация — тоже.

Начались репетиционные будни в Большом зале Консерватории. Вокруг сразу сложилась благожелательная обстановка, я не чувствовала себя здесь чужой.

Щедрин, зная вокальные возможности Зыкиной, был уверен, что она справится с партией, предназначенной для оперной певицы. Ему была нужна зыкинская искренность и естественность звучания фольклорного плача, на котором, как известно, была основана главная тема всего сочинения.

Щедрин настойчиво просил от нее большей исполнительской свободы, личностного отношения к зашифрованной нотной строчке — и это придавало ей уверенности в работе над чрезвычайно сложной в техническом отношении вокальной партией в «Поэтории».

«Шутка сказать, — вспоминала Зыкина, — похудела к премьере на 4 килограмма, какая интенсивная работа шла».

На всю жизнь она запомнила премьеру в Большом зале Консерватории, когда напряженную тишину ожидания разорвал одинокий и печальный звук альтовой флейты и полился ее голос — плач с дребезжащим «всхлипыванием» клавесина, создавая неповторимый вокально-инструментальный эффект.

— «Поэторию» долго не разрешали к исполнению, — вспоминала Зыкина, — и знаменитые дирижеры Евгений Светланов, Юрий Темирканов, Геннадий Рождественский не один день ждали — разрешат или не разрешат? Разрешающий звонок последовал за несколько секунд до звонка в зрительном зале.

— Людмила Георгиевна, — спрашивал я, — а правда ли, что Щедрин, помимо сведения песнопения с концертной музыкой, впервые ввел какую-то авангардную сирену, звук ее почти как при пожаре?

— Похоже на пожарную, действительно. Был момент, что часть публики, не поняв, что происходит, во время последней генеральной репетиции ринулась к выходу, думая, что начался пожар. Такой звук в «Поэтории» был. Много чего было. И церковные колокола, и хоры, и «Матерь Божия».

Сначала «Поэтория» редко появлялась в концертных афишах. В перерывах между исполнением нового для нее сочинения Зыкина то и дело заглядывала в ноты: ей казалось, что ее работа в щедринском опусе далека от совершенства. Но когда «Поэтория» была исполнена в Англии, в Бостоне, на Международном фестивале и получила признание за высочайший уровень исполнения, за оригинальное использование фольклора в симфоническом произведении, тогда она поняла окончательно, какую творческую высоту взяла. «Словно академию окончила», — говорила она.

— Людмила Георгиевна, а при чем тут был Эрнст Неизвестный? Газеты английские и о нем писали. По крайней мере, судя по публикациям в прессе, его тоже лаврами не обошли.

— После эмиграции Неизвестного имя его было запрещено. Но Родион Константинович оставил стихи о нем в «Поэтории». И Бостонский фестиваль пригласил на исполнение Эрнста как героя «Поэтории».

С Родионом Щедриным и Андреем Вознесенским после премьеры «Поэтории». 1968 г.

— Ну хорошо, о вашей «Поэтории» я теперь кое-что знаю. Но «живьем» ни разу не слышал.

— Так слушай.

И Зыкина встала и запела тут же, в кабинете:

Матерь Владимирская!
Матерь Единственная!
Первой молитвой,
Молитвой последней
Стань нашей посредницей,
Матерь Владимирская!

Закончив петь, спрашивает:

— Ну как?

— Нет слов! Но с оркестром, наверно, еще лучше!

— Еще бы, — согласилась Зыкина.

* * *

История создания песни «Течет Волга», ставшей визитной карточкой певицы, такова (за рубежом конферансье или ведущий программы концерта Зыкиной объявлял зрительному залу: «Исполняет мисс Волга из Москвы»).

Поэт Лев Ошанин, родившийся на Волге и проводивший «вечера юношества», как он говорил, на Волге, годы вынашивал мысль написать стихотворение или поэму, посвященную великой русской реке.

«Долго не решался взяться за волнующую тему, — рассказывал поэт, — очень уж боязно было после „Из-за острова на стрежень“ или „Вниз по матушке по Волге“ браться за перо. И вот как-то позвонил мне Марк Григорьевич Фрадкин, известный всем композитор, и сказал, что для панорамного кинофильма о Волге режиссер Яков Сегель, который по заказу Парижа его снимает, просит написать песню. Это было заманчиво и страшновато одновременно. Но я без раздумий согласился: надо так надо. Мы приехали с Фрадкиным к съемочной группе в Волгоград и там на борту парохода „Аргунь“ строка за строкой, поворот за поворотом создавали песню. Вот каким был самый первый вариант песни:

Издалека
Течет река,
Полна своих забот.
И никогда
Ее вода
Обратно не придет.
Мой причал
Позади,
Там любовь,
Там дожди,
Берег, полный огня.
Волга, не забывай меня!
А сколько раз
В рассветный час
Ты в путь меня звала,
А по весне
Навстречу мне
Босой девчонкой шла.

И снова: „Мой причал позади…“.
Была в этом варианте и такая строфа:

Бегут леса,

Бегут дома.
А с ними жизнь сама.
И Ярославль,
И Хохлома
Опять сведут с ума.

Была готова музыка, насколько я вспоминаю сейчас, очень привлекательная. Фрадкину долго казалось, что „Мой причал.“ — это и есть припев песни. А та музыкальная фраза, которая сейчас является рефренной, — „Издалека долго течет река Волга.“ — сначала казалась вступлением к песне.

Четвертая строка рефрена была длиннее. И у меня было так:

Издалека долго
Течет река Волга,
Конца и края нет.
Течет река Волга —
И красит небо в синий цвет.

Мне это очень нравилось, а Фрадкину — нет. Но я не сдавался. Кончилось тем, что Фрадкин сократил музыку, и влезло только „конца и края нет“. Я сначала обиделся. Но музыка и песня в целом стали значительно лучше. Когда песня в первый раз прозвучала по радио, мне позвонил поэт Владимир Дыховичный и, похвалив песню, сказал: „Слушай, это же очень трудно. Там все слова рифмуются“.

Оказалось, что в рефрене действительно все рифмуется. А я этого не заметил.

Так часто бывает в песне — некоторые формальные особенности используются поэтом интуитивно, без заданной схемы. Но, конечно, если бы была хоть маленькая натяжка, хоть одно неестественное слово, все надо было бы переделывать и отказаться от рифмы. Помню, что во второй части припева никак не находилась третья строка:

Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых…

Нужна была еще одна, такая же точно по ритму. А потом уже шло: „А мне семнадцать лет…“. Я перепробовал разные строки с рифмой к словам „спелых и белых“. Но сразу все получилось, когда нашлась повторная строка из первой части припева:

Течет моя Волга,
А мне семнадцать лет…

Кстати, далеко не все песни выдерживают такую поголовную рифмовку. В „Волге“ рифма оказалась на месте».

Песню «Течет Волга» Людмила Зыкина исполняла так, как будто ее поет сама Волга, сама Россия.

Песню для фильма записал Владимир Трошин. Но когда редакция «Доброго утра» попросила разрешения передать песню перед выходом картины на радио, Сегель разрешение дал, а ролик с записью не дал. И для радиослушателей первым исполнителем песни «Течет Волга» был Марк Бернес.

Через некоторое время на декаде русской литературы и искусства в Узбекистане на прощальном вечере неожиданно для всех «Течет Волга» спела Людмила Зыкина. Трудно объяснить, что я испытал. Она пела эту песню так, как будто ее поет сама Волга, сама Россия, подняла в ней пласты глубины и правды. И после Зыкиной не было, по-моему, ни одной певицы, которая могла сравниться с ней в исполнении «Волги». Мне, как автору текста, было приятно слушать еще и потому, что пела она, не тронув ни одного слова, ни одной запятой. Да и Марк Григорьевич, насколько я знаю, пришел в восторг от зыкинского исполнения

«Волги». Вот рассказ самой певицы: «После Бернеса и Трошина популяризацией песни „Течет Волга“ занялись Майя Кристалинская и Капитолина Лазаренко. А я все никак не могла решиться — казалось, нет у меня ровного звучания в низком и высоком регистрах. Но сама себе потихоньку внушала: надо пробовать. Стала осторожно подбираться ко все еще „засекреченной“, но уже разжигавшей мое самолюбие „Волге“. Как видно, шел процесс узнавания песни, проникновения в ее глубинные тайны. Смущало меня и одно немаловажное обстоятельство, что эта песня — мужская. Но затем решила — не так уж это важно. Шло время. Песня словно магнитом тянула меня к себе, и я находила в ней все новые грани и достоинства. Наступил какой-то миг, и я почувствовала, что не могу не спеть ее. Если попытаться кратко сформулировать мое впечатление от этой песни, то я бы сказала — стирание грани между зрительным залом и сценой, между исполнительницей и слушателями. Песня словно перелетает через рампу и входит в душу людей независимо ни от чего — возраста, профессии, характера…»

Слова Зыкиной в одном из интервью по поводу исполнения песни: «На одном из фестивалей слышу — Капа Лазаренко эту песню поет. Думаю: „Надо же, она поет, а я нет“. И уже в Москве в концертной программе „Ветры весенние“ я ее исполнила».

Певица считала, что и было на самом деле, что популярность ей принесла не «Течет Волга», а «На побывку едет» на музыку А. Аверкина и «Мама, милая мама», исполненные в конце 50-х годов под несмолкаемые аплодисменты тысяч и тысяч зрителей как в концертных залах, так и на стадионах больших и малых городов страны. «Волга» лишь прибавила известности в 1963 году.

* * *

Как-то разговор с Зыкиной зашел о ее досуге, увлечениях, о том, как она проводила свободное время и много ли у нее этого свободного времени было.

— Да откуда оно, свободное время? В бесконечной кочевой моей жизни, гастрольной круговерти не остается порой ни минутки, чтобы «оглядеться, оглянуться». Может быть, что-то записать из долгого и трудного прожитого дня. И все же, память хранит самые примечательные, самые запоминающиеся события. Конечно, в свободный день хочется и в театр сходить, и музыку хорошую послушать, и много-много чего хочется. Я сейчас покажу мой «маршрутный лист». Тебе за какой год?

— За любой.

Зыкина извлекала из ящика стола папку, а из нее — наугад лист с напечатанным на пишущей машинке текстом.

> «1974 год. География гастролей.
>
> Тюмень — Москва — Ленинград — Москва — Новороссийск — Анапа — Геленджик — Краснодар — Горячий ключ — поселок Афинский — Кореновск — станица Динская — Усть-Лабинск — Славянск — Тимашовск — Симферополь — Севастополь — Симферополь — Евпатория — Ялта — Алушта — Ялта — Москва — Калинин — Москва — Калинин — Москва — Черновцы — Ивано-Франковск — Моршанск — Трускавец — Львов.
>
> Югославия: Копер — Опатия — Панчево — Аранджеловац — Чачак — Крушевац — Белград — Копривница — Белый монастырь — Тузла — Добой — Загреб — Брчко — Борово.
>
> Москва — Саратов — Ижевск — Воткинск — Горький — Дзержинский. Япония: Майябаси — Иокогама — Осака — Одовара — Хакодатэ — Такигава — Токио.
>
> Всего: 60 городов (населенных пунктов). Сольных концертов — 164, выступлений — 13, сольных концертов за рубежом — 21. Итого: 198 концертов».

— Еще за какой год тебе показать мои выступления? — спрашивает. — Разница небольшая по количеству концертов.

Я поблагодарил и лишний раз для себя убедился в огромном запасе духовных и физических сил, которыми обладала Зыкина на протяжении многих лет. Вряд ли кто в стране мог с ней сравниться и по этим показателям.

Самым «урожайным» на концерты был 1973 год — 221 выступление по стране и за рубежом: в ГДР, ФРГ, Болгарии, Югославии.

* * *

Творческая жизнь Зыкиной на протяжении 32 лет неотделима от Государственного академического русского народного ансамбля «Россия», который она после долгих раздумий и размышлений и создала в августе 1977 года при поддержке Министерства культуры России.

Окончив летом Институт имени Гнесиных и поняв, как она говорила, что «находится во всеоружии», ей захотелось

попробовать передать свой опыт и знания другим, создав коллектив, который должен был стать своеобразной школой русской песни для молодежи, пропагандируя не только ее, но и шедевры национальной инструментальной музыки. Прежде чем осуществить мечту, она поделилась своими мыслями со многими известными мастерами культуры, среди которых были И. А. Моисеев, А. Г. Новиков, Л. О. Утесов, ЮЛ. Юровский, один из основателей знаменитого Омского русского народного хора и молодежного симфонического оркестра, ставший на общественных началах первым директором коллектива. (В 2004 году в журнале «Огонек», № 23, было замечено, что французский импресарио Бруно Кокатрикс якобы посоветовал Зыкиной создать свой ансамбль, когда она была на гастролях в Париже в 1964 году, в чем я очень сомневаюсь. У 35-летней Зыкиной даже близко такой идеи не было в те годы, насколько я знаю.).

С Государственным ансамблем «Россия» и его художественным руководителем Виктором Гридиным.

Разумеется, Зыкина начинала не с пустого места, брала в коллектив сложившихся мастеров. Здесь и А. Соболев (виртуоз игры на струнных инструментах — домра малая, домра альтовая, домра басовая, балалайка-контрабас, превосходный аранжировщик, играл в оркестре имени Осипова, был на первых ролях среди музыкантов в ансамбле «Березка», впоследствии главный дирижер «России», народный артист России), и

Г. Разуваев (гитарист с огромным репертуаром, аккомпанировал Клавдии Шульженко и Леониду Утесову), и В. Калинский (домрист, владеющий уникальной техникой, работавший в оркестре Всесоюзного радио), А.

Федоров (балалаечник, неподражаемый виртуоз, ученик знаменитого Павла Нечипоренко). Здесь и Д. Царенко, В. Пирский, Е. Калашникова, С. Дятел и многие другие, ставшие либо народными, либо заслуженными артистами России.

Уже в самом начале творческого пути критика отмечала «заметность в новых поисках акварельности и полутонов в исполнительской палитре» ансамбля, «безупречный вкус» и «масштабность создаваемых и выносимых на суд слушателей сочинений». «Это, — говорила Зыкина, — вселяло уверенность в правильности выбора, художественных методов, которыми мы руководствовались. Да и сама атмосфера требовательности, творческого энтузиазма сослужила нам хорошую службу. Поэтому наши концерты — всегда необходимость серьезной подготовки, налаженность и стабильность репетиционного процесса». Чтобы артисты ансамбля были в хорошей форме и не теряли навыков владения инструментом, поддерживали творческий тонус, Зыкина ежегодно после отпуска проводила внутренний конкурс. Каждый музыкант должен был перед коллективом доказать свое право солировать с оркестром. Она поощряла инициативу, когда любой музыкант мог предложить свою аранжировку, инструментовку исполняемых произведений либо свое оригинальное произведение. «Нельзя останавливаться, — говорила она, — иначе смерть всем нашим успехам».

За дирижерский пульт встал муж Зыкиной Виктор Гридин, пришедший к ней из ансамбля песни и пляски имени Александрова, где он считался едва ли не лучшим баянистом армейского коллектива. Автор многих произведений для народных инструментов, великолепный баянист простоял за дирижерским пультом семнадцать лет. «Перед конкурсом, который я объявила на вакантное место дирижера, — рассказывала Зыкина, — я сомневалась, что найду подходящего музыканта. Все знаменитости дирижерского искусства были заняты, и кто из них решился бы пойти в мой ансамбль? Да никто. Тем более в новый, неизвестный коллектив. Когда Виктор сыграл на баяне и продирижировал, я думала: „Господи, только бы согласился на мои условия“. Талант у парня сверкал всеми гранями. Слава богу, он согласился. Слава богу, я не ошиблась. В его пьесах, в обработке народных песен с удивительной красотой переплетались черты народного мелоса и острые современные гармонии. Народность стиля, богатство оркестровой фактуры,

знание всех секретов и возможностей народных инструментов — все это было ему присуще. Посмотри, как он репетирует, на каком творческом подъеме». «Класс» он вел действительно мастерски. Он всегда работал стоя и, играя на баяне, руководил оркестром буквально поворотом головы, движением корпуса, взглядом или улыбкой подчеркивал характер исполняемого произведения или сочинения. Чтобы добиться высоких художественных результатов — ритмичности ансамбля, динамики, характера, нужных темпов — он многократно повторял отдельные эпизоды, а уже затем оркестр играл все произведение от начала до конца. Мне пришлось еще много раз сталкиваться с творчеством Гридина, и Зыкина, почуяв, что я кое-что, и весьма существенное, знаю о нем, поручила мне готовить документы на присвоение звания народного артиста России, которого он и был удостоен.

Зыкина не уставала говорить всем и вся, что народная музыка нашла в Гридине своего страстного, убежденного и вдохновенного интерпретатора и что он делал все возможное и невозможное для того, чтобы ее сокровища стали подлинным достоянием народа, чтобы о них не только имели представление, а и знали, любили всем сердцем. Иногда они бранились, спорили из-за тех или иных просчетов, ошибок, то и дело возникающих проблем, но всегда, или почти всегда, находили выход из тупика. Порой шли на компромисс ради решения общей задачи или цели.

С ансамблем Зыкина вошла в свой прежний гастрольный режим. Вновь замелькали города, отели, аэродромы, концертные залы, сцены Дворцов и Домов культуры, полевые станы, поля стадионов…

15 лет длился брак Людмилы Зыкиной с Виктором Гридиным.

29 стран мира объехала Зыкина с ансамблем «Россия», и ни в одной из них не было ни единой капли дегтя в бочке с медом (что, конечно, и удивительно, и почти нереально, но что поделаешь, так было на самом деле). И зрители, и пресса были единодушны в оценке. «А как иначе? — обращала свой взор на меня певица. — Мы откуда приехали? Мы приехали из великой страны, и будьте любезны аплодировать все, кто бы ни был, —

премьер-министр, поп-звезда, швея…». Чтобы не утомлять читателей, приведу лишь несколько цитат из зарубежных газет, выбранных из пачки газетных вырезок.

«22 концерта за 20 дней и тысячи новых поклонников у ансамбля „Россия“ — таков итог гастролей коллектива, возглавляемого популярной русской певицей Людмилой Зыкиной. Особенно потрясло публику исполнение артисткой цикла детских народных песен на датском языке. Выступления ансамбля собрали большую аудиторию, чем на недавних выступлениях артистов Большого театра».

«Телевидение» (Дания).

«Мастерство артистов ансамбля под художественным руководством Зыкиной чувствовалось в каждом номере. Это больше, чем развлечение. Это демонстрация того, что уровень музыкальной культуры в России чрезвычайно высок».

«Оттава джорнэл» (Канада).

«Результат гастролей гостей из России превзошел все ожидания. Это поистине жемчужина национального фольклора России».

«Илта-саномат» (Финляндия).

«Русские разрушили миф о том, что Россия холодна и безжизненна. Центр искусства ожил, публика была просто в восторге. По мастерству исполнения музыка была блестящей. Виктор Гридин вел оркестр за баяном изумительно, и об этом выступлении можно сказать: „Чертовски здорово!“.»

«Нозерн территори ньюс» (Новая Зеландия).

«Звучание московского оркестра народных инструментов „Россия“ временами было волшебным, почти гипнотическим. Сильный голос Зыкиной свободно летел от самых низких глубин до хрустальных высот, пленяя слушателей. Это прекрасное представление, длившееся больше двух часов, и удовольствие, полученное публикой, вполне стоило денег, затраченных на билет».

«Ивнинг стандарт» (Австралия).

— За границей, — говорила мне Зыкина, — если выступишь неудачно, второй раз уже никто не пригласит. И если не понравишься публике в каком-то городе — будь ты хоть близкой родственницей Папы Римского — тебя все равно ждет такая же участь.

— Кстати, Людмила Георгиевна, Папа Римский Иоанн Павел II любил слушать записи концертов ансамбля Александрова, где и ваш голос есть вместе с Евгением Беляевым, — вспомнил я о привязанности Папы.

— Ничего удивительного нет, — отвечала Зыкина, — я часто пела с Евгением в сопровождении ансамбля и дома, и за рубежом. В Загребе под открытым небом вдвоем концерт устроили. Я знаю, что Папа в молодости, когда ансамбль гастролировал в Польше, всегда приходил на концерт, стараясь не пропустить выступления александровцев при каждом удобном случае.

…Смерть Гридина в 1997 году Зыкина перенесла достойно. Сожалела лишь, что бывший муж не оставил ничего из наследства первой жене и двум детям. «Не ожидала от Виктора», — сокрушалась она с ноткой осуждения в голосе.

Пришлось искать нового дирижера. И она его нашла. На Смоленщине. «Даровитый малый», — говорила мне, когда я впервые увидел нового дирижера Николая Степанова, ставшего впоследствии заслуженным артистом России.

Казалось, жизнь кипела и бурлила, с новым дирижером появлялись и новые исполнители, выступавшие с ансамблем. Но тут пришла беда — врачи обнаружили у Зыкиной застаревшую раковую опухоль интимного характера. Да еще диабет стал преследовать ее организм. О гастролях за рубежом она стала забывать — последние, с ансамблем в Китай, были в 1998-м. Урезала график гастролей по стране — в 1999-м концерты ансамбля прошли лишь в семи городах страны. Забросила она и работу по совместительству на часть ставки профессора в Московском государственном институте культуры, в котором сотрудничала вместе с Гридиным с 1986 года. Хотя такой мощный спонсор, как «Газпром», с помощью В. С. Черномырдина и помогал, настроение ее было совсем другое, нежели прежде. («После „Газпрома“ Зыкину спонсировал ЛУКОЙЛ. „Я совсем не собиралась идти в эту компанию, но мне сказали: „Людмила Георгиевна, за вами стоит большой и высоко профессиональный коллектив, великолепные, удивительные по своему таланту артисты, которым, конечно же, дополнительная поддержка не помешает. В ЛУКОЙЛе вас все очень любят“. Ну как после этого

не пойти? В общем, оказалась я в ЛУКОЙЛе и… смутилась, а Вагит Юсуфович (Алекперов) увидел мое состояние и говорит: „Людмила Георгиевна, вы что же, и на сцене так теряетесь?“. Ну, на сцене я не теряюсь, а здесь растерялась, не так это легко с просьбами обращаться. Короче говоря, Вагит Алекперов сам не рассказал о том, что может сделать для „России“ ЛУКОЙЛ. Ведь опыт работы с другими музыкальными коллективами у нефтяников был. Например, они поддержали симфонический оркестр под управлением Владимира Федосеева, которого я считаю одним из лучших дирижеров современности“.»).

Запас внутренних — и духовных, и физических — сил, несмотря на жестокий диагноз врачей, у нее все же был, и она не думала сдаваться на милость болячкам. Перед юбилеем, в июне 1999 года, на вопрос журналистов одной из газет: «Как вам удается сохранить прекрасную спортивную форму?» она ответила: «Силы обретаю на сцене. Здесь забываю обо всех горестях и печалях. Каждое утро тренируюсь — пою, не берегу себя, не ленюсь, даже когда плохое настроение или не выспалась. Потому что знаю: нужен постоянный тренаж голосу. В июле надеюсь съездить в отпуск — отдохнуть перед туром по 80 городам России до конца 2000 года».

В одном из любимых концертных нарядов середины 70-х.

«Зачем вы, Людмила Георгиевна, наобещали тур по 80 городам? Откуда вы взяли такую фантастическую цифру? — наседал я с вопросами. — Найдутся такие читатели, что и поверят, еще будут восторгаться: „Смотрите-ка, Зыкина-то хочет 80 городов объехать. Во дает!“.» — «Ну и что, пусть знают, что у Зыкиной есть еще порох в пороховнице», — отвечала она. «Пороху» хватило на десяток городов, не более.

Она понимала, что лицо ансамбля «Россия» — это она и без

нее ансамбль совсем не то, не то. И все оставшиеся силы отдавала ему без остатка. 36 человек держались на ее крепких пока что плечах, и нужно было работать и работать вместе с ними — способными, талантливыми, одержимыми. Организовала «Фонд Зыкиной» для целей спонсорства и поддержки слабых мира сего (замечу попутно: одного из бывших директоров фонда по фамилии Никитин убили как бы невзначай).

С опухолью она не знала, что делать. Советчиков набралась куча. Все всё знают, все понимают, хотят искренне помочь. Вдруг откуда ни возьмись, объявились два «специалиста» (точнее, два афериста, было бы сказать) с юга России, которые стали избавлять Зыкину от недуга. И что же они делали? Колотили грудь певицы то ли кулаками, то ли ладонями, то ли еще чем-то, я не знаю, не видел. Почти месяц били и отбили… до болезненных синяков. И она думала, что таким способом избавится от опухоли раз и навсегда. В Кремлевке у специалистов-онкологов, когда она рассказала потом об этом «лечении», чуть глаза из орбит не вылетели от недоумения. Неожиданно пришло озарение. На видном месте в квартире на Котельнической набережной висела потемневшая от времени икона Николая Угодника. Зыкина взмолилась перед ней: «Укажи, святой Николай, что мне делать, как поступить?». И вдруг она увидела: очи его просияли и моргнули, что означало — можно ложиться на операционный стол. И она легла на него без раздумий. Несколько часов длилась сложнейшая хирургическая процедура по удалению опухоли не в одном месте.

После всего пережитого в придачу с сахарным диабетом она продолжала утверждать, что чувствует себя вполне здоровым человеком. Говоривший открыто и часто о ее болезнях за пределами круга близких людей становился недоброжелателем или лжецом. «Я абсолютно здорова и проживу 120 лет», — заявляла она всем, кто интересовался ее самочувствием. Однажды, лет двадцать назад, я рассказал Людмиле Георгиевне о моем интервью с С. М. Буденным, известным полководцем времен Гражданской войны. На мой вопрос: «Как вы себе чувствуете в 90 лет?» маршал ответил: «Раньше я был молодой и красивый, а теперь только красивый».

Зыкиной понравился ответ Буденного, и она с улыбкой сказала: «Когда мне будет девяносто, я буду и молодая, и красивая». Кстати, в 60-е годы Буденный, любивший народные песни, частенько наведывался на зыкинские концерты и иногда заходил за кулисы, благодарил певицу за доставленное удовольствие.

Когда швы после операции затянулись, она приободрилась,

но в прессе стала просачиваться информация, что Зыкина часто болеет после перенесенной операции, у нее давление скачет, она простужается то и дело и т. д. Ее поклонники отреагировали быстро. Привожу строки из двух (их было тысячи) посланий Зыкиной, присланных ей весной 2000 года.

«Добрый день, дорогая Людмила Георгиевна! Прошло 12 дней после Вашего замечательного концерта. Большое спасибо Вам за полученное удовольствие — слушать Вас и Ваших коллег. За дорогую память, за автограф, оставленный Вами в прекрасной и глубоко содержательной книге „Течет моя Волга“. Находясь в концертном зале „Украина“, мы внимательно следили за Вами и очень переживали, что Вы выступали в болезненном состоянии. Видимо, и артериальное давление было у Вас на пределе. Я, как врач и как Ваш многолетний, бескорыстный и искренний поклонник, можно сказать друг, убедительно прошу Вас: не истязайте себя и не выступайте с концертами через силу, на грани своих возможностей. Тем более что Вы выступали после бессонной ночи в поезде и нервотрепки с таможней. Всей семьей просим Вас беречь себя и выступать еще долго, на благо народов бывшего СССР.

Высылаем Вам рецепт на приготовление и использование чесночной настойки. Ее положительное действие испытали на себе 6 лет назад, сейчас проводим повторный курс лечения. Чувствуем себя значительно лучше, как стали принимать ее. Хотим видеть Вас всегда здоровой и жизнерадостной. С любовью к Вам. Семья Черемухиных, Киев».

Шуточный рецепт для Зыкиной Людмилы
(*для нешуточного выздоровления*):

«Разве, Люда, это дело,
Что ты гриппом заболела?
Хорошо, что не всерьез,
Хорошо, что не п… подагра!
Взволновался мир ЛЮДской,
Ты и женский, и мужской!
От тебя все заболели,
Даже те, кто не хотели,
Воспалением души!
(Все болезни хороши!)
Миром все тебя поправим,

Снова на ноги поставим!
И прикажем: не болеть!
Люде Зыкиной и впредь.
Вот рецепт от всех болезней,
Он лекарств любых полезней:
Люди все подставят грудь!
Не болей, Люд, никогда!
Ни за что на свете!

А лекарствами всегда
Будут строчки эти!
P. S. Пригласил к тебе весь мир
Доктора Чистова.
Будь здорова, наш кумир!
Люда, будь здорова!»

М. Лунина, Москва.

Надо отдать должное и многим врачам, что ее лечили как могли после тех злополучных аферистов, что отбивали грудь до синяков. Над ее здоровьем колдовали и делали все что могли лучшие специалисты и врачи Кремлевки. Были использованы всевозможные методы и средства народной медицины, пришел на помощь опытный травник, бывший артист Большого театра А. Дерябин, основавший на Пречистенке в Москве лечебную фирму. Боролись за здоровье Зыкиной и другие профессионалы от медицины. И сам ее мощный организм сопротивлялся как мог.

Она стала более внимательна к рациону питания, в нем стало больше овощей, фруктов, соков, и уже, конечно, о длительных и частых гастролях по городам страны не могло быть и речи. Вся ежегодная концертная программа укладывалась в рамки 8–10 городов в год, а часто и того меньше.

Но вот наступил 2004 год, певице исполнилось 75 лет. В связи с юбилеем президент В. Путин вручает Зыкиной орден Святого апостола Андрея Первозванного, восстановленный указом Б. Ельцина под петровским девизом «За веру и верность». Зыкину поздравляют лидеры Государственной и Московской дум, Совета федерации, Назарбаев, Лукашенко, губернаторы Б. Громов, В. Матвиенко, митрополит Алексий II, Щедрин, Плисецкая, Кобзон, Пахмутова — всех не перечесть. Настроение у Зыкиной было превосходным. Она проводит юбилейный благотворительный гала-концерт в музее-заповеднике «Коломенское», где прозвучали самые любимые и дорогие ее сердцу песни. (Коломенское для певицы являлось символическим местом: здесь зарождалась Москва, слагались народные песни, получали развитие народные промыслы.) И на этом празднике она сильно простужается. Может, осложнение сказалось после простуды или что-то в организме повернулось не в нужную сторону, но после юбилея в Коломенском появились боли в ногах, стал расти сахар в крови. И тут на горизонте появились очередные лекари. Один, хирург с высшим образованием, делал уколы и ставил капельницы, другой, из Азербайджана, большой любитель шахмат, занимался подбором нужных лекарств. Лечили они Зыкину года три и на первых порах сахар в крови все же снизили. Получали зарплату в 50 тысяч рублей в месяц. Одному из них машину купила, дала миллион рублей на покупку квартиры, обоих отправила в туристическую поездку в Париж. А они в ответ вымогали деньги на медицинского профиля помещения, на рекламу.

Тут еще подоспела операция на бедре, вставленный имплантант не прижился в организме, и Зыкина стала с трудом передвигаться, а потом и вовсе села в коляску. Увидев, что дело со здоровьем у подопечной обстоит не лучшим образом, эти двое ретировались, и где-то за год до кончины появились двое братьев-близнецов Константиновых, которые до конца жизни Зыкиной и занимались ее лечением. Беда не приходит одна — она споткнулась, упала и сломала ключицу правой руки. Осколок кости уперся в нерв. Врачи побоялись делать операцию, давать наркоз. Кость так и не срослась. Писать она не могла. При попытке поставить свою подпись на документах получались невообразимые каракули. (На юбилейных торжествах никто не

подозревал, что правая рука и правая нога у Зыкиной не двигались вовсе). В таком состоянии она давала интервью, в котором утверждала, что проживет еще много-много лет, что чувствует себя способной поехать в юбилейный год по всей стране, правда, с прощальными гастролями, как бы заканчивая свой творческий путь.

В годы неурядиц со здоровьем Зыкиной ансамбль «Россия», тем не менее, хотя и в урезанном гастрольном пайке, гастролировал на прежнем высоком художественном уровне. Москва, Ижевск, Воронеж, Набережные Челны, Киев, Липецк, Пенза, Иваново, Екатеринбург. Мастера остались мастерами. Народные артисты России Владимир Красноярцев и Михаил Кизин, заслуженные артисты РФ Иван Пальчук и Виктор Кармаков, Вячеслав Семиков и Эфнан Ибадлаев, виртуоз-балалаечник Алексей Архиповский. Вместо покинувшего ансамбль Н. Степанова за дирижерский пульт встал народный артист России Анатолий Соболев. Кто из выдающихся деятелей искусства страны займет (и займет ли) место Зыкиной — не мне судить. Ясно одно: найти личность, равнозначную великой певице, будет архисложно и, по моему убеждению, почти невозможно. Пока такой нет.

* * *

Когда на пресс-конференции заходила речь об ошибках или неудачах в творчестве, Зыкина никогда не объясняла, в чем они конкретно заключаются. «Ошибки? А у кого их не было?» — вот и весь ответ. Если все-таки журналисты пытались узнать, какие именно неудачи у нее были, певица уходила от прямого ответа и отделывалась такими фразами: «Был период, когда слезливые, с надрывом произведения выдвинулись в моем репертуаре чуть ли не на первый план». «Я пела много песен — бесхитростных и нередко слащавых». «Сказывалось отсутствие глубокого художественного вкуса». «Освоение песен современных композиторов было процессом мучительным. Как теперь неловко вспоминать некоторые, пусть даже популярные произведения тех лет…»

В апреле 1986 года по телевидению транслировался концерт Зыкиной, посвященный старинному русскому романсу, под названием «Мечтой любви, мечтой прекрасной». После эфира, как из рога изобилия, посыпались в ее адрес письма. Одни — с критикой исполнения романсов, другие — с восторгом и восхищением.

Вручение ордена Святого апостола Андрея Первозванного Владимиром Путиным в Кремле.

— Каких писем больше? — спрашивает.

— Хвалебных.

— Значит, романсы полюбились большинству зрителей.

— Это ни о чем не говорит. Когда вы поете «Течет Волга» или «Оренбургский платок», все сходят с ума, ни одного критического, даже малейшего, замечания ни в прессе, ни в вашей почте нет. Здесь же ситуация другая. Критикуют не болваны стоеросовые, а люди просвещенные, знающие толк в старинном русском романсе. И писем таких не одно-два, а гораздо больше.

— Ну и что?

— А то, что у самого гениального человека не всегда все идет гладко. И когда вас журналисты спросят, а они обязательно спросят, что вы думаете о вашей интерпретации старинного романса, вы объясните им, что захотелось попробовать себя в новом амплуа, но не все получилось, как задумывалось. Так будет лучше для вас же.

Зыкина слушала меня и молчала. Молчание я расценил как согласие с моими доводами. И продолжал:

— «Лишь в неудаче художник познает свое подлинное отношение к творчеству», — говорил Стефан Цвейг. «Живая

неудача лучше мертвого шедевра», — утверждал Бернард Шоу. «Все люди ошибаются, но великие люди сознаются в ошибках», — писал Бернар Фонтенель, французский писатель и ученый. Могу еще привести примеры высказываний известных личностей по поводу неудач и ошибок.

Мои слова если и возымели какое-то действие на Зыкину, то весьма незначительное. Она была по-прежнему немногословна, когда речь заходила о неудачах. Вот реакция певицы на вопрос корреспондента журнала «Крестьянка» (№ 2, 1997 год) о неудачах в творчестве:

— Когда-то Александра Николаевна Пахмутова и Николай Николаевич Добронравов принесли мне песню «Нежность», а я ее не поняла. Не ощутила. Она у меня не получилась. Сколько ни пела — никак! А сейчас пою.

Примерно так, коротенько, она отвечала на вопросы представителей прессы по прошествии нашего с ней разговора в 1986 году. И еще я заметил: чем старше становилась певица, тем меньше было разговора о неудачах. Возможно, проистекло это от двух вещей: приобретенной мудрости и опыта, научившего ее тому, что не нужно исправлять в творчестве слишком много.

* * *

В 1964 году Зыкина оказалась в компании с Плисецкой и Гагариным на торжествах в честь Дня космонавтики в Кремле. «Я всегда волнуюсь, — делилась балерина с космонавтом номер один тайнами своей профессии, — независимо от того, танцую в первый раз или в сотый. Волнение лежит в основе всякого творчества. Не то волнение, когда дрожат руки и ноги, хотя и оно бывает, а волнение за результат, за реакцию зрителей». На вопросы журналистов о ее волнении во время выступлений на концертных площадках мира Зыкина говорила то же самое, что и Плисецкая, но с поправкой: «Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит, но руки и ноги никогда не дрожали».

Волновалась Зыкина больше всего в самые кульминационные моменты творческой жизни. Первое потрясение, почти, как говорила, стресс, она испытала весной 1964 года на первых ее гастролях во Франции на сцене знаменитого зала «Олимпия».

Готовилась к ним основательно. Поменяла прическу, изменила детали туалета, выбрала нужный сценический макияж, сшила три платья, в тон к ним подобрала красивые цветастые платки-полушалки, выучила несколько песен на французском языке.

(Перед очередными зарубежными турне Зыкина разучивала песни на языке той страны, куда ее гнал ветер гастролей. В Японии, Индии, Корее, Вьетнаме, Новой Зеландии и ряде стран Европы она исполняла их популярные песни в самом конце представления, что всегда вызывало взрыв ликования сидящих в зале.)

Заглянув из-за кулисы в зал перед выходом на сцену, она почувствовала вдруг, как по всему телу волной пробежала нервная дрожь. Еще бы! Ведь на концерт явился «весь Париж»: кабинет министров почти в полном составе, видные представители политического, культурного и литературного мира — Луи Арагон, Морис Торез, Пьер Карден, Ив Сен-Лоран, Кристиан Диор, Жан-Поль Бельмондо, Мишель Мерсье, Фернандель, де Фюнес, Серж Лифарь, Мирей Матье, Шарль Азнавур.

— Ходила за кулисами туда-сюда, — вспоминала певица, — пила теплый чай из термоса, как могла успокаивала себя. Люди-то какие в зале! И надо было им всем сразу выдать песню так, чтобы не только мурашки у них по коже бегали, но чтобы они запомнили, что такое русская певица. «Течет Волга» и «Письмо к матери» сделали свое дело: две с половиной тысячи парижан, и каких парижан, стоя устроили овацию. Охапки цветов лежали у моих ног. То были минуты счастья и победы над собой в том числе.

За кулисы после концерта зашел великий мим Марсель Марсо, сказал, что нигде не слышал таких голосов, как в России, и сделал певице комплимент: «Эдит Пиаф пела душой. Не буду сравнивать ваши голоса, но в вашей душе много отзвуков Пиаф…». Выражали за кулисами свое восхищение Шарль Азнавур, Анри Ришар, Серж Лифарь. (Пресса тоже не скупилась на похвалы. «С необозримых просторов России привезла в Париж необыкновенно сердечные и задушевные русские песни Людмила Зыкина. Ее голос — радужная игра бриллиантов», — заключал статью обозреватель «Монд». «Песня звучит в высшей степени классически в исполнении Людмилы Зыкиной», — резюмировала «Юманите-Диманш».)

Знаменитый зал «Олимпия» в Париже, выступление в котором Зыкина считала самым волнительным, главным, открывшим ей дорогу в Европу и Америку.

В Париже Зыкина была шесть раз и всегда концерты проходили с не меньшим успехом, но именно тот первый, в «Олимпии», она считала самым волнительным, главным, открывшим ей дорогу в Европу и Америку.

Осенью того же 1964 года она впервые вылетела в Штаты. И снова кошки скребли на душе. Как сложатся гастроли? Что ее ждет? Что напишут газеты? «Знаешь, что меня успокаивало? — говорила она. — Арифметика гастролей. Пятнадцать штатов, двадцать восемь городов, сорок концертов за пятьдесят дней.

Волноваться некогда. Но все же, когда публика собралась в новом зале „Нью-Йорк филармоник холл“, я чувствовала себя не очень-то уютно. Поймут ли мои песни здесь? Как их воспримет публика? Что напишут газеты?». Зыкиной никогда не приходилось жаловаться на зарубежную прессу. Она не припомнила даже какого-нибудь малюсенького штриха или намека со стороны репортеров, критикующих ее певческие способности, в чем я убедился, прочитывая зарубежные отклики в газетах на выступления певицы. Возможно, такое положение вещей не всегда оправдано: от недостатков нет свободных в мире.

«Слава богу, оценили, — продолжала Зыкина. — Зрители неистовствовали. Грохот, топот, визг, свист. Раз десять я выходила на бис, пела „Оренбургский платок“, „Течет Волга“. В других городах Америки волнение уже не так сказывалось — стала привыкать к публике. Обычно волнуюсь больше всего, когда первый раз выхожу на сцену в той или иной стране. Но все равно, каждый выход к зрителям — всегда экзамен».

Однако по прошествии лет певица, окончательно завоевав публику на разных широтах и привыкнув к аплодисментам, все меньше страдала от волнений и переживаний — к ней пришли спокойствие, невозмутимость и уверенность в себе, что является, по утверждению В. Белинского, признаком и силы, и достоинства.

* * *

Осенью 1981 года Зыкина с Гридиным вернулись с гастролей по Уралу и городам Сибири.

Спрашиваю Гридина:

— Ну как гастроли прошли? Шухеру, небось, наделали столько, что до сих пор аплодисменты аукаются в горах и предгорьях Урала.

— Как всегда, в полном порядке — аплодисментов хоть отбавляй. Людмила Георгиевна в Томске на концерте такое выдала, что вот спроси ее сейчас, сама не вспомнит.

— Ты о чем, Котик? (Так Зыкина называла мужа в кругу близких людей. — *Ю.Б.*) — вмешалась в разговор Зыкина.

— Все о том же. Придумала новую разновидность грибов — веснушки называются. Надо записать в Красную книгу.

— Ну так ведь никто не заметил.

— И хорошо, что не заметили твои «веснушки» с «темнушками».

А произошло в Томске вот что. К певице пришла руководитель областного управления культуры и спросила: «Нет

ли в вашем, Людмила Георгиевна, репертуаре какой-нибудь песни, имеющей отношение к лесу? Завтра, в воскресенье, День работников леса, и на концерте весь зал заполнят труженики лесного хозяйства». Зыкина ответила, что в ее репертуаре такой песни нет. Но тут вмешался Гридин:

— Как же нет? А песня «грибочки-ягоды» Темнова? Она же вся про лес! Завтра вызову оркестр за два часа до начала концерта, мы все отрепетируем!

— Но я совсем не помню слов, особенно финальный блок. Там столько всего наворочено, — возразила Зыкина.

На что Гридин ответил:

— Выучишь! Тебе не впервой. Ты же уникально талантлива!

На другой день на репетиции Зыкина несколько раз пропела песню, поглядывая в шпаргалку (в песне Виктора Темнова на стихи Петра Черняева было такое обильное количество грибов и ягод, что Зыкина не смогла все сразу запомнить). Но потом все-таки шпаргалку отбросила и пропела песню наизусть.

Два отделения концерта прошли на ура. Много бисировали. Песня про грибочки-ягоды исполнялась в финале. Зыкина уверенно пропела три куплета, а в последнем припеве, не сбавляя темпа, вместо:

Сыроежки и маслята,
Грузди, рыжики, опята,
И лисички, и волнушки,
И веселые краснушки.

спела:

Мухоморы и чернушки,
И веселые темнушки,
И козлята, и свинушки,
И забавные веснушки.

К счастью, набор ягод в следующем припеве она пропела в авторской редакции, и труженики леса не заметили невольной импровизации, а если и заметили, то, скорее всего, не придали ей значения. Как всегда, успех и тут сопутствовал Зыкиной. Позже Виктор Темнов шутил: «Не от моей ли фамилии произошли эти „темнушки“?»

* * *

«Просто так», для себя, Зыкина никогда не пела, когда бывала дома и хлопотала по хозяйству, и часто заявляла, что голос свой не любила. Но все же, если собиралась солидная компания в день рождения, скажем, космонавты старшего поколения, гвардия времен Гагарина, могла спеть несколько старинных романсов под гитару. Последнее десятилетие стала уставать от друзей. «Раньше, — говорила она, — когда все собирались, мы друг от друга ничего не хотели, просто было хорошо вместе. А сейчас. Каждому, к сожалению, что-то надо. Я не осуждаю людей. Нет. Но… опять работа, опять не отдых. Ты же меня знаешь не первый год: если я возьмусь за что-то — обязательно сделаю».

«Просто так», для себя, Зыкина никогда не пела. Но если собиралась хорошая компания, могла исполнить несколько старинных романсов под гитару.

Бывали времена, что она не отдыхала и пять, и семь лет подряд, в годы, когда появился ансамбль «Россия». Говорила: «Вот на дачу уеду, телефон отключу и немножко побуду без забот». Не получалось — через пару-тройку дней отпуск заканчивался и начинались опять хлопоты. «А кто будет делать? Когда я работала с баянистами, отрабатывали по 8–10 концертов и отдыхали. Могла в Большой театр сходить на Плисецкую или послушать Огнивцева в Большом зале Консерватории, почитать что-нибудь. А теперь…» — «Как загнанная лошадь», — отвечал я. «Да нет, до загнанной далеко, но забот просто невпроворот. Каждый день,

каждый час».

Глава IV

Уроки хореографии. — Плисецкая. — Рассказ о Мордасовой. — Огнивцев и Глазунов.

— Беседа с Александровым. — Советы Моисеева. — Ростропович. — Ученый Пытель.

С творчеством Плисецкой, которую Зыкина боготворила, певица знакомилась с помощью матери своего первого мужа, Владлена Позднова, Фредерики Юльевны, которую Зыкина звала мамой. Эта образованная и воспитанная женщина, любившая балет, как могла знакомила невестку с событиями, происходившими на сцене Большого театра, когда танцевала Плисецкая, покупая билеты с нагрузкой. Она же и привила вкус к танцу Плисецкой, просматривая один за другим балеты с ее участием. «Сидели с ней на последнем или предпоследнем ярусе, но зато почти всегда в первом ряду, — вспоминала Зыкина. — Она для меня была как путеводитель по ролям Майи. „Какую задачу решает Плисецкая в „Лебедином озере“? Танцем показать противоположные душевные качества Одетты и Одиллии. Вот это ее адажио… Целая поэма, потому что очень точно Плисецкая следует тончайшим нюансам партитуры Чайковского“. Или, когда отправлялись на „Жизель“, говорила: „Плисецкая — идеальная исполнительница роли Мирты. Смотри, какая у нее гордая осанка, большой шаг, прыжок, протяженные линии. Это же царица Виллис. Вот откуда у нее такая холодная властность, гордая уверенность и неумолимая сила. Ни у кого из балерин такой легкости и красоты в буйном ритме вальса Виллис нет“. Когда смотрели „Дон Кихот“, советовала: „Обрати внимание, какой ослепительный каскад в выходной вариации Китри. Только она может так танцевать“. Так что „школу“ Плисецкой кое-какую в молодости я прошла». После разговора о «школе» Плисецкой я захотел выяснить, насколько глубоки ее познания в балете, и спросил: «А что такое, Людмила Георгиевна, ассамбле?» — «Каскад прыжков… Точнее, прыжки по горизонтали, парение в воздухе. Почему ты спросил?» — «Не знаю, что это за ассамбле…» — ответил я.

Познакомилась Зыкина с Плисецкой после концерта в Кремле в честь Дня космонавтики 12 апреля 1964 года на торжественном приеме по случаю праздника. Плисецкая вела оживленную беседу

с Гагариным, объясняя космонавту всю сложность профессии балерины.

К разговору подключилась и Зыкина. С тех пор идет отсчет их встреч. По признанию певицы, они были не очень частыми — обе много гастролировали, маршруты их совпадали редко, но по возвращении в Москву общались столько, сколько позволяло время. С мужем Майи, Родионом Щедриным, у Зыкиной сложились творческие, дружеские отношения. Они работали вместе над рядом произведений Щедрина, из которых самым сложным для певицы оказалась «Поэтория» — сочинение для женского голоса, поэта, хора, симфонического оркестра. Вокальная партия в ней была главной темой. «Зашла как-то к нему после репетиции, — рассказывала Зыкина, — чтобы уточнить кое-какие детали в работе над „Поэторией“. После переговоров с ним по части голосоведения выяснилось: все хотят есть. Их прислуги Кати в тот день не было, а содержимое холодильника не очень располагало к застолью — Плисецкую и Щедрина всегда отличала умеренность в еде. Но голод не тетка, пришлось варить щи и самой накрывать на стол. Хорошо бы к ним было подать кулебяку с гречкой, расстегаи с рыбой или ватрушку с творогом, но Майя и Родион и без них блестяще справились с моим творением».

Одетту-Одилию в «Лебедином озере» П. Чайковского и «Умирающего лебедя» К. Сен-Санса в исполнении Майи Плисецкой певица считала верхом совершенства.

Из всех образов, созданных Плисецкой, Зыкиной больше всего полюбилась Одетта-Одиллия. «Я и сейчас, — говорила она, — не представляю себе „Лебединое озеро“ или „Лебедь“ Сен-Санса без Майи Плисецкой. По красоте, технике, музыкальности, лиризму ее интерпретация — верх совершенства». И певица при малейшей возможности шла в Большой театр, чтобы полюбоваться, как она говорила, «истинным шедевром Плисецкой». (Она не верила

журналу «Лук», сообщавшему читателям, что посол США в СССР Л. Томпсон за двадцать лет дипломатической карьеры в Москве видел «Лебединое озеро» 179 раз. «Если учесть, что в Большом театре в один день балет, на другой — опера, понедельник — выходной, то сколько же спектаклей надо Майе танцевать, чтобы посол увидел ее 179 раз! Может, „Лебединое озеро“ ему снилось и он считал сны?» «В среднем за год посол смотрел „Лебединое озеро“ 8–9 раз, — говорил я, — вполне возможно, что Плисецкая могла выходить на сцену и в таком количестве спектаклей». «Не знаю, не знаю. Но, может, ты и прав. Надо позвонить Майе, она скажет точно, не ошибется»).

Привлекали Зыкину и жизненные воззрения балерины, отдававшей дань уважения людям, отстаивающим свои принципы и убеждения, считавшей, что лучше говорить о неприятном, чем молчать о нем. «Ты знаешь, — говорила мне Зыкина, — высказывания Майи заслуживают внимания. Вот некоторые из них, что я обнаружила в журнале: „Человек, которому кажется, что он всего достиг, — несчастный. Из художника и творца он превращается в ремесленника, из создателя — в потребителя. Он все начинает делать с холодной черствостью, продиктованной сознанием своей непогрешимости“. „Порой необходимо иметь мужество попробовать себя в одном, другом, третьем, чтобы потом однажды с уверенностью выяснить, к чему же больше лежит душа. Выяснить для себя — самое главное. Часто мешает проявить себя недостаточное упорство. Если человека легко сбить с какого-то пути, значит, он не был уверен в себе и своем деле. Порой даже хорошо, что его сбили: раз не умел настоять на своем, значит, не очень-то этого хотел“.»

Проведя беседу с кем-нибудь из музыкантов ансамбля и давая ему советы по жизни, использовала слова Плисецкой: «Нужно работать, нужно бороться и нужно иметь вкус к борьбе и работе» или: «Наметив жизненный путь, постараться меньше наделать ошибок и доказать, что ты чего-то стоишь в самых тяжелых жизненных ситуациях».

Когда заходил разговор о невежестве аппаратных чиновников или представителей средств информации, шоу-бизнеса, она приводила слова Плисецкой, боровшейся с невежеством всю жизнь: «Есть три рода невежества: не знать ничего, знать дурно то, что знают, и знать не то, что следовало бы знать».

Услышав о вновь появившихся «звездах» на небосклоне отечественной эстрады, которые, по мнению Зыкиной, могут лишь «скакать по сцене в два притопа три прихлопа и сверкать голыми пупками» (еще говорила: «Голых задниц много, голосов хороших мало»), она вспоминала Плисецкую, считавшую, что

слово «талант» стало настолько обиходным, что многие и не задумываются, что оно значит. Кругом одни таланты! «Когда я встречаю в статьях о молодых артистах почти непременное определение „талантливый“, — говорила Плисецкая, — я всегда думаю: а кто же тогда Анна Павлова, Станиславский, Чехов?»

Привлекали Зыкину и детали туалета балерины, умевшей подчеркнуть то, что гармонировало с ее внешним видом. Зная превосходный вкус Плисецкой, она старалась прислушаться к ее советам. На одной из встреч балерина презентовала Зыкиной отрез из малахитового цвета ткани с украшениями, из которого певица сшила себе отличное платье. В нем она довольно длительное время выступала на торжественных концертах и вечерах. Кстати сказать, что при перемене причесок в разные годы и по разным поводам она всегда на ответственных мероприятиях выходила на люди в прическе, сделанной ей когда-то Плисецкой.

В 1976 году создатель труппы «Балет XX века» Морис Бежар пригласил Плисецкую танцевать в «Болеро» Равеля. После премьеры в Брюсселе балерина задумала показать свою новую работу в Москве и пригласила на премьеру Зыкину, предупредив, что в Москве будет всего один спектакль. И Зыкина сумела выкроить день между гастролями, чтобы посмотреть «Болеро» в Большом, поразившись, насколько оно сложно для исполнения. «Под звуки одной и той же мелодии, — вспоминала Зыкина, — целый фейерверк танцевальных комбинаций, и только запомнить их последовательность уже непросто. К тому же, когда начинается крещендо и пространство, охватываемое танцем, расширяется, надо сохранить строжайший самоконтроль, чтобы не попасть за пределы возвышающейся над сценой площадки, края которой погружены в сумрак. И главное — найти верную эстетическую трактовку замысла балетмейстера. Со всем этим Майя справилась блестяще. Иначе она и не могла. На то она и Плисецкая».

Блистательная Майя Плисецкая. Снимок американского мастера фотографии Ричарда Аведона.

Зыкиной импонировала фанатичная одержимость Плисецкой танцем еще и потому, что сама была подлинным фанатом в ее любимом песенном жанре. «Я тебя уверяю, — рассуждала однажды Зыкина о таланте Плисецкой, — что при наличии замечательных природных данных Майя не смогла бы достигнуть выдающихся результатов, если бы не работала с беззаветной преданностью искусству. Вспомни Испанию. Что ее туда понесло, какой ветер? Не ветер странствий. Она не знала, что такое за занятие — путешествовать. Поехала только потому, что всю жизнь любила испанские танцы, восхищалась ими (любила, как говорила балерина, „за сопряжение резких контрастов, за чувственность и хрупкую духовность, интеллектуальную сложность и фольклорную простоту“). Я помню, как танцевала она в Париже на открытой сцене „Кур де Лувр“ в ужасную, пронизывающую до костей стужу. Я просто диву далась, глядя на нее, вероятно, заледеневшую от холода, но вышедшую на сцену для того, как написала одна из газет, чтобы оттаивать своим пламенным искусством замороженных парижских зрителей». А в «Айседоре»? Сбросила балетные туфли и вышла в греческих

сандалиях и тунике почти что голышом на фестивале искусств в Авиньоне. Во время представления разразился страшный ливень. Тысячи зрителей раскрыли зонты, но, когда увидели, что балерина продолжает свой искрометный танец, словно не замечая мощных небесных потоков, стали один за другим складывать их в знак солидарности.

Мнение Плисецкой о балеринах и танцовщиках для Зыкиной являлось абсолютным авторитетом. Например, Плисецкая видела в солисте Большого театра Александре Богатыреве, к сожалению, ушедшем из жизни, «очень талантливого артиста, с прекрасной техникой, изумительным прыжком, лучшего принца из всех, с кем мне довелось танцевать в „Лебедином озере“, и для Зыкиной других определений по отношению к артисту больше не существовало. Если Плисецкая о каком-нибудь зарубежном танцовщике говорила, что тот „педрило, и больше ничего“, то для Зыкиной он был также „педрило“, а как танцовщик — пустое место.

Зыкина внимательно следила за всеми событиями в жизни Плисецкой. Как-то я сказал ей, что партнер балерины уронил ее во время спектакля в театре „Колон“ в Буэнос-Айресе.

— Почему же я не знала? — удивилась она.

— Вы были в это время на гастролях в Японии.

— Все обошлось?

— По-моему, что-то было такое, что Плисецкой пришлось прибегнуть к медицине. Кричала от болей в спине.

— В балете невозможно без травм, — резюмировала Зыкина. — Через них, наверно, прошли все „звезды“ балета. Это же как в спорте, никуда не денешься.

Когда я поведал ей, что Плисецкая узнала о своем увольнении из приказа на доске объявлений, Зыкина изумилась. „Не может быть“, — не поверила она. Позвонила Щедрину. Маэстро подтвердил сказанное мной.

— Такие выдающиеся личности, как Плисецкая, должны сами определять, когда им удобнее уходить со сцены, а не директор театра. Ну и Лушин. Может, ему кто-то подсказал?

— Плисецкая считает, что инициатор — Григорович. Не только с Плисецкой так обошлись, Катю Максимову запретили пускать в театр, а Марис Лиепа приходил в театр на репетиции своего сына чуть ли не с чужим пропуском. Гедиминасу Таранде, отдавшему театру тринадцать лет, накануне генеральной репетиции „Корсара“ вручили приказ об увольнении и вахтерам запретили вообще пускать его в театр.

— Что же он натворил?

— Таранда и его товарищи из Большого театра, среди

которых были известные во всем мире балерины Надежда Павлова и Людмила Семеняка, выбрали „окно“ в текущем репертуаре, то есть свободные несколько дней, и по приглашению голландского импресарио выехали в Нидерланды на гастроли, прошедшие буквально с триумфом. Одна из газет написала, что „русские артисты из Москвы показали искусство такого высочайшего уровня, какое многим из нас никогда прежде не приходилось видеть даже во сне“. Но блиц-гастролерам Большого, когда они вернулись на родину, разъяснили, что их поездка — служебное преступление, хотя все вопросы, касающиеся их выступлений в Нидерландах, заранее согласовывались с руководством балетной труппы театра. Вернувшимся артистам объявили выговор „за прогул“, ведущих же танцовщиков труппы „Классический балет“, выступавших вместе с коллегами из Большого (всего в группе гастролеров было 11 человек), благодарили за успешное выступление за рубежом. А Таранду, как организатора поездки, обвинили в чудовищных преступлениях: незаконном выезде за границу, использовании марки Большого театра в целях обогащения, краже сценических костюмов и декораций, хотя декораций никаких не было, а костюмы танцовщик привез обратно и сдал заведующему костюмерным цехом театра в целости и сохранности. После выговора Таранду вскоре уволили без всяких объяснений.

— Ну это уже какое-то преступное безобразие. В голове не укладывается. Даже не верится, что в Большом театре творятся такие чудеса.

Узнав о том, что Плисецкая и Щедрин поселились в Мюнхене, Зыкина заволновалась: „Что там в Мюнхене? Квартира не весть какая да яичница с сосисками. Во всем этом виноват Горбачев. Должна же быть у него ответственность перед миром и перед собой. Жаль, что ее не оказалось. Большая беда большой страны. Я Родиону говорила, что надо возвращаться. Он ответил: „Посмотрим…“. Они же там без родины. А где родина? Там, где человек родился, на каком языке думает“.

Просматривая альбом с фотографиями Плисецкой, подаренный ей когда-то балериной, Зыкина внимательно и довольно долго рассматривала портрет Плисецкой работы американского фотомастера Ричарда Аведона. Отложив альбом в сторону, произнесла: „Майя всегда хороша собой“.

* * *

Спустя примерно год после выхода книги „Течет моя Волга“

Зыкина, обсуждая достижения знаменитых деятелей культуры страны, вдруг неожиданно спросила меня:

— Почему в книге нет ни слова о Мордасовой? Как случилось, что наша знаменитая частушечница осталась без внимания?

— Чьего внимания? — спросил я.

— Твоего. Ты составлял для книги перечень известных деятелей культуры, искусства, с которыми я работала, дружила, общалась. Есть Щедрин, Архипова, Атлантов, а Мордасовой нет. У нее заслуг перед страной не меньше.

— А вы где были? Что не подсказали? Вы знали Мордасову со времен войны, когда услышали по радио ее звонкий и задорный голос; вы пели с ней не раз и не два с Воронежским хором и без него; гостили у нее часто дома, в Воронеже; звезду Героя в 87-м вместе в Кремле получали; знали всю ее биографию от корки до корки — и на тебе, я оказался крайним.

С Юрием Темиркановым, Родионом Щедриным и Майей Плисецкой. Ленинград. 1968 г.

— Получается, — отвечала Зыкина, — что я знаю все о ней, а ты ничего. Не поверю. Давай, выкладывай, что знаешь, пока Надя Бабкина едет. (У Зыкиной надвигалось 70-летие, и всем она была нужна.)

— Любила все красивое, — начал я, как на исповеди. — У нее была коллекция нарядов. На гастроли с ней целый сундук ездил. Паневы, кокошники, бусы разные, монисты. Обожала русскую

национальную одежду. В ней чувствовала себя легко, летуче. Под каждый номер — свой костюм. Любила шить костюмы сама, делала это быстро, а цвета подбирала медленно. Ездила по селам, смотрела украшения. Много интересных монист приобрела в воронежском селе Гвозде, там когда-то Петр Первый „гвоздил“ корабли. Были монисты в единственном экземпляре, редкой ручной работы. Во время ее гастролей в Париже за кулисы пришли какие-то фирмачи, просили продать хоть одно украшение, одно монисто. Нет, голубчики, говорила им, не могу отдать такую красоту российскую, не продается русское уменье. Мастера-профессионалы также шили ей шикарные костюмы.

— Интересно. Дальше.

— Ее муж, Иван Михайлович Мордасов, героически погиб на фронте, и она долго переживала утрату. Потом вышла замуж за баяниста Руденко, много сделавшего для раскрытия ее дарования. Его сборники песен, как результат многолетнего труда и содружества, вышедшие в разных издательствах, никогда не залеживались на полках книжных магазинов, а такие, как, например, „Гармонь моя, гармоничики“, становились библиографической редкостью. Про мужа сочинила частушку под названием „Иван Михалыч, снимай штаны на ночь“. Не знаю только, про которого мужа, — обоих звали Иван Михайлович. Что вам еще рассказать? Мордасова письма с фронта получала охапками — так ее все любили. На свои личные сбережения построила танк Т-34. Боевую машину назвали „Русская песня“. На броне, как эмблема, красовалась мордасовская частушка:

Пусть танкист-гвардеец сядет,
Смело песню запоет:
С „Русской песней“ не погибну —
Песня русская спасет!

Танк этот в составе гвардейской части прошел от Дона до Дуная и принимал участие в освобождении Вены от фашистов. Она хотела еще самолет построить, но Сталин сказал: „Пусть лучше поет. Будет больше для бойцов пользы“. Вот что я знаю о Мордасовой.

Приехала Надежда Бабкина, и Зыкина уединилась с ней в кабинете. Я подумал, что разговор с Зыкиной о Мордасовой исчерпал себя. Но не тут-то было. Едва Бабкина уехала, Зыкина пригласила на чашку чая. Попивая небольшими глотками чай, пододвинув ко мне блюдо с бутербродами и коробку шоколадных конфет, продолжила разговор о Мордасовой:

— Редкий певческий мордасовский корень. Дед Степан,

бабушка, прабабушка — с шестого колена вся семья певучая была. Отец знал множество стихов Кольцова, Некрасова, Тютчева, Фета. Мать, Прасковья Прокофьевна, имела репертуар певческий, какой не по силам никому до сих пор в нашей стране. В нем и шуточные, и любовные, и лирические песни, всевозможные плачи, всякие рассыпухи, завлекалочки, присказульки, веселушки, прегудки. Многие из них вошли в репертуар Воронежского русского народного хора. И дояркой Мордасова была, и бригадиром полеводческой бригады, и швеей на фабрике имени 1 Мая. В лаптях пела в клубе Тамбовского артиллерийского училища. В начале войны шила телогрейки, шинели, бушлаты для фронта. Грамоту правительственную за что получила? Придумала в карман каждой телогрейки или бушлата класть записку: „Держитесь, ребята, мы с вами. Победа будет за нами!“. Так же стали делать и остальные швеи. Когда в 1943 году решением правительства был создан Воронежский хор, поехала с ним на фронт, пела в боевых частях, перед ранеными бойцами в госпиталях. Пела трогающие солдатскую душу и сердце песни — то протяжные и строгие, то веселые и задорные. Но главная заслуга Мордасовой, на мой взгляд, состояла в том, что она не просто сделала народную частушку достоянием профессионального искусства, а показала ее многообразную красоту и жизненную силу. Мне один генерал, ветеран войны, на Красной площади в юбилей Победы рассказывал такую историю: „Зимой 1945-го, отбомбившись ночью, мы возвращались на свой аэродром. Над целью нас изрядно потрепали вражеские зенитки, и радиоприборы наши вышли из строя. Все стали выискивать на земле хоть какой ориентир, да разве найдешь: ночь, облака, ничего не видно. Поколдовал штурман над картой, поколдовал и объявил: „Заблудились!“. Что делать? Куда лететь? И бензин на исходе… А радист не сдается, крутит одну ручку за другой. И вдруг треск прекратился, из приемника такой родной и сердечный голос Родины, голос, облитый медом весеннего цветения, голос Мордасовой. Все оживились, командир сориентировал самолет по радиомаяку, и скоро мы были над своим аэродромом“.

Со знаменитой частушечницей Марией Мордасовой певицу связывала давняя дружба.

А сколько Мордасова пела частушек о космонавтах. Как-то в разговоре с Юрием Гагариным я пошутила, вспомнив мордасовскую строку: „Полететь бы поискать туфли межпланетные…“. А что, — улыбнулся он, — давай махнем в Воронеж, гармонь возьму. Вот концерт будет — Мордасова, Зыкина и. Гагарин!». Но поездка, к сожалению, не состоялась. Только двадцать лет спустя я оказалась с мужем (Гридиным) в гостях у певицы в доме, находящемся в самом центре Воронежа.

Марии Николаевне исполнялось 80 лет. На юбилее Мордасовой Зыкина пела с Воронежским хором. В подарок от хора она получила частушки, которые и исполнили на концерте солисты хора:

Встретил Зыкину Воронеж
Первый раз за столько лет.
От Воронежского края
Шлем ей пламенный привет.
Ваш талант теперь овеян
Славой всенародною,
Разрешите Вас сравнить
С Волгой полноводною.
После песни задушевной,
С легкой зыкинской руки,

Стали нам еще теплее
Оренбургские платки.
Мы надеемся всем хором,
Хоть она в Москве живет,
Что она, возможно скоро,
С нашим хором запоет!
Ее любят во всем мире,
И не нужен перевод,
Если песни о России
Наша Зыкина поет!
Песни русские родные
Нынче знает вся страна.
Много есть певиц в России,
Только Зыкина — одна!

— Накормила нас вкусными пирогами с мясом и подливой, — продолжала Зыкина, — квашеной капустой с медом… А как пела нам с Виктором «Величальную»! Пела чисто, я бы сказала всласть, словно любуясь про себя каждой ноткой, фразой, словом. Я сидела в кресле буквально завороженная, испытывала редчайшее удовольствие. «Эх, нет Юры Гагарина, — пронеслось в голове, — он бы послушал Россию». Вспомнила я и очень точные, емкие слова неизвестного мне поэта:

Когда Мордасова поет —
И песня ладится распевней,
За ней встает простой народ
Из русской певческой деревни.

Лучше и не скажешь. Я тебя прошу, будет юбилей Воронежского хора (60 лет со дня основания в 2003 году), а потом 90-летие со дня рождения Мордасовой (в 2005 году), взять меня в любое время «на абордаж», и мы напишем про Мордасову все самое хорошее, что о ней знаем и помним. Обязательно должны это сделать. Слышишь?

В 2003 году, с заботами по сооружению памятника А. Аверкину, открытию фестиваля музыки в Коломенском, гастролями в Киеве, Ижевске, Рязани и других городах, она, видимо, про «абордаж» не вспомнила, а в 2005-м меня в юбилей Мордасовой рядом не оказалось.

Теперь, вспомнив о Мордасовой, я отдаю, спустя годы, долг Зыкиной, царствие ей небесное.

Кстати, на вопрос: «Почему вы, Людмила Георгиевна, никогда

не пели частушек?» певица отвечала: «Потому, что не умела. Знала, что мне не спеть, как Мордасова или Семенкина, а значит, ничего нового в этом жанре сказать не могла. Частушечницей надо родиться. Жанр этот трудный и сложный. Тут надо обладать особым даром скороговорки, преподнесения куплета с лукавым юморком в расчете на мгновенную веселую реакцию зала. Мне же это было не дано».

Народная артистка СССР М. Мордасова и ее муж, заслуженный артист Российской Федерации И. Руденко, поздравляя певицу с Новым годом или днем рождения, часто подписывались в телеграмме — «Иван да Марья», что Зыкиной всегда импонировало. «На Иванах да Марьях вся страна держится. Побольше бы таких», — говорила.

* * *

В сентябре 1981 года после тяжелой операции по ликвидации раковой опухоли левой почки умер солист оперной труппы Большого театра народный артист СССР лауреат Государственной премии Александр Огнивцев. Зыкина в это время была на гастролях в Ленинграде. Певица, хорошо знавшая Огнивцева, распорядилась, чтобы в день похорон от ее имени на Новодевичье кладбище доставили венок. Вернувшись в столицу к девятому дню после смерти певца, Зыкина позвонила заместителю директора ГАБТа М. К. Давыдову: «Михаил Константинович, добрый день. Зыкина беспокоит. Завтра девятый день смерти Александра Павловича Огнивцева. Я хотела сказать несколько слов о нем, если это возможно. Слышала, что завтра в зале ВТО соберутся его товарищи по сцене…».

Давыдов ответил, что всех собрать на девятый день не удастся, будет отмечаться сороковой день. Зыкина вздохнула с облегчением.

— Написать об Огнивцеве хорошо второпях не получится. Он и сам не любил ничего делать наспех, кое-как. И через несколько дней взялась за перо. Вскоре дает мне два исписанных листа: «Посмотри, что я сотворила». «Огнивцев, — читаю я, — придавал огромное значение роли русской культуры в духовном развитии человечества. Всякий раз при встречах не уставал внушать, что лишь более глубокое освоение опыта предшественников, постижение их „секретов“ раскрытия духовной глубины человека может привести к желаемому результату. Думаю, Александр Павлович так много сумел воспринять от старшего поколения певцов Большого театра именно потому, что сам обладал

душевной широтой, воодушевлялся чужим успехом, а не пытался, как это подчас бывает, в самоутешение подвергать сомнению чью-либо славу. Вспоминая Александра Павловича, я вспоминаю и слова нашего замечательного пианиста Генриха Нейгауза об отечественной культуре: „Есть направление — оно родилось в глубочайших пластах русской души и русского народа — направление, ищущее правды в исполнительском искусстве… Под этой правдой следует подразумевать многое: тут и логика — прежде всего, тут и единство воли, гармония, согласованность, подчинение деталей целому, тут и простота и сила, ясность мысли и глубина чувств, и — будем откровенны — настоящая любовь и настоящая страсть“. Мне почему-то кажется, что эти размышления возникли под впечатлением искусства Огнивцева. Все, о чем написал Нейгауз, было присуще певцу в полной мере».

Народный артист СССР, солист Большого театра Александр Огнивцев пленял артистку непревзойденным по красоте басом и огромным драматическим дарованием.

Прочитав зыкинский текст, говорю: «Все это вполне годится, но где же ваши впечатления о его работе над ролями, чем они вас восхитили?»

— Ну а в остальном нормально? — спрашивает.

— Думаю, вполне. Кое-где ошибки, но это поправимо.

Дня через три приносит дополнение к написанному: «Образы,

созданные им на сцене Большого театра, поражали эмоциональной сочностью, достоверностью. Я обнаруживала у него и редкостное умение передавать тончайшие нюансы внутренней жизни человека при сохранении удивительной конкретности, зрительной осязаемости образа. Он как бы доказывал всем, что творческие заветы Шаляпина, Мусоргского, Рахманинова и других столпов искусства земли русской плодотворны и сегодня. Эти доказательства его базировались на неиссякаемой личной инициативе, индивидуальных наклонностях, интенсивной мысли и фантазии, что и позволило ему достичь ощутимых результатов. Александр Павлович постоянно заботился о мизансцене, стремился сделать звуковой материал глубоко осмысленным и драматически гибким, тщательно и вдохновенно трудился над тончайшими колористическими нюансами, над тем, что он называл „своей палитрой“. Он придавал первостепенное значение и тому, как созревает роль. И потому оперные герои Огнивцева никогда не были для него схемой, они всегда воспринимались им как живые люди. При помощи богатейшей творческой фантазии, ценой упорного напряженного труда артист раскрывал любой образ во всей сложности и правдивости, стремясь, чтобы он жил полнокровной сценической жизнью. Я всегда буду помнить и чтить этого замечательного поборника совершенства за то, что ему удалось научить тысячи и тысячи людей почитать подлинные творения и ценности».

Прочитав текст, советую:

— Да вам, Людмила Георгиевна, впору книгу об Огнивцеве писать.

— Ты не подкалывай. На самом деле, текст стоящий?

— На самом. Этого вполне хватит, чтобы сказать теплые слова об Огнивцеве.

Спустя несколько дней говорю: «Людмила Георгиевна, в Большом театре помянут Огнивцева, спору нет. Но будут еще передачи по радио и телевидению, посвященные творчеству певца».

— Слушай, давай отдадим текст на радио и на телевидение. Это будет лучше — услышать о нем в стране, а не только в Большом.

Я связался и с радио, и с телевидением от имени Зыкиной. И действительно, и там и там воспоминания об Огнивцеве пришлись кстати. Текст с курьером был послан и в Большой театр. Когда узнала, что я собрался к нашему знаменитому оперному режиссеру Б. А. Покровскому поговорить с ним о его планах в работе, она вручила мне копию текста со словами:

«Пусть прочитает. Он ведь десятилетия с Огнивцевым общался, с ним готовил все заглавные партии. Может, что-то подскажет…»

Борис Александрович, поправив очки и усевшись в кресло, сразу углубился в чтение: «Людмила изложила то, что составляло суть природного дара Огнивцева, — сказал он, возвращая зыкинские записи. — По красоте голоса он не уступал Шаляпину, а где-то и превосходил его…»

Вернувшись от Покровского, я передал Зыкиной его слова. «Конечно, красотой превосходил во многих вещах, — согласилась она с режиссером. — Например, в „Персидской песне“ Рубинштейна. Такого восхитительного диминуэндо в конце у Шаляпина нет. Или пиано в „Ноченьке“.»

Впервые в жизни певица увидела Огнивцева на борту старого, списанного на покой парохода под названием «Бухара», служившего когда-то филиалом санатория «Тишково» на воде. Сюда, в тихую заводь Пестовского водохранилища, что в Подмосковье, приехали они с мужем Евгением Саваловым рыбачить. Невдалеке от них стоял светловолосый гигант в красной шелковой рубахе с удочкой.

Александр Огнивцев — Пимен в опере «Борис Годунов».

«Неужели это Огнивцев? Не может быть, — вспоминала певица. — Присмотрелась. Он! Точь-в-точь Шаляпин». Зыкина не раз слышала, что Огнивцев во всем старался быть похожим на Шаляпина и что он был чуть ли не его сыном — ходили такие слухи. «Не знаю, — говорила она, — насколько подобные суждения справедливы и точны, но внешнее сходство обоих певцов поразительно. И пел он, держался на сцене так, как

запечатлели Федора Ивановича снимки, рисунки, кинокадры. Может, и действительно сын. Неслучайно любители оперы в Париже, Милане, Вене, Лондоне скандировали: „Браво, дитя Шаляпина! Браво!“. Семья великого артиста любила Огнивцева так, как свойственно лишь близким людям, — жена Иола Торнаги, сын Борис, дочери Татьяна, Марина. Все они к нему относились чрезвычайно тепло. Когда я спрашивала Огнивцева об истории возникновения слухов, он говорил, что его похожесть на Шаляпина — всего лишь „зигзаг природы“, не более. Но мама его на фотографии — копия Джины Лоллобриджиды. А Шаляпину нравились черноглазые красавицы. Могла ли я мечтать о том, что когда-нибудь буду общаться с ним, получать от него дельные советы в постижении тайн вокала и даже разбирать карбюратор. Такое не могло быть в самом радужном сне».

С карбюратором дело обстояло так. Зыкина увидела, как в гараже, подняв капот и опершись обеими руками на радиатор «Волги», Огнивцев задумчиво смотрел на мотор. «Что случилось, Александр Павлович?» — спрашивает, подходя к машине. «Да не заводится что-то…» — отвечал певец. «Свечи в порядке, искра есть?» — «Да есть, конечно, как не быть…» — «Тогда надо смотреть, как подается бензин в камеру сгорания». И Зыкина вместе с Огнивцевым разобрали карбюратор, продули его каналы и жиклеры, и двигатель завелся.

О международном признании, пришедшем к артисту в 1951 году в Берлине, где проходил III Всемирный фестиваль молодежи, на который съехались юноши и девушки из 105 стран мира, Зыкина узнала от Плисецкой. Они вдвоем представляли Большой театр: от балета — Майя Плисецкая, от оперы — Александр Огнивцев. В жесточайшей конкурсной борьбе молодых талантов планеты Огнивцев был удостоен первой премии и золотой медали лауреата фестиваля. То была первая высокая награда в творческой жизни певца. «Награды и слава его мало занимали, — вспоминала Зыкина. — Он работал не ради них, а ради успеха, который ему был обеспечен, поскольку результаты его действий и поисков, даже в предусмотренных и обдуманных мелочах, всегда приводили к нему. Мне рассказывали (Зыкина имеет в виду артиста оперной труппы Большого театра Г. Ефимова, выступавшего с Огнивцевым в спектаклях, ушедшего на пенсию и работавшего у певицы некоторое время администратором. — *Ю.Б.*), как на подступах к исполнению партии короля Филиппа II в опере „Дон Карлос“ Огнивцев с головой погружался в историю средневековой Испании, сличал словесные и живописные портреты короля, известного жестокостью и властолюбием, в разных литературных источниках искал черты его характера,

наклонности. Он настолько хорошо изучил окружение Филиппа, что поименно знал всю его семью, а о дочери короля, инфанте Евгении, говорил словно о давнишней знакомой. Работая над образом Досифея в „Хованщине“, певец, как и Шаляпин, обратился к трудам профессора В. Ключевского, выдающегося историка прошлого. Кроме того, познакомился со всей доступной литературой о движении раскольников, глубоко вник в события Петровской эпохи, читал и перечитывал роман А. Толстого „Петр I“. Готовясь к опере Ю. Шапорина „Декабристы“, артист изучил жизнь и борьбу русских дворянских революционеров — в значительной мере ему помогли исследования литературоведа и историка П. Щеголева. Огнивцев знал наизусть весь клавир и партитуру, прекрасно разбирался в тонкостях всего спектакля.

Для него, — продолжала Зыкина, — было важно все: размеры сцены, расстановка декораций, удобство костюма, настройка голоса, ритм выступлений и даже акустика залов, что тоже немаловажно. Помню, в Лондоне (Огнивцев прилетел из Нью-Йорка после гастролей в США на два концерта в Англии, больше петь не хотел — берег голос после тяжелого турне по городам США и Канады). Мы встретились в холле отеля в ожидании лифта.

— Люда, ты не знаешь, какая акустика в зале?

— А что? Говорят, неплохая.

— Видишь ли, когда-то первый концерт Генделя в Лондоне провалился. Его друзья встревожились, но композитор был невозмутим. „Не переживайте, — подбадривал он. — В пустом зале музыка звучит лучше! А вот как „пойдет“ голос в набитом до отказа помещении, кто знает?“

— Да не беспокойтесь вы понапрасну, все будет хорошо, звук там идет вполне прилично, — успокаивала я.

Концерт прошел, как и следовало ожидать, с триумфом».

Зыкина на протяжении нескольких лет в начале певческой карьеры стеснялась Огнивцева, не могла к нему подойти, хотя и выступала с ним на разных концертах. С оркестром Осипова пела в первом отделении, Огнивцев — во втором. Певец любил завершать сборные концерты. Иногда коллеги упрекали в шутку, дескать, все аплодисменты и цветы достанутся ему. И Зыкина садилась где-нибудь сбоку партера или стояла у стены поближе к сцене и слушала певца. «Подойти к нему не решалась, думаю, что ему сказать? Не знаю. Да и волнение сковывало», — вспоминала певица.

Александр Огневцев — Алеко в фильме-опере «Цыганы». 1953 г.

Но все же однажды мимолетное знакомство на пользу Зыкиной состоялось. Купила букет цветов и отправилась на сольный концерт Огнивцева в Большой зал Консерватории. Улучив момент, когда толпы поклонниц с цветами поредели, вышла с букетом на сцену. «Он немного смутился, — рассказывала Зыкина, — все дамы подходили к сцене и протягивали ему цветы, а я пошла прямо к роялю. Взял из моих рук букет, почти шепотом у самого уха промолвил: „Драматическое начало в песне не должно теснить лирическое. Это надо учесть. Подумай…“. От неожиданности я опешила и была, как говорят, не в своей тарелке весь вечер. На всю жизнь осталась в памяти эта сцена. Осталась и потому, что он открыл для меня как раз то, чего мне в ту пору не хватало в работе над песней. И действительно, сам голос приобрел рельефность и песенные образы стали более пластичными и отточенными. А тому памятному для меня концерту, казалось, не будет конца. Огнивцев пел и пел. Потом вышел к краю сцены и стал показывать указательным пальцем на горло, что означало: хватит петь, достаточно на сегодня, связки устали. К голосовому аппарату относился бережно и мне говорил: „Люда, не ешь много жирного и очень холодного, острого. Слишком горячий чай тоже вреден для связок“. Советы Огнивцева глубоко запали Зыкиной, и она ими часто пользовалась, передавая опыт молодым певцам и

певицам. „Наша профессия требует сосредоточенности, целенаправленности… Всякая разбросанность, верхоглядство, суета ей просто противопоказаны…“. Или: „Часто бывает заманчиво показать всю красоту индивидуального тембра, силу и насыщенность голоса, но его необходимо приспособить к тому, что заложено в замысле композитора, в самой мелодии. Красивый голос без эмоций, мысли, без полного проникновения в авторский замысел — пустой звук“.» Подобных высказываний певца в запасе у Зыкиной было предостаточно. «Короткая жизнь дана нам природой, но память о хорошо проведенной жизни остается вечной». Эти слова Цицерона Зыкина всегда вспоминала, когда заходил разговор о замечательном певце.

После кончины Огнивцева Зыкину долго занимала мысль о том, была ли раковая опухоль образована от падений в «Борисе Годунове». (В сцене смерти Бориса в одноименной опере Огнивцев по ходу действия, поднявшись с царского трона, падал навзничь так эффектно, правдоподобно, как если бы умирал на самом деле. За десятки театральных сезонов набиралось более ста пятидесяти падений.) «Ты встречался с Лопаткиным (академик Н. А. Лопаткин оперировал Огнивцева и навещал его довольно часто после операции. — *Ю.Б.*), что думает Николай Алексеевич о смерти Александра Павловича? — спрашивала Зыкина. — Действительно, он отбил почку при падении?». «Он не опровергал, но и не подтверждал, что раковая опухоль образовалась от падений. Сказал лишь, что могло быть и такое», — отвечал я. На что Зыкина заметила: «В самом деле, могло быть. Успеху спектакля он принес себя в жертву. Это еще раз доказывает, как велико было его стремление к совершенству».

* * *

Летом 1990 года Зыкина с Гридиным отправились на выставку работ Ильи Глазунова в залах Манежа, простояв в очереди около часа.

— Пока стояли, Людмила Георгиевна раздавала автографы направо-налево, всем, кто просил, — рассказывал на другой день Гридин, сидя с баяном в кабинете Зыкиной. — И в Манеже этим же занималась, больше времени ушло на автографы, чем на знакомство с картинами. Да еще все глаза, извини, пялили на нее: как же, сама Зыкина на выставку пожаловала.

— Так и должно быть, — сказал я. — Что на тебя зенки пялить? Ты же не Зыкина, хоть и муж.

— Не слушай его, — вмешалась Зыкина. — На него тоже все

глаза проглядели, всем интересно, какой муж у Зыкиной — красивый или не очень.

В это время Гридин стал перебирать клавиши баяна, словно пробовал, как он звучит, а вскоре и заиграл.

— Может, — говорю, — не стоит наигрывать, позволь поговорить с Людмилой Георгиевной, узнать, какие у нее впечатления от любимого Илюши остались.

Баян замолчал.

— Впечатления от Глазунова не могут быть плохими, — начала разговор о выставке Зыкина. — Замечательные женские портреты «Русская красавица», «Девушка с Волги», «Нина», «Русская Венера», «Незнакомка»… В этих его работах выражен его тип женщин, как я думаю, которые близки ему, духовно влекут его. Таких портретов у него оказалось немало.

— Но и не так чтобы уж очень и много, — возразил я.

— Ему нравится тип женщин, обладающих, как он говорит, острой красотой, поскольку бывает красота острая и спокойная. Ему, например, не кажется красивой фигура Венеры Милосской. Не нравится и Мона Лиза. Зато «Весна» Боттичелли — один из его любимейших женских образов. Женщины, которых он писал или любил, были женщины очень нежные, возбудимые, на грани порока страстные, живущие своими чувствами.

— Как моя жена, — вставил Гридин.

— Ладно, Котик, я не с тобой говорю, — отрезала Зыкина. — Нина, его жена, на портрете такой и была, — продолжала она.

— И никакой другой. Вы знаете, как он на ней женился?

— Подробностей не знаю. Кажется, он подрабатывал грузчиком, ему было 25 лет, когда он ее встретил.

— До 25 лет он был уверен, что никогда не женится, что не найдет женщины, от которой захотел бы иметь детей. Но однажды в коридоре Академии художеств увидел девушку, посмотревшую на него спокойными, чистыми, как весеннее небо, глазами. Ее звали Нина, ей было восемнадцать лет. Он считал, что любовь к женщине, которая становится женой, сродни любви к отечеству. Он с большинством женщин не чувствовал себя дома, а с женой — да.

— Слышал, Котик? — обратилась Зыкина к мужу.

— А почему она тогда выбросилась из окна, если устраивала его по всем параметрам? — спросил Гридин.

— Это ты узнай у Глазунова. Да и он вряд ли тебе что-то скажет про эту трагедию. Кстати, она влюбилась в Огнивцева, Людмила Георгиевна знает об этой жертвенной и страстной любви. На этой почве оборвались дружеские связи двух незаурядных личностей. Глазунов хотел писать портрет

Огнивцева, не успел…

— Да, Илья замечательный мастер портрета. Сколько он их написал, портретов известных в мире людей. Но для меня важно другое: едва ли не все насущные вопросы мироздания, над решением которых бились величайшие гении, оказываются у художника современности — судьбы России, мира, жизнь и смерть, борьба добра и зла, света и тьмы. Наверно, не случайно громадное число людей восприняло искусство Глазунова как воплощение встревоженной совести и чистой, незамутненной мечты века. Я видела полотна Ильи в разные годы на вернисажах в Москве, Ялте, Владимире, Берлине, Варшаве. И по нынешний день не перестаю восхищаться многоголосой радугой природы его пейзажей, их мощным поэтическим аккордом. Остались в памяти и широкий эпический простор «Севера», живая и трепетная и в то же время спокойно-задумчивая атмосфера старинных наших городов. А раздолье «Русской песни»? Я хотела попросить у Ильи, чтобы продал он мне это замечательное полотно.

— И что же? Он вам не мог отказать.

Илья Глазунов был для певицы непререкаемым авторитетом в живописи.

— Конечно, не мог. Да как-то неудобно, я же не умею просить, хоть и знаю его 300 лет. Все хочу позвонить ему, как вижу, что он «Мальборо» не вынимает изо рта, выкуривает по две пачки в день, здоровье не бережет…

— Но он говорит, что курение не мешает работе, — заметил я.

— Может, и не мешает, здоровье все равно надо беречь. Он не

отдыхает всю свою жизнь. Он даже не знает, что ест, потому что всегда спешит. Иногда спит по три-четыре часа в сутки. Когда выпадает час-другой, изучает историю России. Никогда ничего не делает из того, что ему не по сердцу. Свобода личности для него превыше всего. Он ненавидит собирать грибы, сидеть с удочкой, пить водку, париться в бане…

— Что вам еще приглянулось на выставке? — перебил я Зыкину.

— Что еще? Конечно же, «Вечная Россия». Более трехсот образов выдающихся деятелей русской культуры, науки, искусства, мыслителей, военачальников — своего рода пантеон титанов русского духа. В громадном полотне слились воедино талант портретиста, историка, публициста, философа. Глядя на картину, физически ощущаешь мощное движение процессии людей, пробудивших наше самосознание, подаривших силу духа и свет разума. В картине философски обобщена история целой нации. Она ведь посвящалась тысячелетию принятия христианства на Руси. Я не знаю другого художника, который бы сумел подняться до уровня великой темы, с такой выразительной силой воплотить ее, как это сделал Глазунов. Казалось бы, сюжеты взяты из глубины веков, но и через годы, я в этом уверена, полотно будет волновать, поражая остротой композиции, исторической достоверностью, мощным звучанием красок. Я не одинока в приверженности к таланту художника, который кистью своей выражает надежды и помыслы эпохи, ее духовные поиски, созидающую душу России.

— Котик, — обратилась Зыкина к мужу, — где тот листок из нотной тетради, на котором я выписала несколько отзывов на выставку?

— У тебя в сумке, где ему еще быть, — отвечал Гридин. Зыкина достала, покопавшись в сумке, сложенный вчетверо лист нотной бумаги и, развернув его, протянула мне:

— Читай.

> «Глазунов помогает своему народу в тяжелое время не превратиться в интернациональное быдло и вселенскую шпану. Именно благодаря таким светочам во тьме кромешной народ наш восстанет из пепла».
>
> «Историю народа нельзя отнять у народа. Это все равно, что отнять у детей имя отца и матери, и тогда они, не знающие материнской улыбки и отцовской ласки, будут бездомными безродными уголовниками, у которых нет ничего святого. Возрождать духовность — это значит возрождать русскую культуру. Это значит

четко сформулировать, что есть русская культура, есть моральный идеал и какому Богу мы поклоняемся, во имя чего живем. Такие мысли возникают, когда смотришь на картины Глазунова. Спасибо ему».

«Работы художника свидетельствуют о необходимости национального духовного воспитания и возрождения. И это обновление, проповедником которого выступает Глазунов, умиротворит вселенную и навсегда похоронит моральный разврат».

«Спасибо Глазунову за то, что в это тяжелое для всех нас время он, мобилизованный своею совестью, служит святой идее возрождения Отечества».

— Я бы выписала интереса ради больше отзывов — бумаги с собой не было, — сказала Зыкина, когда я вернул ей лист.

— И что, Людмила Георгиевна, вы в книге отзывов ни одного пасквиля на Глазунова не увидели? — спросил я.

— Были какие-то жалкие писульки. Не без этого. Вокруг всякой незаурядной личности есть место сплетням, лжи, вражде, лицемерию и другим низменным человеческим чувствам. И Глазунова не обходят недоброжелатели и поносители его искусства. Каких только грехов за ним не находили ретивые искатели «правды». И глаза-то на всех портретах его кисти одинаковые, и чуть лине с каждой картины на нас подозрительно поглядывает Христос, и что якобы издевается над дорогими всем нам политическими символами. Глазунову ставили в упрек, что он влюблен в царского премьер-министра и министра МВД Петра Аркадьевича Столыпина — реформатора, политика и патриота, убитого в киевском городском театре в начале прошлого века. (Когда однажды Огнивцев развернул перед Зыкиной свернутую в рулон репродукцию картины «Мистерия XX века», подаренную ему Глазуновым, певица, показывая на изображенных на ней Петра Столыпина рядом с Николаем II, задумалась: «Почему Илья ввел в художественный оборот эти образы, не понимаю. Одного убили — другого казнили». «Сделал он это, по моему разумению, в силу своих убеждений, своего мировоззрения», — отвечал Александр Павлович.)

— Людмила Георгиевна, а что произошло в Париже с глазуновской «Мистерией XX века» во время ваших гастролей там? — спросил я.

Весна. Автопортрет. 1999 г. Художник Илья Глазунов.

— Ничего не произошло. Я увидела репродукцию картины в одной из книжных лавок на набережной Сены. И стояла в раздумье, рассматривая Хрущева на ракете с башмаком и кукурузным початком в руке. Как она тут очутилась? В Союзе-то она была под запретом. «Мадам, вы хотите приобрести работу месье Глазунова?» — спросил продавец. «Нет, месье», — отвечала я, зная наперед, что на границе ее не пропустят. Эта «Мистерия» доставила Илье столько неприятностей со стороны властей, что дело дошло чуть ли не до выселения художника из страны. Когда он написал Солженицына под возвышающимся в гробу Сталиным на катафалке у Бранденбургских ворот, кто-то «наверху» посоветовал переписать Солженицына на Брежнева. Глазунов не согласился. Выставка не открылась, потерпевшие возвращали билеты в кассу.

— Я где-то читал, — вмешался в разговор Гридин, — что за долгие годы служения искусству он не получил ни одной награды.

— Ни правительственной, ни государственной, — подтвердила Зыкина, — за исключением ордена Трудового Красного Знамени, который дал ему Горбачев, удивленный дошедшей до него информацией о том, что художник никогда прежде не удостаивался наград Родины.

Услышав о том, что Глазунов оформляет интерьеры резиденции Президента России, Зыкина спрашивает:

— Ты не знаешь, Илья будет делать росписи в храме Христа Спасителя на Волхонке?

— В прессе есть сообщения, что намерен вместе с лучшими иконописцами страны, которых обучают в Академии художеств.

— Если бы он это сделал, то его имя навсегда вошло в историю города, как Павла Третьякова или Антона Рубинштейна, основателя Московской консерватории…

В июне 2000 года исполнилось 70 лет Глазунову. Я принес в кабинет Зыкиной пачку писем и газеты с поздравлением и в ее адрес — они родились в один день. Через некоторое время позвала меня. «Я поздравила Илюшу с юбилеем и поблагодарила за хорошую статью в „Труде“. Я полностью согласна с тем, о чем и что он сказал. Сохрани газету, я в ней кое-что подчеркнула и обвела. Я бы с удовольствием повторила эти очень точные и правильные слова». Вот что «подчеркнула и обвела» карандашом Зыкина:

> «…Я очень люблю Россию. И считаю позором бежать из нее за любые посулы, при любых самых тяжелых обстоятельствах. Посмотрите, что творится в нашей культуре. Русский язык засорен убогим жаргоном на американский манер, школьники матерятся хуже последнего пропойцы. Раньше я с удовольствием смотрел по телевидению киноленты великих режиссеров — Куросавы, Антониони, Феллини; теперь, увы, эфир заполнили фильмы, где процветают убийства, потасовки, мордобой, насилие, секс. За отпетую порнографию, которая лежит на столичных газетных лотках, в Европе сажают. А разве не позор — обилие наркоманов, проституток? В Америке после телепередач часто звучит ритуальная фраза: „Да хранит Бог Америку!“. У нас же я ни разу не видел передачи, заканчивающейся словами: „Да хранит Бог Россию!“. Мне противно слышать, когда кто-то из наших бизнесменов или политиков говорит: „эта страна“. Очевидно, для них нет Родины, а есть какая-то чужая им страна, в которой они как бы в командировке. Словно мы не были великой державой и нам нечем гордиться. Возрождение заветов великой русской культуры не может идти путями безнравственными, бездуховными, попиранием православия — души русского народа. Ведь православие было тесно связано с жизнью наших предков, оно срослось с русской культурой, и искусство, восходящее к нам из глубины веков, всегда пронизано идеей красоты, гражданственности, патриотизма. „Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, — писал Пушкин. — Не уважать оной — есть постыдное малодушие. Уважение к минувшему — вот черта,

отличающая образованность от дикости“. К сожалению, у нас сегодня мало кто прислушивается к этому завету. Надо, чтобы наши правители, получив право управлять государством Российским, имели, как говорил Петр Аркадьевич Столыпин, „политическую зрелость и гражданскую волю“ и помнили, что власть над людьми приобретается только посредством служения им. Все мнят себя свободными, но сплошь и рядом не знают мотивов, которые побуждают к действию во имя славы и процветания Отечества».

* * *

В 1979 году почти все известные в мире творческие коллективы страны стали готовиться к выступлениям в культурной программе «Олимпиада-80». И Зыкину для участия в концертах вместе с ансамблем песни и пляски имени Александрова пригласили на репетицию ансамбля. Накануне спрашиваю: «Людмила Георгиевна, чем вас так привлекают военные песни? Какая вам от них польза? И вообще творчество Бориса Александрова вам хорошо знакомо?» Я тогда еще не знал, что в марте 1958 года Зыкина стала лауреатом конкурса на лучшее исполнение произведений о Советской армии и флоте. Диплом лауреата вручила ей в прошлом знаменитая солистка оперной труппы Большого театра народная артистка СССР, профессор Московской консерватории Валерия Владимировна Барсова. С тех пор отношение к военной песне и воинам у Зыкиной было благоговейным.

— Привлекает во всех произведениях без исключения глубокая народность, ясная и красивая мелодия, распевность. Здесь и высота чувств, глубина и свежесть темы, яркая поэзия. Завтра я поеду на репетицию в ансамбль, чтобы еще раз прислушаться к превосходно звучащим голосам, к шикарному сплетению тембров, к сочности и густоте басов, легкой ясности теноров, красоте альтов. Если хочешь, поехали со мной. Пообщаешься с Борисом Александровым, он человек доступный.

Поехали. Как всегда на «Волге».

— Я мало что знаю о самом Александрове, — говорю Зыкиной, едва машина отъехала от Котельнической набережной. — Слышал только о грандиозном успехе александровцев едва ли не в тридцати странах.

— Борис Александров вышел в люди из музыкальной

семьи, — начала рассказ Зыкина. — Мама обладала великолепным голосом, отец, основатель ансамбля, был очень талантливым человеком. Он его и привел в хор. Сначала он держал ноты перед опытными певцами. По-моему, год держал, если мне не изменяет память, пока отец не разрешил петь в хоре. Пел он и в хоре Большого театра, принимал участие в оперных постановках. Потом музыкальное училище, Консерватория по классу композиции, затем на всю оставшуюся жизнь — отцовский ансамбль… По широте диапазон его творчества просто поразителен. Симфонии, балеты, квартеты, инструментальные концерты для кларнета, трубы, пьесы для фортепиано… Он написал несколько оперетт, из которых наиболее популярна «Свадьба в Малиновке». Из других оперетт мне запомнились «Девушка из Барселоны», «Моя Гюзель», «Год спустя». Я счастлива, что могу у него чему-нибудь полезному поучиться. Вот сколько бы раз он, Александров, пригласил меня спеть с ансамблем, столько бы я и пела. Хоть сто, хоть больше. Высочайший уровень профессионализма. Учитель с большой буквы. На досуге рисует, пишет пейзажи. На бильярде может обыграть кого угодно в два счета. Если говорить о гастролях ансамбля, то они всегда проходят с триумфом. Не помню, какая английская газета написала, что если на концерте ансамбля человек не аплодирует, не получает удовольствия, то он годится только для того, чтобы его положили в гроб и отнесли на кладбище. Королева Великобритании рыдала от счастья или удовольствия, не знаю, когда увидела и услышала по телевизору, с каким великолепием ансамбль исполнил гимн Великобритании…

Народный артист СССР, композитор, генерал-майор Александр Васильевич Александров был основателем и первым художественным руководителем ансамбля армейской песни и пляски.

Вот и площадь Коммуны. Подъехали к концертному залу ансамбля. Нас встречает подполковник Е. С. Тытянко, один из ближайших соратников Александрова, и ведет в апартаменты ансамбля.

Пока шли по аллее мимо клумб и деревьев к пушкам у входа, все, кто был поблизости, с любопытством разглядывали нас, некоторые останавливались, глядя вслед Зыкиной, пока она неторопливо и грациозно подходила к центральному входу, дверь которого я придерживал, пропуская вперед певицу.

— Сколько времени осталось до репетиции? — спросила Тытянко Зыкина.

— Пятнадцать минут, — был ответ.

Я сообразил, что времени у Зыкиной на разговор с Александровым мало, и попросил подполковника отвести меня в музей ансамбля, что он и сделал, проводив сначала Зыкину в кабинет главного дирижера.

В музее я с удовольствием рассматривал призы и награды ансамбля. Это надо было видеть. Кубки, сувениры, вымпелы, дипломы, грамоты, ракеты и ракетные комплексы, танки и пушки, сабли и винтовки, модели военных кораблей разных лет постройки и разного масштаба ювелирной работы.

В пухлом альбоме, где хранились отклики зарубежной прессы на выступления коллектива, я нашел и высказывание критика английской газеты «Аргус», о котором говорила Зыкина в машине: «Если концерт ансамбля не заставил вас аплодировать, улыбаться, топать ногами, прищелкивать от удовольствия пальцами — то, честное слово, вы годитесь только на то, чтобы вас уложили в гроб и проводили на ближайшее кладбище. И единственным средством воскресить мертвеца является этот величественный вечер, на котором закипает кровь и раскрываются все человеческие чувства… Трудно дать представление об истинной атмосфере захватывающего вечера, разудалых плясок, полнокровного свободного пения. Вокальная сила хора грозит, кажется, сорвать крышу театра.

Этот блестящий по своей простоте концерт освобождает зрителей от всех мирских ограничений и дает человеческому мозгу полную свободу впитывать чистое наслаждение…».

«Санди таймс» писала о «великолепном исполнении ансамблем государственного гимна Великобритании, очаровавшем до слез ее величество королеву…».

Весь архив я не успел посмотреть и записать, что мне в нем показалось интересным и достойным внимания, поскольку после репетиции тот же подполковник пригласил меня в кабинет Александрова, где, положив сумку на стол перед собой, сидела Зыкина и вела беседу с Борисом Александровым. Напротив нее за стол сел и я, обменявшись рукопожатием с главой ансамбля.

Разговор, конечно же, шел о песне, об эстраде, о фольклоре, обо всем том, что интересовало обоих артистов.

— Чтобы песня жила, — говорил Александров, откинувшись на спинку кресла, — она должна обладать интонацией, созвучной времени. Может статься, что песня, даже очень хорошая, не будет воспринята современным слушателем, так как по своей интонации принадлежит иному времени. Тут не помогут ни искусство дирижера, ни прекрасный голос, ни даже красивая мелодия.

— Сейчас, Борис Александрович, — вступила в разговор Зыкина, — довольно известные современные композиторы рассуждают в пылу полемики о том, что музыкальное образование, профессиональная подготовка — несущественные факторы для эстрады.

— В падении профессионализма наша беда, главная беда. Профессионализм — неотъемлемая черта любого искусства, и не только искусства, а и любого вида деятельности. К сожалению, не все это понимают. Потому звуковая среда заполняется маловыразительной музыкой. «Каждый талантливый человек — не обязательно профессиональный композитор и даже не обязательно музыкант — может сложить хорошую песню» — такое мнение стало расхожим, его можно услышать от вполне компетентных людей. Оно порой подтверждается фактами — отдельными удачами. Но ведь каждый человек — не обязательно первоклассный стрелок и даже не умеющий стрелять — может случайно угодить в «десятку». Представится ли ему еще такой удачный случай? Вряд ли. В эстраде же получается так, что, написав расхожий шлягер, псевдокомпозитор попадает в обойму популярных, и, несмотря на то, что начинает бить мимо цели, его «сочинения» продолжают распространяться, а единственная удача становится эдаким клише, в которое укладывается содержание всех его песен. Сегодня можно встретить и откровенно деляческое отношение к искусству. Часто некоторые композиторы добиваются того, чтобы какая-нибудь поделка оказалась в репертуаре популярного коллектива, на все лады расхваливая свои «произведения», отличающиеся неразвитостью музыки и текста, обилием отвлеченных поверхностных фраз, идущих не от сердца, а от пошлых литературных шаблонов, стертых временем поэтических штампов. Вот и получается «сочинение» часто откровенно слабое, откровенно вульгарное, порой на грани мусора. Создать песню не просто, ее простота лишь кажущаяся. Потому настоящих песен, настоящей музыки мало. Потому эстрадный вакуум заполняют оглушительные ритмы, безголосое пение, порой нашептывание в микрофон каких-то нелепых слов под гитару. Но ведь публика не состоит из больных идиотией.

С народным артистом СССР Борисом Александровым, достойным преемником своего отца. Борис Александрович руководил ансамблем им. А. В. Александрова 41 год (1946–1986 гг.).

— Теперь не поют, а «разговаривают» песню в микрофон, — вставила Зыкина.

— В жертву моде приносится здравый смысл, когда музыка утрачивает высокое содержание, пропагандирует нравственное уродство и пошлость. Беда еще и в том, что иные артисты, не обладая художественным вкусом, чувством стиля, требовательностью к себе, не разбираясь, что хорошо и что плохо, заимствуют далеко не лучшие образцы зарубежного исполнительства. Надо стараться отбирать для своего творчества лучшее, что есть в мировой культуре. Зарубежные мастера

культуры так и поступают.

— Борис Александрович, — обратился я к дирижеру, — с чего началась история с Мирей Матье? Зарубежная пресса единодушна во мнении, что вы первый открыли талант в Матье.

— Успеху ее, конечно, способствовали. В 63-м на репетицию ансамбля в Париже привели милую девушку, в светлом платьице, белых чулках. Она застенчиво улыбалась, а импресарио объяснил, что это новая восходящая звезда французской эстрады и что ей необходимо завоевать симпатии зрителей участием в нашем концерте. Импресарио попросил пропеть в концерте всего одну песню.

— Этого будет достаточно, — сказал он, — чтобы Париж узнал ее имя.

И в ближайшем концерте песня в исполнении этой девушки с ансамблем успешно прозвучала. Так Париж узнал новое имя, а затем его узнал весь мир. И мы рады, что способствовали ее успеху на начальном, самом трудном отрезке ее блистательного творческого пути. (Матье ни разу не пропустила ни одного концерта ансамбля во Франции, пела, бывала на репетициях. Зыкина встречалась с Матье в 1978 году в Париже, а ее бывшая сотрудница Н. Кущенкова организовывала выступления певицы в Москве в 2009 году. Она же в 2010 году привезла Матье в нашу столицу для получения награды — орден Дружбы народов, который вручал певице в Кремле президент Д. Медведев.)

— Мне кажется, — продолжила разговор Зыкина, — что сюжеты произведений песенного жанра недостаточно часто обращают нас к великим страницам истории. У народа есть что вспомнить, есть и события, и герои, достойные быть запечатленными в песнях.

— К сожалению, в общем их потоке чаще получается крен в сторону любовной лирики. Народ всегда воспевал героев, богатырей, солдат. На песнях, рассказывающих о воинском долге, отваге, защите Отечества, воспитывается молодое поколение, но, увы, сегодня таких песен мало.

Зыкина впоследствии не уставала повторять в разных интервью то же, что говорил ей когда-то Александров, и в частности о том, что мало хороших армейских песен. Где-то даже уточнила лет пять назад: «Всего-то одна приличная песня „Граница“, что поет Леонид Агутин, да 6–8 хороших песен у Расторгуева с Газмановым, но этого слишком мало для нашей эстрады».

— Борис Александрович, — спросил я, — а что произошло в Италии, когда с артистов ансамбля пуговицы зрители поотрывали?

— В 1963 году в Риме нас попросили дать концерт для итальянских военнослужащих. Во Дворце спорта собралось 15 тысяч солдат и офицеров всех родов войск. Мы включили в программу две песни итальянского Сопротивления — «Белла, чао» и «Катюшу» (нашего Блантера, но на слова итальянских партизан). Едва зазвучала ее мелодия, как все 15 тысяч подхватили ее, и мне оставалось лишь повернуться к залу и дирижировать. После концерта итальянцы бросились на сцену, обнимали нас, качали, жали руки, просили на память красные звездочки, кокарды или хотя бы пуговицы от наших парадных мундиров… Пуговиц много им досталось.

Зыкина посмотрела на часы и на меня: пора заканчивать, понял ее взгляд.

— Последний вопрос, Борис Александрович. Вам, чтобы руководить таким ансамблем, приходится предъявлять к себе очень высокие требования?

— Чтобы уверенно стоять за пультом, нужно быть и хормейстером, и композитором, и знатоком народного творчества, и обладать широкой музыкальной эрудицией, и уметь угадывать ритм эпохи, запросы времени. Не превращаться в метроном, а быть искренним, эмоциональным, страстным. Надо выкладываться на концерте полностью. Иначе нельзя. (Спустя какое-то время в разговоре с Гридиным на предмет совершенствования дирижерского искусства Зыкина полностью повторила мужу эти слова прославленного музыканта.)

Прощаясь, Александров спросил Зыкину:

— Как Виктор себя чувствует в новой роли?

(Гридин был в ансамбле Александрова баянистом.)

— Вроде справляется. По-моему, неплохо.

— Жаль, что ушел от нас. Хороший был баянист. А как любил баян.

— Да они сейчас чуть ли не спит с ним, — сказала Зыкина. — Любит играть. Увлеченный, может, слишком.

— Лучше слишком, чем наоборот, — отвечал дирижер.

Александров проводил нас до выхода. На улице ждала толпа с цветами для певицы, которые ей и были вручены. Оказалось, когда мы приехали с Зыкиной и скрылись в подъезде концертного зала, несколько увидевших Зыкину дам стали интересоваться у зыкинского водителя Валентина Ивановича, как долго Зыкина пробудет в этих краях. Тот ответил, что певица приехала на репетицию, которая продлится не меньше часа. Дамы исчезли, а потом явились с внушительным букетом цветов и ждали Зыкину на скамейке в скверике напротив. Когда отъехали, она отдала букет мне, чтобы я положил его на заднее сиденье.

— Откуда столько цветов? — недоумевала Зыкина.

— Откуда, откуда… Да всю клумбу посередине сквера очистили, — сказал водитель.

— Юраш, — обратилась ко мне певица, — выкини их в мусорный бак, как увидишь по дороге. Ворованные цветы мне не нужны.

— Людмила Георгиевна, — говорю, — цветы-то одно загляденье, жаль выбрасывать. Где эти женщины их могли взять, если не с клумбы? За цветами им идти до метро «Новослободская» далековато, да и не очень-то на каблуках со шпилькой комфортно. Удовольствие не выше среднего.

Зыкина промолчала. Цветы остались в машине, из которой я вышел у ближайшей станции метро, предварительно оговорив с певицей план встреч на предстоящую неделю.

До этого был еще один случай, когда Зыкина отказалась от букета.

В октябре 1963 года Зыкиной присваивается почетное звание «заслуженная артистка РСФСР», и в новом качестве она приезжает с шефским концертом в НИИ Люберецкого района Московской области. Перед концертом она попросила заведующего клубом, если можно, нарвать из институтского сада популярной в народе невежинской рябины, чтобы приготовить домашнюю настойку для лечебных целей. Заведующему клубом было некогда, и он перепоручает просьбу певицы киномеханику. Тот, не зная сути происходящего, взял в помощники охранника, и они вдвоем наломали немерено веток с гроздьями спелой рябины. На клумбе возле клуба еще «дозревали» жухлые гладиолусы и астры. На всякий случай нарвали и их, собрав в букет вместе с ветвями рябины. Во время концерта, после исполнения очередной песни на «бис», киномеханик решил обрадовать гостью, вышел на сцену и преподнес ей новый вид икебаны. Зыкина как ни в чем не бывало «букет» приняла, поклонилась и положила его на рояль. Зал грохотал от аплодисментов стоя. После завершения концертной программы Зыкиной все же собрали нужное количество плодов рябины, и она на своей белой «Волге» вместе с аккомпаниаторами А. Шалаевым и Н. Крыловым укатила в Москву, оставив преподнесенный киномехаником «образец» икебаны на рояле.

* * *

В январе 1981 года на сцене Концертного зала имени П. И. Чайковского отмечалось 75-летие И. А. Моисеева, нашего

знаменитого хореографа и балетмейстера.

За несколько дней до юбилея Зыкина спрашивает:

— Ты с Моисеевым давно знаком?

— Лет пятнадцать. А в чем дело?

— Юбилей у него скоро. Что ему подарить? Что он любит?

— Любит играть в шахматы, редкие марки коллекционировать.

— Шахматы у него определенно есть, раз любит играть. Слышала, что его друг, гроссмейстер Котов, подарил на прошлый день рождения красивые, ручной работы шахматы. Марки, я знаю, он давно коллекционирует. Но я в них не разбираюсь. Куплю, да не те…

— И правильно. Зачем не то покупать?

— Хорошо, что-нибудь придумаю.

Однажды при встрече Моисеев протянул Зыкиной письмо выпускника университета из Бруклина, полученное им во время гастролей в США: «За два билета на концерт я готов по вашему выбору: отдать мою коллекцию марок, которую я собирал пятнадцать лет, пройти на руках от Бруклина до „Метрополитен-опера“ и лизнуть раскаленный утюг». «И что же вы выбрали, Игорь Александрович?» — спросила Зыкина. «Ничего», — отвечал он. «Возможно, стоящая коллекция была…» — продолжала Зыкина. «Но я же не меняла и не могу лишить человека 15-летнего увлечения, чего бы его марки ни стоили».

Вскоре Зыкина написала адрес юбиляру, показала черновик (она всегда просила меня, если писала нечто важное).

— Посмотри, может, что-то не так написала.

Я тут же прочел написанное.

— Годится. Но этого мало. Надо добавить еще что-нибудь замечательное, только ему, Моисееву, присущее. Это все же фигура, а не танцовщик какой-то из кордебалета, отмечающий день рождения или круглую дату.

Адрес получился удачный. Зыкина довольно быстро сочинила и выучила наизусть отличную, как мне показалось, здравицу, купила отменный букет цветов и отправилась на торжественное мероприятие.

— Давай, не подведи, — напутствовал жену Гридин.

От выдающегося хореографа Игоря Моисеева Людмила Зыкина получила не один дельный совет.

За сценой концертного зала, в кулисе, впереди Зыкиной, стоял с баяном, коротая время в ожидании выхода, ее давний друг В. Темнов — он выступал с ансамблем «Березка», в котором проработал много лет. Подошел к Зыкиной, спросил: «Ты почему одна?». Она ответила, что ее номер не требует инструментального сопровождения, но потом вдруг говорит: «Увидела тебя с баяном и меня осенила одна идея. Когда меня помреж пригласит на выход, ты стой с баяном в кулисе. Я буду импровизировать здравицу Моисееву, а когда закончу низким поклоном, ты, подойдя к ближнему микрофону, мощно, широко, что называется „с заходцем“, играешь два такта вступления, а я

пойду по короткому кругу с „цыганочкой“. И пошла. И зал содрогался от аплодисментов. „На „бис“ я не вышла, потому что боялась, что так, как в первый раз, больше не получится“, — говорила она на другой день.

— Зыкиной надо дать орден или медаль „За отвагу“, — сказал после торжеств Моисеев.

— За что, Игорь Александрович? — спросил я.

— Выйти в 50 лет на сцену с „цыганочкой“, да еще с такой упитанной, далеко не балетной фигурой, — на это нужна отвага. Лихо у нее вышло. И динамика есть, и темперамент…»

С Моисеевым Зыкина была знакома давно. Нельзя сказать, что она уж очень дружила с ним, но следила за всеми его успехами, новинками, иногда наведывалась на репетиции. Еще молодой спросила:

— Откуда у вас, Игорь Александрович, такие красивые танцы и пляски?

— Ты спляши, я и у тебя найду, — ответил хореограф.

Они оба — и Моисеев, и Зыкина — сходились во мнении, что у народной песни и народного танца много общих черт. «Это брат и сестра, — говорил Моисеев, — и Зыкина может, взяв за источник национальный фольклор, создать такой портрет песни, что он будет востребован всюду». «Моисеев не ошибается, — говорила Зыкина, — многовековой фольклор может послужить неиссякаемым источником для создания песни, потому что в нем есть все краски — от звучных аккордов до едва уловимых полутонов».

Зыкина часто прислушивалась к тому, что считал Моисеев важным или нужным. Создавая ансамбль «Россия», она в первую очередь поделилась планами с ним. «Хомут на шею повесишь большой и тяжелый, — говорил он ей. — Одно дело петь с двумя баянистами, зная свои песни, которых немного и все популярны, совсем другое — коллектив артистов. У каждого свой характер, взгляды, привязанности, отношение к жизни, уровень знаний, подготовки. Нужно подобрать одаренных людей, а не дилетантов, которые, как говорил Гейне, получают удовольствие от того, что делают что-то хуже, чем это делают профессионалы. Еще учти два момента: отбор репертуара и организация гастролей, да и не только их, а всей деятельности коллектива. Если сердце просит — валяй… Но делай так, чтобы потом не раскаивалась». Годы спустя Моисеев напомнил Зыкиной о своем совете в ложе Большого театра, где они оказались рядом на вечере памяти И. С. Козловского.

— Как, Зыкина, не жалеешь, что взяла ансамбль в свои руки? — спросил Моисеев.

— Нисколько, — отвечала певица.

— Вижу, получается. У кого есть здоровье, есть и надежда, а у кого есть надежда — есть все. Теперь знаешь, откуда взялся танец аргентинских пастухов и автографы пальцами ног? (В свое время Зыкина была совершенно не осведомлена о многих перипетиях в жизни коллектива моисеевцев, истории создания их танцев. Когда-то Моисеев спросил ее, какой танец ей нравился больше всего. Она назвала «Гаучо», танец аргентинских пастухов в исполнении Л. Голованова, Б. Санкина и Р. Хаджояна, а откуда он взялся, она не знала. Об «автографах пальцами ног» Зыкина спросила у какого-то артиста ансамбля, но тот, видно, сам не знал, о чем идет речь, рассмеялся. Суть вот в чем. На первых гастролях в Южной Америке ансамбль моисеевцев должен был переехать из Бразилии в Аргентину. Неожиданно въезд запретили. В Буэнос-Айресе чиновник, от которого зависела судьба гастролей, сказал Моисееву: «Мы не запрещаем, однако пусть все ваши артисты дадут нам отпечатки пальцев». «Хорошо, — ответил хореограф, — но, учитывая специфику нашей работы, мы дадим вам отпечатки пальцев ног на всех площадках, где будем выступать». Ответ Моисеева понравился чиновнику — въезд разрешили без всяких процедур. Вот откуда взялись «автографы пальцами ног». — *Ю.Б.*)

Не знаю, кто инициировал совместные выступления зыкинской «России» и моисеевцев на торжественных мероприятиях по случаю той или иной знаменательной даты в жизни страны, но такое происходило довольно часто, почти всегда.

Зыкина многое переняла в области организации творческого процесса, отношения к нему. И Гридин в этом ей помогал. «Надо, — говорил он музыкантам, — понять, что в искусстве нет финала. Самое опасное состояние, когда кажется, что все вершины взяты и лавры завоеваны. Без личной инициативы мы далеко не уедем».

Я помню, как импресарио Майкл Эджели, пригласивший на гастроли в Австралию и Новую Зеландию ансамбль «Россия» (до этого он организовывал гастроли моисеевцев), заявил в беседе с Зыкиной, что Моисеев весьма жесток и часто беспощаден к артистам, придирается к ним, на что певица ответила: «Без личной самоотверженности и общей одержимости танцем ансамбль вряд ли получил бы мировое признание. Безусловно, нагрузки — и моральные, и физические — весьма значительные и не всякому даже способному, опытному танцору они по силам. Что касается жестокости, то это не в правилах Моисеева. Он просто-напросто заставляет артистов всегда быть

требовательными к себе и работать до седьмого пота над вещами, которые не получаются. И вот когда танцору покажется, что он все знает и умеет, тут он и придирается, и правильно делает, потому что иначе нельзя — не получится ничего. Будет, как Моисеев говорит, сплошная натуга и фальшь».

После сольного концерта в «Карнеги-холл» в 1972 году импресарио Соломон Юрок пригласил Зыкину на ужин в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория».

— Подарил «Мерседес» Моисееву и чек на пять тысяч долларов (по тем временам значительная сумма), так у него председатель Комитета культуры деньги отобрал. Да и взять автомобиль ему долго не разрешали. Ваши начальники — люди или акулы?

Без личной самоотверженности и общей одержимости танцем ансамбль вряд ли получил бы мировое признание, — говорила Зыкина об ансамбле Игоря Моисеева.

— Почему вы не ответили тогда Юроку на его вопрос, а отделались молчанием? — допытывался я, когда узнал об этом разговоре.

— А что ему было отвечать? Он мог не поверить, что Моисеев не стремился стать миллионером, богатство ему было «ни к чему» и презент Юрока артист воспринял как обычный рядовой сувенир. Мы беседовали как-то с Моисеевым на эту тему. «Разговор о миллионах сам по себе несостоятелен, — говорил он, — потому что он во многих чертах провокационен. Нельзя ставить идею добра, гуманизма, человеческого развития и совершенствования в

зависимость от кошелька».

Тут я вспомнил слова Зыкиной на пресс-конференции, посвященные ее юбилею в 1999 году: «Я лишь могу сказать искателям сенсаций, что не на поисках славы и денег настоян мой юбилей. И той другое меня абсолютно не волнует, и не ради этих двух понятий я жила и живу. Я хочу, чтобы песней моей люди обрели душевный покой, веру, надежду и любовь». Много общего было у этих двух великих артистов. В этом я убеждался довольно часто.

В 1996 году вышла в свет книга Моисеева «Я вспоминаю…», и он подарил экземпляр Зыкиной со словами: «Людмиле Зыкиной на добрую память и долгую дружбу».

Спустя некоторое время вижу, что Зыкина что-то выписывает из книги (такая привычка у нее была, она лучше запоминала написанное своей рукой, неважно, что — стихи, цитаты из книг, журналов…).

— Над чем, Людмила Георгиевна, вы трудитесь? — спрашиваю.

— Хочу запомнить очень мудрые слова в книге Моисеева, — ответила она.

Моисеев в Индии гостил у Рериха. Рерих привел пример разговора ученика и учителя, взятый, очевидно, из какого-то древнего источника. Ученик спрашивает — учитель отвечает.

— Как пройти через жизнь?

— Как по струне через бездну.

— С чего начать путь?

— Посей действие — пожнешь привычку. Посей привычку — пожнешь характер. Посей характер — пожнешь судьбу.

— Как избежать соблазна?

— Прислушивайся к голосу духа.

— Что такое голос духа?

— Голос духа — это совесть.

— Как преодолеть препятствия?

— Проявляй стремление и волю.

— Что такое воля?

— Воля — это мускулы духа.

— Как быстрей пройти путь?

— Не бойся продвигаться медленно, бойся стоять на месте.

— Как избежать ошибок?

— Ошибочно лишь прекращение усилий.

— Как достигнуть совершенства?

— Совершенствуй себя, и все, что ты будешь делать, будет совершенно.

На гастролях в Баку в 1997 году один из журналистов

спросил: «Людмила Георгиевна, как вы считаете, с чего начать жизненный путь?». «С чего начать? Я вас отсылаю к Святославу Рериху. Он любил говорить: „Посей действие — пожнешь привычку. Посей привычку — пожнешь характер. Посей характер — пожнешь судьбу“.

В июне 2001 года Зыкина на „Поезде памяти“ вместе с известными мастерами искусства Софией Ротару, Тамарой Гвердцители, Михаилом Ульяновым, Александрой Пахмутовой и другими отправилась в Брест для участия в мероприятиях, посвященных 60-летию начала Великой Отечественной войны. На пресс-конференции корреспондент газеты „Брестский курьер“ спросил: „Людмила Георгиевна, у всех в жизни бывают ошибки. Как их избежать?“. „Ошибочно лишь прекращение усилий, — отвечала певица. — Усилие должно хотя бы оправдывать действие, и оно есть и будет необходимым условием нравственного совершенствования. Если бы человек не ошибался, он сделал бы меньше. Ошибаться пристало человеку. Самые великие умы и те делают великие ошибки“.»

Надо заметить, что и Моисеев пользовался таким приемом, когда беседовал с журналистами, цитируя рериховские высказывания.

* * *

В 1997 году исполнилось 70 лет Ростроповичу. Зыкина, хорошо знавшая виолончелиста, решила его поздравить и стала искать номер телефона в записной книжке. «Людмила Георгиевна, — говорю, — Ростроповича в Москве нет. Он справляет юбилей в Париже». «Непонятно, — удивилась она, — почему он его отмечает во Франции, а не в России, взрастившей, воспитавшей его, сделавшей великим музыкантом, укатил в Париж, словно столицу Франции вот-вот закроют и он не успеет принять все положенные почести».

Спустя несколько дней позвала меня: «Звонил главный редактор издательства „Новости“, просил написать книгу воспоминаний. Может, напишем?». Я не посмел отказать, и мы приступили к работе. В планируемом ряду персонажей книги оказался и Ростропович. «Может, не стоит о нем писать? — усомнился я. — Вот в Париж помчался. Что ему Родина? Сколько было шумихи вокруг его имени все эти годы. В поступках артиста больше, мне кажется, политики, чем стремления к демократии и свободе». «Но музыкант он великий, такого больше в мире нет», — сказала Зыкина.

После споров, быть или не быть виолончелисту в книге, пришли к решению, что быть. Предлагаю читателям отрывки из воспоминаний Зыкиной о Ростроповиче.

Мстислав Ростропович в первые дни после возвращения на Родину.

— Впервые я услышала Ростроповича в 1960 году на одном из концертов в Большом зале Консерватории. На сцену не вышел, а выбежал увалень в безупречно пошитом черном фраке, с живым лицом, с округлым подбородком боксера-тяжеловеса, умными,

проницательными глазами сквозь поблескивающие стекла очков. Увалень стремительно уселся на стул, расправил фалды фрака, мельком глянул на Геннадия Рождественского, дирижировавшего оркестром, и я услышала мелодию его, как сказал поэт, «астрального смычка». Цикл виолончельных произведений был исполнен великолепно, пришлись мне по душе и сделанные музыкантом обработки для виолончели пьес И. Стравинского, пьесы в народном стиле Р. Шумана, сочинений Л. Бетховена, музыки Ю. Левитина… Спустя годы я узнала, что Ростропович играет практически все, что создано для виолончели.

Были ли у него неудачи? История умалчивает. Но все же в самом начале пути случались. Лет тридцать назад мы — Ростропович, Щедрин и я — возвращались домой поездом из Нижнего Новгорода, где выступали с концертами. Музыкант тогда уже приобрел широкую известность, и все его хвалили.

— Слав, вот ты такой-сякой образцово-талантливый. Неужели у тебя не было никаких просчетов, ошибок, все шло так гладко, скоро?

— Ну как же, всякое бывало. В 19 лет мне досталось «на орехи» от «Вечерней Москвы» за исполнение сюиты Баха. Не сумел передать глубокую жизненность баховских мыслей. Упрекала меня газета и за невыразительное исполнение концерта Сергея Прокофьева. Пятилетки качества тогда еще в природе не существовало, однако написали, что «качество исполнения оставляет желать лучшего». Так что было, все было.

— Было редко, — вмешался Щедрин. — Его все больше обзывали. То гением, то чемпионом мира по виолончели, то феноменом и даже чертом.

— Дьяволом, — поправил виолончелист Родиона. — Говард Таумбмэн в «Нью-Йорк таймс» написал: «Ростропович играл, как дьявол». (Делаю маленькое отступление. В начале моих гастролей в Токио — Ростропович только что улетел, закончив тур в Японии, — на моей пресс-конференции журналисты вспоминали русского «колосса виолончели». Один из них, коверкающий русские слова, восторгался больше всех: «О! Ростропович! Америка, русский музыканта супер серт!». «Что за „серт“?» — не могла я взять в толк. И только в отеле вспомнила: «Так ведь это „черт“, „дьявол“ — японец имел в виду именно это высказывание нью-йоркской газеты.»).

Весной 1972 года Ростропович вместе с А. Сахаровым, А. Галичем, Е. Боннэр, В. Некрасовым, В. Кавериным и другими видными деятелями культуры подписал два обращения в Верховный Совет СССР: об амнистии политических заключенных и об отмене смертной казни. В письме говорилось: «Свобода

убеждений, обсуждения и защиты своих мнений — неотъемлемое право каждого. Вместе с тем эта свобода — залог жизнеспособности общества».

Такого поворота власти тем более стерпеть не могли, и тут же последовали контрмеры: Ростроповича попросили покинуть Большой театр, в репертуаре которого значились оперы «Евгений Онегин» и «Война и мир» под его управлением. Он помчался к Е. Фурцевой, не раз высказывавшей ему свое расположение, устроил скандал. Фурцева предупредила, что его лишат зарубежных гастролей. Он ответил что-то вроде: «А я и не знал, что выступать на родине — это наказание». К слову сказать, оказавшись в марте 1971 года на гастролях в Магадане, музыкант не отказал себе в удовольствии послать телеграмму Екатерине Алексеевне: «Поздравляю женским днем. Ростропович из Магадана. Подготовил себе место жительства».

Ведавший зарубежными контрактами Госконцерт стал сообщать о мнимой болезни Ростроповича — о зарубежных гастролях музыкант уже не думал. Получили указание не приглашать Ростроповича столичные оркестры, городские и областные филармонии Союза. Телефон в квартире молчал, с Ростроповичем теперь общались лишь друзья. Подоспела еще одна беда — умерла мама, Софья Николаевна, безумно любившая сына.

Из Консерватории Ростроповича не увольняли, но делали вид, что такое может произойти в любой момент. Стала прогрессировать депрессия, и утешение он начал искать в водке. Я не знаю, какие мысли одолевали музыканта в то время, но, видимо, решение направить коротенькое письмо Л. Брежневу с просьбой о командировке за рубеж на два года было принято на семейном совете. Получив неутешительный ответ, Ростропович вскоре эмигрировал в Англию.

— После моего изгнания, — вспоминал музыкант, — никто из композиторов не двинулся, не шелохнулся в мою сторону. Первым, кто нарушил «заговор молчания» и прислал мне свою «Стихиру», был Щедрин. Это был гражданский подвиг — по тем временам (пьеса «Стихира» была написана Родионом к 1000-летию Крещения Руси и посвящалась М. Ростроповичу).

Америка, собиравшая таланты со всего мира, не стала медлить. Зная тягу Ростроповича к дирижированию, ему предложили художественное руководство в нескольких оркестрах. Он выбрал вашингтонский. В 1978 году я была свидетелем сенсации — музыканты Национального симфонического оркестра США забастовали. «Белые воротнички и фраки — музыканты Национального симфонического оркестра — всегда выдерживают

стиль, даже когда образуют пикеты, — отмечал американский журнал „Тайм“. — Самой высокой ноты забастовка, начавшаяся за четыре дня до открытия концертного сезона, достигла, когда к манифестантам присоединился дирижер оркестра Мстислав Ростропович, продемонстрировавший невиданную солидарность с музыкантами. Отвечая полиции, потребовавшей, чтобы бастующие освободили пространство перед входом в Кеннеди-центр, Ростропович был безукоризненно вежлив. „Даже в моей стране, — сказал он, — меня никогда не пытались посадить в тюрьму“.

Впервые я услышала Ростроповича в 1960 году. Цикл

виолончельных произведений был исполнен великолепно, — вспоминала Зыкина.

Сколько лет знаю артиста, ему всегда претили однообразие, чрезмерная усидчивость.

— У него в одном примечательном месте человеческого тела торчит гвоздь, и поэтому он не может сидеть сиднем на одном и том же месте, — утверждал Огнивцев, когда речь заходила о Ростроповиче. — Ему все время куда-то надо бежать, спешить, ехать. Он ни за что не откажется от того, что его страшно интересует или волнует. (Огнивцев был большим другом виолончелиста, и эта дружба продолжалась десятилетия, вплоть до отъезда музыканта из страны. Именно Александр Павлович способствовал близкому знакомству Ростроповича с Вишневской на фестивале искусств „Пражская весна“ в мае 1955 года, куда он приехал вместе с ней, начинающей певицей оперной труппы Большого театра. Кстати, придя в театр, Вишневская в любое время находила в певце понимание и поддержку, с удовольствием пела с ним в спектаклях).

„Мне всегда было трудно разложить жизнь по общественным, политическим и музыкальным полочкам, — заметил Ростропович как-то. — Я просто испытываю внутреннюю потребность что-то делать. Внутри меня происходит нечто вроде взрыва“. Примечательно, что взрыв этот не поддается никаким прогнозам и предположениям. И я нисколько не удивилась, когда услышала, что музыкант отважился продирижировать оперой „Жизнь с идиотом“, где герои прямо на сцене мочатся, испражняются, матерятся.

В апреле 1996 года ему вдруг приспичило спасать леса Америки. Узнал, что Элтон Джон, Стинг, Дайана Росс, Дон Хэнли и другие звезды эстрады дают в „Карнеги-холл“ в Нью-Йорке благотворительный концерт, вырученные средства от которого пойдут в Фонд спасения лесов. Помчался туда.

Японский император, увлекающийся виолончелью, пригласил артиста в свою резиденцию, и Ростропович был единственным музыкантом, которому довелось играть дуэтом с правителем Страны восходящего солнца.

В кругу друзей и единомышленников Ростропович мог блеснуть эрудицией, поспорить, рассказать, например, байку о своих собаках, одна из которых по кличке Муха справила у него за пазухой большую нужду, а ее дочурка — малую, пока он их тайно провозил в „Боинге“.

Помню торжество во Владимире, куда я приехала на премьеру „Поэтории“ Р. Щедрина. Чтобы отметить успех

предприятия, местные власти после концерта устроили прием. Компания подобралась знатная — Плисецкая, Щедрин, Ростропович, Вознесенский, Рождественский, звезды оркестра. Тосты следовали один за другим, и Ростропович, приняв на грудь две бутылки „Пшеничной“, как заметил один из оркестрантов, „держался вполне лояльно по отношению ко всем присутствующим“ и сыпал анекдотами, вставлял словечки не для дамских ушей. Замечу, что с водкой у музыканта отношения давнишние, хотя я никогда не видела артиста пьяным.

Когда я вспоминаю о встречах с Ростроповичем, всегда думаю вот о чем: общался он за границей со множеством выдающихся личностей современности — от президентов до великих артистов. Знаменитости разного ранга искали знакомства с ним. При всем ослепительном фейерверке кажущегося счастья артист оставался одиноким человеком — настоящие друзья оказались по другую сторону границы. „Мне не хватает их каждую секунду“, — говорил музыкант. Вот почему после почти 16 лет изгнания, едва вступив на родную землю в аэропорту „Шереметьево“, Ростропович заявил встречавшим: „Сначала я еду на Новодевичье кладбище…“. Поехал, чтобы поклониться праху матери, великих соотечественников — Шостаковича, Прокофьева, Ойстраха, Гилельса, Огнивцева. Он никогда и ни перед кем не скрывал, что его всегда тянуло в Россию. Вдали от родины и рядом с ней, на разных материках и меридианах он всегда представлял русский народ и его искусство».

Думала ли певица в тот момент, когда эта речь записывалась на мой диктофон, что Новодевичье кладбище — жребий, предстоящий и ей вслед за Ростроповичем, что могилы их напротив друг друга разделит лишь неширокая аллея, на которой будут толпиться ее поклонники…

* * *

Годы наблюдая за жизнью и творчеством Зыкиной, я обнаружил одну ее привлекательную черту. Певицу влекли люди, хорошо или больше, чем хорошо, разбирающиеся в разных сферах культуры, искусства, но имеющие профессию или специальность, весьма далекую от любой из этих сфер. Таких необыкновенных людей были считаные единицы, и она с особым трепетом вспоминала или говорила о них. В этом небольшом ряду значился член-корреспондент АМН, член международной ассоциации хирургов, участник многих международных конгрессов и симпозиумов по урологии профессор А. Я. Пытель, с которым, как

признавалась Зыкина, ей посчастливилось встретиться. Ученый отдал медицине 60 лет жизни, основал школу отечественных урологов, воспитал замечательную плеяду ученых — руководителей ведущих урологических клиник нашей страны и за рубежом. Среди них академики, доктора, кандидаты медицинских наук — всего более сорока человек. Сын А. Я. Пытеля, Ю. А. Пытель, был также известным урологом — доктор медицинских наук, профессор, завкафедрой урологии в Первом Московском медицинском институте. С ним Зыкина тоже общалась.

С главным урологом Россиц, доктором медицинских наук, профессором Юрием Пытелем.

Будучи хирургом и главным консультантом эвакогоспиталей Сталинградского фронта, А. Я. Пытель творил поистине чудеса, спасая жизнь тысячам бойцов и командиров. Он не считал, сколько операций выполнил, но те солдатские письма-треугольники, которые в большом количестве получал с передовой со словами благодарности, лучше любой статистики каждодневно подтверждают, какую титаническую работу хирург делал, сутками не отходя от операционного стола, порой не зная даже кратковременного отдыха.

Антон Яковлевич был известен во всем мире. Многие известнейшие ученые присылали ему из-за рубежа свои научные

труды, журналы, книги. Он знал английский, немецкий, древнеславянский, латынь, греческий языки. Профессиональных секретов не хранил и достижениями всегда щедро делился с коллегами. Был человеком энциклопедических знаний. Все эти черты и поразили Зыкину уже при первой встрече с ним. Вот рассказ самой Людмилы Георгиевны.

«Мне позвонили из Министерства культуры:

— Не могли бы вы приехать в Колонный зал Дома союзов и принять участие в концерте для медиков? У них праздник — День медицинского работника.

Могла ли я отказать? (Зыкина любила врачей — тех, чью деятельность А. П. Чехов сравнивал с подвигом.) Поехала пораньше и попала на торжественное заседание. Сижу в стороне. Рядом — статный симпатичный мужчина в черном костюме со строгим сосредоточенным взглядом темных глаз.

„Какой-нибудь начальник из Минздрава“, — подумала я.

— Как вы думаете, долго еще продлится заседание? — спрашиваю тихо.

— Минут двадцать, — также негромко отвечает он. — Вам как раз времени хватит, чтобы настроиться. А то сразу пойдете на сцену, не скоро войдете в ритм. К песне ведь тоже надо готовиться, не правда ли?

— Правда, — соглашаюсь я.

— Вы, когда поете без подготовки, старайтесь „опирать“ голос на грудь. Должно быть грудное дыхание, тогда звук пойдет сам собой, если голосовые связки в порядке.

„Ларинголог, видно“, — промелькнуло в голове.

— Вообще, — заметил сосед, видимо, ничуть не вникая в суть сухой, невыразительной речи оратора, — связки должны быть вам подвластны, как скрипка рукам Паганини. Вы знаете, как он играл? Его метод заключался в использовании природных способностей и возможностей руки. Он не заучивал противные натуре позиции, трудные оттого, что они не естественны и форсированны, а играл, отдаваясь полностью во власть звуков, забывая обо всем на свете. Вы также должны петь, до конца раскрывая свои способности. Шедевры в искусстве могут быть рождены только самым глубоким человеческим чувством.

„Кто же это?“ — ломала голову я.

— Помнить вам, — продолжал он, — еще надо о том, что в музыке покоряет мелодия. Понять ее красоту можно прежде всего по произведениям Шопена, главным образом его этюдам и ноктюрнам. Среди них столько лирических жемчужин, что их даже поют. Песенность эта — более хорового типа, но вам, как певице, Шопен пригодится всегда, потому что весь он в

гениальном мелодическом даре. По экспрессии, совершенству гармонии ему нет равных среди великих музыкантов. К нему обращаются в минуты, когда в музыке ищут утешение, возможность укрепить дух. Ромен Роллан, например, черпал у Шопена жизненные силы, переживая тяжелые годы войны и оккупации. Как только вы поближе познакомитесь с его творчеством, так сразу поймете, какое духовное богатство оно таит.

Я взглянула на часы: пора готовиться к выступлению. И вот концерт. Знакомые имена — Владимир Васильев, Екатерина Максимова, Александр Ведерников, Ирина Архипова, Муслим Магомаев, Юрий Силантьев с оркестром… Выхожу на сцену и я, смотрю в зал, ищу незнакомца в черном костюме, но не нахожу.

Спустя месяца три или четыре поднимаюсь в свою квартиру на лифте и вижу… знакомое лицо. Тот самый человек, который так убежденно советовал почаще слушать Шопена!

— Добрый вечер, — говорю. — Вы к нам в гости?

— Нет, я здесь живу, — ответил мой попутчик и вышел на десятом этаже.

Мне потом сообщили, что это профессор Антон Яковлевич Пытель.

При наших встречах я все больше убеждалась в его глубоких познаниях и необычайно широком кругозоре, старалась запомнить все то, что он мне говорил. Он хорошо знал и понимал классическую музыку, любил народные песни и романсы в исполнении Шаляпина, Вяльцевой, Обуховой…

— Пациент опять станет здоровым, — заметил однажды Антон Яковлевич, — если помогают сладкозвучные напевы. Так сказал Еврипид. Индийские философы считали, что и музыку, и медицину питает одно вдохновение. Поэтому у нас с вами есть нечто общее.

Он любил девиз известного голландского врача Николауса ван Тюльпа: „Светя другим, сгораю сам“ и считал его символом врачебной деятельности. Еще считал дурным признаком, если у хирурга „руки идут впереди головы“.

Интересно, что Антон Яковлевич в числе немногих ученых мира выявил допущенную в картине Рембрандта „Урок анатомии доктора Тюльпа“ анатомическую неточность: изображенные на трупе казненного преступника препарированные мышцы предплечья и кисти левой руки являются на самом деле мышцами правой.

— У Рембрандта человек — главный герой полотен, — говорил он мне, предпочитая Рембрандта другим художникам прошлого. — Художник любуется им как высшим, самым

совершенным творением природы, вдохновенно передает его богатый внутренний мир, восхищается красотой человеческого тела, преклоняется перед мудростью прожившего долгую и трудную жизнь человека. Людские страдания вызывали у него острое чувство сопереживания, чужая боль не могла оставить его равнодушным. Особенно глубоко это раскрыто в полотнах „Старик в красном“, „Портрет Яна Сикса“, „Мать“, „Портрет старика в черном берете“, „Обнаженная женщина на земляном холме“… В 1970 году в Базеле была обнаружена картина Рембрандта „Женщина у печки“. Я видел это полотно. Женщина, изображенная на нем, встречается на других, более ранних рисунках и офортах Рембрандта. Видимо, натурщица долгое время помогала художнику в работе. На ранних рисунках у нее не заметно никаких признаков тяжелого недуга, и только картина „Женщина у печки“ поражает нас переменами. С какой реалистичностью художник передал чужую боль. Опытный взгляд врача может определить, что за прошедший период жизни у женщины развилась злокачественная опухоль, скиррозная форма рака молочной железы.

Одна из самых любимых фотографий Людмилы Зыкиной.

Пытель не мог дня прожить, чтобы не открыть для себя прежде неизвестное, к новому всегда относился с пониманием.

— Новое везде — и в искусстве тоже, — объяснял он, — способствует появлению большого числа оппонентов. И многие из них сначала не понимают и не оценивают это новое и только спустя некоторое время, иногда через годы, приходят к единодушному мнению, что достигнутый результат творчества или деятельности является по-настоящему выдающимся.

Антон Яковлевич терпеть не мог застоя, удовлетворенности сделанным, довольства самим собой. И об этом я нередко думала, готовя ту или иную программу своих выступлений. Пытель — ученый-уролог, но как часто, разговаривая с ним, я понимала, что все, что он говорит, имеет непосредственное отношение и к искусству».

Вспоминая о встречах с отцом и сыном Пытелями, Зыкина непременно приводила слова выдающегося врача древности Гиппократа: «Врач… равен Богу. Да и немного, в самом деле, различия между мудростью и медициной, и все, что требуется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совестливость, скромность, простота в одежде, уважение, суждения, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что необходимо для жизни…».

«В нашей стране, — заметила как-то певица, — врачи и больные должны быть лишены необходимости продавать и покупать здоровье. Врач — предприниматель, врач — бизнесмен — это противоестественное явление».

Глава V

Кавалеры и мужья. — Автомобили. — Рецепты кухни. — Застолье. — Встречи с журналистами. — На телевидении.

— Бриллианты и награды. — О религии. Выставка в Берлине. — Медведи Филатова. — Рыбалка и хоккей.

Как-то за чашкой чая в рабочем кабинете в перерыве между репетициями я спросил: «Что такое, по-вашему, любовь?». «А никто не знает, — мгновенно ответила Людмила Георгиевна, — однозначного ответа нет. С одной стороны, любовь — это деятельность, направленная на благо других, с другой — самая недоступная из всех великих тайн человеческой жизни». И, помолчав немного, продолжила: «Сейчас (разговор этот был в 2000 году. — *Ю.Б.*) много говорят о сексуальных взаимоотношениях. Но в любви секс — еще далеко не все и не главное. Муж, поминутно одержимый необходимостью полового акта где угодно, хоть на дереве, больше похож на маньяка, чем на любящего супруга, уважающего жену, себя и свое достоинство. В семье, в самой жизни тезис „Все хорошо в меру“ всегда оправдан и надежен. Если муж наберется мудрости, чтобы заставить страсти содействовать счастью, то в семье не будет раздоров. И, наконец, разумный человек любит не потому, что это ему выгодно, а потому, что он в самой любви находит счастье. Хотя должна тебе сказать, что в ком нет любви, в том ничего нет. Это еще Гюго заметил».

Людмила Георгиевна любила настоящий цейлонский чай, сохранявший бодрость на весь день.

Зыкина, конечно, не могла пожаловаться на скудность предложений со стороны сильной половины человечества. Руку и сердце кто только ей не предлагал! Даже за рубежом. В 1964 году во время гастролей певицы в США на одном из концертов в Лос-Анджелесе за кулисы с букетом цветов зашел черноволосый красавец лет сорока, сорока пяти, владелец нескольких предприятий по производству шоколада. Хорошо говорил по-русски. Оказалось, выходец с Украины: отец — еврей, мать — из-под Полтавы. Алик, так он представился, пригласил гостью из России в ресторан на ужин. Затем на чашку кофе… Затем приехал в отель с огромной сумкой, до отказа набитой шоколадом, и предложил певице… выйти за него замуж. «От неожиданности я в первую минуту просто обалдела, — рассказывала Людмила Георгиевна. — Спрашиваю: „С какой это стати?“. „Не могу объяснить, — отвечает, — нравишься очень и очень“. „Да мало ли кому очень нравлюсь, — говорю, — главное, чтобы я любила. А потом я хочу быть не только и не столько любимой — хочу быть понятой и находить в этом счастье. У меня на родине есть человек, которому принадлежит мое сердце. Так что не получается с замужеством, извините“. После этого разговора, — продолжала Зыкина, — мне показалось, что Алик потерял всякую

надежду. Но перед самым отлетом он приехал с цветами, вручил визитную карточку со множеством телефонов и адресов и молвил: „Если когда-нибудь вы скажете мне „да“, я прилечу за вами тотчас в любое место земного шара“. В следующие мои визиты в Америку, „шоколадный“ кавалер нигде не объявлялся, хотя реклама моих концертов в Штатах была достаточно обильной и подробной».

Увлечение певицей номенклатурного семейного партийного босса с юга страны Медунова, о котором Зыкина вскользь рассказала с экрана телевидения в канун своего 80-летия, не называя фамилии, места встреч и других подробностей, видимо, тоже осталось без ответа, хотя в это мало верится. «Мы с ним встречались тайно, я ни на что не рассчитывала и ничего от него не требовала, — говорила певица. — Когда заболела, он примчался ко мне в больницу с цветами, рискуя своим положением, должностью. Когда он уходил на пенсию, предложил мне соединиться. Хотел уйти из семьи и быть со мной. Но я отдавала себе отчет, что не могу стать ему хорошей женой, потому что живу творчеством. И ответила отказом». Где тут правда, где вымысел — не мне знать и судить.

Скоропалительные романтические приключения, как никакие другие в жизни певицы, окутаны великой тайной и исчезли, скорее всего, навсегда вместе с ней на Новодевичьем кладбище.

В 1967 году Зыкина дебютировала в Канаде, на Всемирной выставке в Монреале «ЭКСПО-67» в «Хрустальном дворце» на открытии дней Российской Федерации. Один из наших вполне респектабельных дипломатов решил тоже попытать счастья охмурить «королеву русской песни». Как это выглядело, знали, очевидно, сотрудники КГБ. Но, наверное, неслучайно супруга новоявленного влюбленного, видимо узнав о похождениях мужа, закатила при встрече с ним такую истерику, что «кавалеру» мало не показалось.

От старожилов легендарной Таманской дивизии я часто слышал (на протяжении нескольких лет), что у Зыкиной «был захватывающий роман с композитором Александром Аверкиным», служившим в этой элитной танковой части. Малый, как сказывали, был более чем симпатичный, с добродушной, открытой улыбкой на лице, умными, проницательными глазами. С ним ее познакомил поэт Виктор Боков на одном из концертов для воинов дивизии. Обаятельный, отзывчивый, внимательный к женщинам человек (вся Рязанщина, откуда он родом, была в него влюблена и вспоминает поныне добрым словом) нравился прекрасной половине рода человеческого. «Он и меня одолевал предложениями, — говорила певица, — но всякий раз я

отказывалась: своеобразная, насыщенная событиями, любвеобильная жизнь его мне была не по душе. К тому же я человек ревнивый и хотела одна владеть объектом любви — уж если он, этот объект, принадлежит мне, так это мое и ничье больше».

Я слышал из ее уст об этом человеке только хорошее, и когда его жизнь оборвалась в 60 лет, Зыкина долго не находила себе покоя, если не сказать, что очень страдала.

За долгую жизнь в искусстве певица вдоволь наслышалась всяких пересудов, касающихся ее замужества. Ее сводили и разводили любовных дел знатоки, мягко говоря, не единожды. Когда-то в Дели старый индус по руке ей нагадал, что будет у нее не один муж, что она разведется и еще много всего такого. Он оказался провидцем, и противопоставить року было нечего. И она ни о чем не жалела.

Зыкина не видела ничего предосудительного выходить замуж несколько раз. Считала, что смена второй половины ровным счетом ни о чем не говорит и что постоянство чувств — вещь вообще редкая. Ссылаясь на Белинского, что «нет преступления любить несколько раз в жизни и нет заслуги любить только один раз», и на три брака Татьяны Дорониной, на четыре Эдиты Пьехи или на Элизабет Тейлор, разменявшую седьмой десяток и собравшуюся под венец в девятый раз, влюбившись, как девчонка, в стареющего актера Рода Стайгера.

Возможно, как считала певица, все страдания у нее были на сцене, на все остальное не хватало времени. И все же, говорила она, жизнь прошла весьма красиво и счастливо, несмотря на то, что у нее было четыре мужа. К чести Зыкиной, ни одного из бывших супругов ей было не в чем упрекнуть — они были замечательные люди, она многому у них научилась, в каждом находила поддержку и понимание.

Зыкина не видела ничего предосудительного выходить замуж несколько раз.

Первый муж, Владлен Позднов, был из хорошей семьи, работал инженером на заводе им. Лихачева. Познакомилась она с ним у брата — он был другом Владлена — осенью 1951 года. Накануне Зыкина поссорилась с отцом. После смерти жены, матери Людмилы Георгиевны, он ушел к другой женщине, и она эту перемену переживала очень тяжело. Чувствовала себя в доме какой-то неприкаянной и вскоре уехала к тетке в Подольск. А тут

вдруг встретила человека (как потом выяснилось, ждавшего этой встречи с ней полтора года), окружившего ее теплом и заботой. Мама его, Фредерика Юльевна, или мама Ляля, как они с мужем ее называли, была к невестке очень внимательна и предупредительна. Научила ее вкусно готовить, вышивать, правильно сервировать стол и другим женским заботам. Благодаря маме Ляле Зыкина обрела не только массу необходимых жизненных навыков, но и почувствовала себя женщиной. В этой прекрасной дружной семье Зыкина узнала, что такое подлинная интеллигентность, истинная доброта, уважительное, бережное отношение друг к другу. Она ни разу не услышала там ни одного матерного слова или речей, унижающих достоинство женщины, подчеркивающих или высвечивающих ее пусть мелкие, несущественные недостатки.

Прожили они с Владленом пять лет и разошлись по-хорошему. Виной стала их физическая несовместимость в интимной жизни — слишком серьезной была разница в темпераменте между супругами, и проблема оказалась неразрешимой.

Прошло почти три года, как объявился новый кавалер. А дело было так. Возвращалась Зыкина после концерта поздним вечером домой в троллейбусе. Сидела в кресле, дремала. Рядом сидел симпатичный молодой человек. Вышла на остановке — он за ней. Проводил до дома. Представился корреспондентом журнала «Советский воин» Евгением Саваловым. Потом он куда-то пропал. Оказалось, ездил в командировку по заданию редакции. Вскоре встретила у него дома новый, 1957 год. Мама у Евгения тоже была женщина удивительная — добрая, с открытым сердцем, готовая помочь в любую минуту.

С новым мужем Зыкина пристрастилась к рыбалке, находя в ней отдушину от бесконечной гастрольной жизни на колесах. Удила рыбу на Истре, на Урале, на Волге, на Оке под Тарусой. Обожала и подледный лов. «И пусть не так уж богат был иногда лов, — вспоминала певица, — зато после дня, проведенного на снежной целине, чувствовала себя отдохнувшей, бодрой, легко дышалось, да и пелось всласть».

Спустя какое-то время ей стали говорить, что в ее отсутствие — а ритм гастролей тогда стал возрастать — повадился ее суженый навещать какую-то женщину. Она сначала не верила, потом все, что ей говорили, оказалось правдой. Что делать? И она сказала: «Знаешь что, я жить с тобой не буду, мне не хочется унижать ни себя, ни тебя. Давай расстанемся». И расстались.

Третий муж, Владимир Котелкин, преподавал иностранные языки. Человек эрудированный, интересный. Он многому научил

Зыкину и в искусстве, и в жизни. Все, что было опубликовано за рубежом о гастролях жены, он перевел, получилось два толстенных тома. В 1972 году они разошлись. «Непонятно как-то получилось, — говорила Людмила Георгиевна. — Мне в жизни ничего не доставалось легко. И надо было перебороть себя. Я не смогла на это пойти, заметив, что, бывая за границей, мой супруг стал заниматься не совсем благопристойными делами при коллекционировании икон. Я выставила его вещи за дверь, и мы разбежались в разные стороны. И потом, спустя некоторое время, дружеские отношения восстановились, в какой-либо просьбе или помощи я ему никогда не отказывала». (После развода с Зыкиной Владимир Котелкин женился на актрисе Алле Демидовой, но и этот брак просуществовал не очень долго.)

С последним мужем, Виктором Гридиным, отличным баянистом и дирижером, Зыкина прожила пятнадцать лет, создав превосходный ансамбль «Россия», ставший академическим. Впервые талант выпускника Музыкального училища имени Гнесиных разглядел внимательный к молодым талантам Юрий Васильевич Силантьев, возглавлявший эстрадно-симфонический оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио. Сольные партии для баяна в сопровождении оркестра вывели Гридина в число ведущих исполнителей. Его приглашают крупнейшие в стране музыкальные коллективы. Так Виктор оказался в знаменитом Ансамбле песни и пляски имени А. В. Александрова. В 1977 году Зыкина объявила конкурс на замещение вакантной должности дирижера в ансамбль «Россия». Гридин выдержал испытание. Борис Александрович, руководитель армейского коллектива, сначала не хотел отпускать способного музыканта, но вскоре уступил его просьбам. Так Гридин встал за дирижерский пульт ансамбля «Россия».

Я не знаю, какие чувства испытывал музыкант к Зыкиной (он был моложе ее на четырнадцать лет), когда, бросив жену и двоих детей, сделал ей предложение на гастролях в Германии. «Я в какой-то момент обомлела, — рассказывала певица. — „Ты что, с ума сошел? Мы же артисты. Подумай как следует“, — говорю ему. „Я все продумал“, — отвечал Виктор. Так мы сошлись».

И все же наступила пора, когда они друг друга перестали устраивать. Были скандалы и размолвки к концу их совместной жизни — может быть, разница в возрасте сказывалась — и по поводу деятельности ансамбля, ее детища, и по поводу взглядов в делах личных.

Я был свидетелем нескольких сцен, когда страсти накалялись до предела. Как правило, Зыкина настаивала на своем в самой резкой форме, стучала ладонью по столу и не стеснялась в

выражениях (со стороны казалось, что это мать отчитывает как следует старшего сына за чересчур большие провинности). Гридин отвечал в не менее жесткой форме, считая достоинство мужчины превыше всего, он не мог допустить, чтобы им помыкала женщина, хотя бы и Зыкина.

В конце концов, они развелись, и он ушел к начинающей певице Надежде Крыгиной. По словам Гридина, Зыкина была натурой властной, обладала болезненной чувствительностью, непостоянством и склонностью к преувеличению недостатков; нравом насмешливым, беспокойным и озабоченным. Была часто неуравновешенна, непоследовательна, старалась делать несколько дел одновременно, не умела владеть своими эмоциями и чувствами. Подвергалась частой смене настроений, у нее было семь пятниц на неделе.

Бросив жену и двоих детей, Виктор Гридин сделал предложение Людмиле Зыкиной.

Мне кажется, что в этой оценке Гридина сквозит обида покинутого мужа.

Однажды в минуту откровения Зыкина сказала мне, что в своей жизни она обожала только три вещи: любовь, песню и машину… «А как же мужья?» — спросил… — «Я никого из них по-настоящему не любила», — ответила, как отрезала, Зыкина.

Несмотря на развод с Гридиным, Людмила Георгиевна старалась поддерживать отношения, она регулярно помогала всем, чем могла, семье Гридина от первого брака и новой жене бывшего мужа.

Случилась с Виктором беда — он серьезно заболел, начала сдавать печень (музыкант заразился вирусом гепатита во время гастролей в Афганистане), и когда врачи констатировали «цирроз печени с портальной гипотензией», с горя запил вместе с директором ансамбля А. И. Толмачевым (которого Зыкина вскоре уволила). Зыкина делала все возможное и невозможное, чтобы не спасти (спасти уже было невозможно), но хотя бы продлить Виктору жизнь. Не удалось. Гридин умер в апреле 1997 года.

После смерти Гридина она не искала нового суженого. Но вот незадолго до кончины появился врач Владимир Константинов, своего рода домашний лекарь. И Зыкина влюбилась в него, как она сказала, «до безумия и навсегда до самой смерти». Что это была за любовь, какие чувства испытывал к ней новый возлюбленный, имевший семью и детей, годившийся ей в сыновья, судить не берусь.

Все мужья и кавалеры Людмилы Георгиевны были моложе ее и немаленького роста. Как-то я ее спросил, каков ее идеал мужчины.

— Мужик должен быть умным, самостоятельным, добрым, сильным и высоким, не как плюгавенький Наполеон.

— Наполеон вовсе не был плюгавеньким, — возразил я. — В свои 169 сантиметров он казался меньше ростом на фоне окружавших его маршалов — гиганта Мюрата, рослых Ожеро, Брюна, Мортье, Серюрье, Монсея. Кстати, многие выдающиеся личности были ниже легендарного императора Франции: Черчилль, адмирал Нельсон, Карл Великий…

— Но все равно. Согласись, маленьким мужчинам всегда присуща мания непогрешимости, величия, они хотят показаться выше, чем на самом деле. Тот же Наполеон вставал на цыпочки, когда танцевал с дамами на балах в замке Фонтенбло. Людовик «Красное солнышко» накладывал в туфли пачку картонок, чтобы

хоть на несколько сантиметров быть выше. Если порыться в памяти как следует, могу найти подобных примеров множество.

— Зато мал золотник, да дорог, — заметил я.

— Да у этого золотника бывает очень скверный характер, вспомни Пушкина, — парировала певица.

Я не стал спорить — бывает, так бывает. Что толку спорить — есть вопросы, в которых женщина всегда права.

* * *

Управлять машиной обожала еще с 1962 года. У нее было две «Волги». За рулем черной, служебной, сидел водитель, белую, личную, водила сама. Был еще громоздкий черный «Шевроле», но на нем она ездила редко, хотя салон в нем был довольно просторный, что ей всегда нравилось. К 50-летию творческой деятельности Зыкиной подарили «Мерседес». Через несколько дней, пока водитель курил сигарету с музыкантами ансамбля в перерыве между репетициями, — дело было у подъезда дома на Фрунзенской набережной, где располагался ансамбль «Россия», — «Мерседес» угнали. И никакие введенные МВД планы «Перехват», «Вулкан» и другие ни к чему не привели — автомобиль как в воду канул. На мою реплику: «Машину вряд ли найдут» она ответила: «Она мне не по душе была. Да и в ней тесно. „Волга“ просторнее». (Но был момент в жизни певицы, когда она могла купить «Мерседес-бенц» куда просторнее, нежели тот, что угнали. Оказавшись в 1972 году на гастролях в США, Зыки на узнала, что в штате Аризона продавался в весьма приличном состоянии «Мерседес», принадлежавший Гитлеру. Она стала задумываться над возможностью его приобретения, но кто-то из наших дипломатов не посоветовал осуществить покупку, мотивируя дороговизной транспортировки через океан и огромными пошлинами. «Людмила Зыкина мчится по Арбату на „мерсе“ Гитлера! Это нечто невообразимое, невероятное и… нежелательное», — еще сказали ей. И мысль о приобретении «Мерседеса» отпала вовсе.)

С «Волгами» проблем у нее не было никогда, кроме одного случая, когда на 95-м километре от Горького отказал двигатель. Какие-то прохвосты насыпали речной песок в первый цилиндр мотора, видимо через отверстие для свечи зажигания, и Людмила Георгиевна долго удивлялась: «Надо же, с песком в двигателе столько километров проехала». Директор завода Борис Павлович Видяев долго извинялся и выделил певице машину специальной сборки, как для правительства. Зыкина даже обрадовалась такому

повороту событий: «Что Бог ни делает, все к лучшему».

Людмила Зыкина обожала управлять машиной. Любовь к «Волгам» сохранилась до конца дней.

Зыкина ездила с умеренной скоростью. На пустынной трассе иногда увеличивала скорость, но не намного. А. П. Огнивцев сказал ей как-то: «Поспешность за рулем к добру не приводит. Только дорожная шпана несется 150 километров в час. Ну что из того, если ты будешь ехать быстро и приедешь на дачу на 10 минут раньше? Какой тут выигрыш?». Она, конечно, помнила слова певца и его совета старалась придерживаться, но все же два раза нарушила правила дорожного движения, умудрившись попасть в крупную аварию. Спешила домой на переговоры по телефону с импресарио Соломоном Юроком по поводу предстоящих гастролей в США. Проезжая по Манежной площади, подумала, что не успевает приехать к назначенному Юроком часу, и, чтобы сократить путь, повернула у Исторического музея на Красную площадь, по которой без специального разрешения никто не имел права ездить. Помчалась в сторону Васильевского спуска. Дежурившие на площади милиционеры, очевидно, подумали, что черная «Волга» несется не ради забавы, имеет на то разрешение, машину не остановили (или не успели остановить?). В это время шла уборка снега с площади у стен Кремля. Водителям стоявших в ряд самосвалов и в голову не приходило, что кто-то может ехать в зоне их работы. И первый загрузившийся

самосвал тронулся в путь. Водитель, повернув голову вправо, что-то кричал старшему по уборке снега и не заметил несущуюся слева «Волгу». Зыкина не смогла мгновенно среагировать на возникшую ситуацию и ударилась в переднее левое крыло самосвала, изрядно его помяв. (На «Волге» был поврежден бампер, разбиты фары и практически вся облицовка радиатора.) Водитель самосвала тут же вызвал кремлевскую охрану, представителей комендатуры Кремля. Подъехали и гаишники. Все стали выяснять, кто прав, кто виноват, сколько стоит ремонт и т. д. «Да не шумите вы, — заявила певица. — Зря только воздух сотрясаете. Какой ремонт? Я вам новый самосвал куплю». И, по-моему, купила.

Едем по Кремлевской набережной. Зыкина торопится на прием к Е. М. Примакову, в то время главе правительства. И увеличивает скорость. Еще до поворота к Боровицким воротам гаишник жезлом приказывает нам остановиться. Зыкина по инерции проезжает мимо него несколько метров и останавливает «Волгу». Я выхожу из машины первым и иду к инспектору.

«Куда несется эта ненормальная обезьяна? Она что, ослепла?» — возмущается и негодует старший лейтенант, обращаясь ко мне. Зыкина выходит из машины и тоже направляется к постовому: «Ты что сказал? Ну-ка повтори!» — с гневом говорит она. Я иду рядом с лейтенантом, шепчу: «Это Зыкина, она опаздывает на прием к премьеру». — И через секунду громко обращаюсь к Зыкиной: «Да, Людмила Георгиевна, эти слова старлея вовсе не к вам относятся, какая-то дура на „Форде“ только что пронеслась, вот инспектор и гневается…».

Старший лейтенант берет под козырек, представляется, проверяет документы и молча уходит.

Садимся в машину, поехали. «Как красиво, артистично он жезлом владеет, просто дирижер. Может, в ансамбль его пригласить?» — шутит певица. «Если, — говорю я, — вы будете и дальше спешить и так гнать машину, вас по пути остановит не один такой дирижер. Потеряете время и к Примакову уж точно опоздаете». Зыкина сбавила скорость.

В приемной Примакова она была за пять минут до назначенной встречи.

* * *

Несмотря на многочисленные концерты, гастроли, бурную общественную деятельность и наличие материального достатка, который мог бы освободить ее от бытовых хлопот, Зыкина почти

все по дому любила делать сама — готовить, чуть ли не каждый день мыть полы, вязать и почти профессионально заниматься вышивкой. Культа из еды не делала, но готовить любила.

Кулинарные навыки ей привили еще в детстве — мама, бабушка Василиса. Любила домашние щи и угощала ими с удовольствием друзей и близких. Пробовали их многие — Плисецкая, Щедрин, Пахмутова, Терешкова. В 1967 году после концерта в Мельбурне пригласил ее в гости крупный бизнесмен, владелец фирмы по производству медикаментов. Незаметно разговор перешел на русскую кухню. «Да что об этом говорить, только время зря терять, давайте лучше покажу», — предложила певица. Пошла на кухню и сварила щи по своему «зимнему» рецепту.

Вот этот рецепт: 600 граммов квашеной капусты, 2 морковки, 2 корешка петрушки, 1 луковица, 2 столовые ложки томатной пасты, 1 столовая ложка пшеничной муки, 2 столовые ложки сливочного масла, пучок петрушки или укропа, лавровый лист, перец по вкусу, 0,5 стакана сметаны, 2 литра мясного бульона. Мясной бульон из говядины или свинины сварить, как для щей из свежей капусты. Пока он варится, из нашинкованной квашеной капусты отжать сок, положить ее в кастрюлю, добавить томата и стакан бульона, закрыть крышкой и тушить капусту 1,5–2 часа. Сначала огонь должен быть сильным, а когда капуста прогреется, убавить его до минимума. Чем тушеная капуста будет мягче, тем вкуснее щи. За 10 минут до окончания тушения добавить обжаренные на масле коренья, лук. Выложить все в кипящий бульон и варить до готовности 30–40 минут. За 15 минут до окончания варки влить в бульон мучную пассировку, добавить лавровый лист, перец по вкусу. К щам подать кулебяку с гречкой, гречневую кашу, ватрушки с творогом. Австралийский бизнесмен рецепт этот записал.

А вот «летний» зыкинский рецепт: 2 литра воды, 700 граммов белокочанной или савойской капусты, 2 средние картофелины, 1 морковь, корень петрушки, 1 крупная луковица, 2 помидора, 2 столовые ложки сливочного масла, 2 лавровых листа, 3 горошины черного перца, соль по вкусу. В кастрюле поставить варить мясо. Чтобы бульон был наваристым, положить мясо в холодную воду и варить, не накрывая крышкой. Снять с кипящего бульона пену, влить ложку холодной воды и варить мясо еще 2 часа. Затем опустить в кипящий бульон нарезанную соломой капусту. Когда он вновь закипит — порезанный дольками картофель. Мелко нарезанные коренья и лук обжарить на сливочном масле и заправить ими щи, проварив еще 15 минут. За 5 минут до конца варки добавить дольками помидоры, соль. Одновременно можно

добавить и 2–3 дольки чеснока, растертые с солью. Готовые щи посыпать зеленью, отдельно подать сметану.

Когда в гостях (обычно в новогоднюю ночь) певицу угощали так называемым салатом «Оливье», который, на ее взгляд, не имел ничего общего с настоящим «Оливье», она непременно давала хозяйке стола такой совет: «Возьмите 300 граммов мякоти вареной курицы или дичи, 3 вареных картофелины, 2 свежих или соленых огурца, 100 граммов цветной вареной капусты, 2 помидора, корень сельдерея, 2 столовые ложки консервированной фасоли, 2 столовых ложки консервированного зеленого горошка, 100 граммов вареной спаржи, 2 столовые ложки майонеза, 0,5 стакана растительного масла, 0,5 стакана 3-процентного уксуса, чайную ложку сахара, соль и перец по вкусу. Все нарежьте тонкими ломтиками (спаржу нарезать дольками длиной 3–4 см, а сельдерей соломкой), хорошо перемешайте, по кромке салатника выложите листы салата, затем сам салат, а сверху украсьте ломтиками птицы и веточками зелени».

Зыкина умела не только прекрасно петь.

Если кто-то давал ей рецепт приготовления вкусной и здоровой пищи, о котором она никогда не слышала, она непременно его записывала. Однажды, торопясь на репетицию и выходя из кабинета, попросила: «Юраш, сядь на мой телефон и жди звонка от Нади Бабкиной, она вот-вот позвонит. У нее какое-то чудо-варенье из абрикосов получается, запиши рецепт».

«Дежурным» блюдом во время репетиций ансамбля были макароны с тушеной говядиной с жареным на масле луком.

Тушенка всегда закупалась впрок — десяток, а то и больше банок было всегда в запасе.

Была хлебосольной, потчевала чем могла, что было на столе или в холодильнике. Никогда я не видел, бывая у Зыкиной в застолье по разным поводам и без них, чтобы она кого-то из журналистов потчевала бутербродами с черной икрой, где ломтик хлеба был «тонюсенький-претонюсенький», а икры аж «в палец толщиной». Вранье это. Кстати, Зыкина любила больше красную икру и никогда ее не «черпала столовой деревянной ложной, как кашу». Это тоже вымысел.

Готовить любила, но чтобы при этом ей никто не мешал. Часто по ночам, когда не успевала. Обед у нее на столе был всегда — и когда была замужем, и когда осталась одна. Считала, что нельзя расслабляться, первое блюдо в ежедневном рационе должно быть обязательно. Застолье любила, но я ни разу не видел, чтобы она «хлестала водку стаканами». Если кто-то в компании, благодаря свободе слова, изловчался блеснуть матерным словечком из трех или более букв, она вскрикивала: «Ой!», словно кто-то неожиданно укалывал ее иглой или булавкой в мягкое место пониже спины. Взгляд ее в сторону обладателя ненормативной лексики был выразителен до такой степени, что тот сразу умолкал или извинялся за допущенную вольность. (В феврале 1980 года ансамбль «Россия» гастролировал в Ленинграде и в один из дней мы втроем, Зыкина, Лена Бадалова, помощница Зыкиной, ассирийка, замечательная женщина, рано ушедшая из жизни, и я отправились в ленинградский Дом торговли в центре Северной столицы. Над торговыми рядами Зыкина видит вывески: «Лентрикотаж», «Ленодежда», «Ленобувь»… Спрашивает Лену: «А как будет называться эта обувь в Херсоне?». Ответа, разумеется, не последовало.).

Не могла терпеть, когда мужское сообщество закусывало коньяк солеными огурцами или селедкой. «Издевательство над коньяком, — сетовала она. — Мужчины всего мира пьют коньяк с кофе, покуривая при этом сигару или сигарету, у нас же заливают его за воротник, как водку».

В перерывах между репетициями пила свежезаваренный чай с бутербродами — белый хлеб с сырокопченой колбасой или сливочным маслом и красной рыбой. Пока пила чай, звонила по телефону, если в этом была необходимость. В это время к ней можно было зайти посетителям, на столе лежала коробка отменных шоколадных конфет, ими от души потчевала зашедших. Меня всегда спрашивала, не голоден ли я, чем помочь, как идут дела. Дела иногда шли не очень радостно — толпы журналистов

осаждали приемную, особенно перед Новым годом, днем 8 Марта и накануне дня ее рождения. К интервью любой газете, журнал готовил как можно тщательнее, советовал, что конкретно можно сказать, не вдаваясь в политику, а что вовсе не обязательно.

Журналисты проявляли чудеса прыти, наглости и нахальства, объясняя свои неуемные желания «материалом в завтрашний номер». Когда Зыкина уставала от их невероятной назойливости, говорила:

— Юраш, давай сам с ними разберись.

— Так я же, Людмила Георгиевна, не Зыкина.

— Ты все обо мне знаешь и даже больше, чем следует. (Бывало, шутила: «Мне кажется, твои знания таковы, что тебя впору к стенке ставить, как при Сталине».)

В особенно напряженные дни, когда приезжали телевидение, корреспонденты центральных газет, популярных журналов, она давала мне право, кого принять, а кому отказать в интервью или встрече. Но если это были журналисты с периферии или из-за рубежа и они торопились на поезд или самолет, вопрос, кто первым войдет в ее кабинет, не стоял.

Среди печатной братии находились экземпляры, жаждавшие непременно сфотографироваться с Зыкиной «на память», привозили цветы. Редко, но номер проходил. И когда Зыкина через пару недель или месяц читала интервью с ней в журнале и видела свою фотографию «на память», она восклицала:

— Вот наглец! А говорил «на память».

— Зато какая самореклама: вот, смотрите все сюда, я с самой Зыкиной рядом.

— Небось выпил рюмку-другую по этому поводу с друзьями.

— Вполне возможно, — заключал я. — Почему бы и нет.

Нередко действия журналистов, мягко говоря, происходили от лукавого и в появившихся в прессе статьях о Зыкиной были цитаты и слова, которые она никогда не то чтобы не говорила, а и слыхом не слыхивала. В таких случаях я соединял ее по телефону с главным редактором издания. Тот, как правило, извинялся, божился, что «такое никогда не повторится», и на этом все заканчивалось.

Людмила Зыкина была хлебосольной хозяйкой, потчевала гостей чем могла, всем что было на столе или в холодильнике.

На телевидение чаще всего ездили вдвоем (однажды знакомый редактор, глядя на нас, идущих по коридору, пошутила: «Вот Зыкина и Зыкин приехали»). На передачу «Старая квартира» на канале «Россия» мы с певицей чуть опоздали и вошли в зрительный зал под руку, усевшись на пустовавшие два крайних кресла первого ряда. Сотни зрителей смотрели на меня сзади, иные дамы привставали с места, чтобы посмотреть, с кем это Зыкина приехала. Шепчу ей: «На меня смотрят все женщины без исключения, не отрывая глаз. Подумают еще чего-нибудь этакое»… «Да пусть думают что хотят», — отвечала певица.

На съемках в разных студиях телевидения и на разных каналах мы были с Зыкиной раз десять или двенадцать. Один «вояж» остался в памяти, словно случившееся было вчера.

Летом 1998 года, согласовав с Зыкиной все вопросы, касающиеся моей компетенции, я со спокойной душой отправился домой. Едва переступил порог, как раздался телефонный звонок.

— Юраш, это я, — слышу в трубке голос Зыкиной.

— Что случилось, Людмила Георгиевна? Папа Римский женился на топ-модели? Буш спустился на парашюте на Красную площадь рядом с Мавзолеем?

— Буш сидит на своем ранчо и играет с собакой. Папа проводит мессу и пока не женился. Слушай, звонила режиссер с Первого канала телевидения и просила приехать в понедельник для съемок в программе Андрея Разбаша «Час пик». Сможем поехать?

— Какое число будет?

— Тринадцатое.

— Нехорошая дата. Я суеверный, да и вы тоже, знаю.

— Да, действительно нехорошая, — согласилась Зыкина. — Но, может, съездим?

— Перенести встречу на другой день сложно?

— Не знаю…

— Хорошо. Давайте попробуем.

Приехали на телевидение. С Разбашом (ныне покойным) согласовали все детали передачи, визажист приступил к работе. За несколько секунд до выхода передачи в эфир с левого глаза Зыкиной падают на пол плохо приклеенные ресницы. От волнения у юной симпатичной стилистки, пытавшейся приклеить ресницы на прежнее место, задрожали руки. Говорю ей: «Смелее, сеньорита, смелее! Не бойтесь!». Та, видно, приложила какое-то усилие, и ресницы оказались на месте буквально за три-четыре секунды до эфира.

После передачи отправились в буфет выпить «на дорожку» по чашке кофе.

— После твоей команды девчонка так надавила на глаз, — сказала Зыкина, едва мы оказались в коридоре, — что чуть без него не осталась.

Сели за стол, пьем кофе с пирожными. Помолчав немного и посмотрев по сторонам, как окружение пронизывало нас любопытными взорами, я произнес:

— С одним глазом остаться — несчастье, а женщине и вовсе плохо. Пират бы обрадовался, что потерял в схватке левый глаз, а не правый.

— Почему? — спросила Зыкина.

— Женщина с одним глазом теряет выразительность, а пират, как правило, целится правым глазом, когда стреляет из ружья или пистолета. Боль в глазу утихла?

— Прошла, слава богу.

— Тогда поехали. В следующий раз, если будут сомнения относительно признаков неудачи, не поедем.

— Не поедем, — согласилась Зыкина.

* * *

Бывали дни, когда телефон в зыкинском кабинете звонил с утра до вечера. И певица то и дело бралась за трубку. «Работать некогда…» — сетовала она. «Да выключите вы его, Людмила Георгиевна, — говорил я, — до ночи не даст вам покоя».

В 1969 году я брал интервью у директора Большого театра М. И. Чулаки по поводу гастролей балета в США.

До беседы с ним (он в это время перекусывал) я сидел напротив секретарши, то и дело поднимавшей трубку телефона. Звонившие, очевидно, хотели переговорить с Михаилом Ивановичем. И она отвечала: «Его нет, он будет завтра»; «Он уехал в Министерство культуры»; «Его сегодня не будет»; «Он на репетиции»; «Позвоните после 16.00…» Я подумал, с каким мастерством врет секретарь, и сказал об этом Чулаки. «Иначе невозможно работать», — был ответ директора ГАБТа.

Об этом эпизоде рассказал Зыкиной, на что она отреагировала просто: ввела подобную систему и у себя, но не на каждый день.

Разногласий с ней у меня никогда не было, за исключением одного случая в начале нашего сотрудничества, когда она опоздала на встречу со мной в назначенное время. Ждал ее целый час у дома на Котельнической набережной, коротая время в букинистическом магазине на первом этаже. Приезжает с Гридиным.

— Я здесь битый час вас жду. Что-нибудь случилось? — спрашиваю.

— Ничего не случилось. Прическу новую сделала, думала, управлюсь во времени, но вот не получилось.

— Это не причина, чтобы опаздывать.

— Я же все-таки женщина.

— Ну и что — женщина. Почему-то Анна Маньяни, Софи Лорен, Джина Лоллобриджида, Майя Плисецкая и другие «девушки» не меньшей известности и популярности не могут позволять себе опаздывать в таких случаях? Потому что ценят и свое, и чужое время. Давайте договоримся, чтобы такого безобразия больше не было. Иначе наши взаимоотношения закончатся.

Я еще добавил к сказанному, что опаздывать без весомых на то причин — дурной признак и не украшает человека как личность. И рассказал за чаем об одном случае из моей практики.

Гобелены, вышитые певицей, — настоящие произведения искусства.

По просьбе журнала «Смена» я поехал к Ивану Христофоровичу Баграмяну, легендарному полководцу времен Великой Отечественной войны. Жил он на даче по Можайскому шоссе, недалеко от Одинцова. Вхожу в дежурное помещение проходной, сообщаю офицеру о цели моего визита. Дежурный докладывает маршалу о том, что я прибыл.

— Который час, капитан? — спрашивает маршал.

— Ровно восемнадцать ноль-ноль, товарищ маршал Советского Союза! — четко докладывает постовой.

— Пропустите и дайте сопровождающего.

Опоздай я на 7–10 минут — встреча бы не состоялась. Баграмян ценил время и считал, что точность — не только вежливость королей. (Кстати, Зыкина довольно часто встречалась с Баграмяном по разным поводам и в Москве, и в Армении, и даже в ГДР на военном параде.)

К чести Зыкиной, она с тех пор являлась на встречи вовремя, и если чуть опаздывала, всегда извинялась. «Вот видишь, как ты меня воспитал, — шутила она. — Я теперь стараюсь никуда не опаздывать».

* * *

Перед очередным Днем космонавтики я встречался с Германом Степановичем Титовым, вторым космонавтом планеты. Речь зашла и о Зыкиной, которая должна была петь в честь этого праздника. И он, как бы между прочим, спросил:

— А что, наша великая певица действительно имеет страсть к бриллиантам?

— Бриллианты — лучшие друзья всех девушек, — изрек я дежурную фразу.

— По большей части красивых, известных, состоятельных. Так?

— Наверное, — согласился я.

Зыкина всю жизнь питала к космонавтам особое уважение. Ей выпало счастье дружить с Юрием Гагариным, Валентиной Терешковой, Павлом Поповичем, Георгием Береговым, Виталием Севастьяновым, Владиславом Волковым… В день похорон Германа Титова она стояла в почетном карауле у гроба космонавта в зале ЦТСА.

Конечно, Зыкина любила добротные, красивые украшения, и бриллианты не исключение. У нее была емкая косметичка из тонкой черной кожи, наполненная колечками, брошками, сережками, так или иначе в основе содержащими бриллианты.

Были там и другие камни — изумруды, сапфиры, но больше всего украшений было с бриллиантами.

Косметичку она всегда держала при себе, не оставляла ни дома, ни на даче. Цену содержимого ее она, конечно, не знала, да и она ее мало интересовала. И все разговоры о том, что стоило все это богатство 500 тысяч у.е., или полтора миллиона, — от лукавого, потому что, на моей памяти, об оценке ее украшений не могло быть и речи: Зыкиной было безразлично, сколько они стоили. Стоимость украшений Зыкиной могли определить только специалисты высокой квалификации, а не прыткие лгуньи или «знатоки», что вещали и вещают о небылицах со страниц желтой прессы.

В один из рождественских вечеров, обсуждая у нее дома готовящуюся по телевидению передачу с участием певицы, неожиданно зашел разговор о бриллиантах. И Зыкина, встав из-за стола, ушла в другую комнату и принесла на ладони сережки, сделанные, как оказалось, ювелирных дел мастером, видимо, недавно. «Посмотри, какая филигранная работа», — и протянула мне сережки. Я стал внимательно их рассматривать, и мне показалось, что камни в них не настоящие, о чем и заявил во всеуслышание. «Такого не может быть, потому что не может быть

никогда», — возразил сидевший рядом Гридин. «Это можно легко проверить, — сказал я. — Достаточно зажечь одну свечу, и будет видна игра каждого бриллианта, его радужные переливы». Такой процедуре научил меня Ростропович, ссылаясь на XVII–XVIII века, когда дамы, блистая бриллиантами на балах при свете свечей, глядя вокруг, могли определить, у кого какого качества камни и даже руками какого ювелира они сделаны. Свет в комнате тут же выключили, свечу в подсвечнике, стоявшем на пианино, зажгли. Вертели сережки вместе с Гридиным и так и этак — никакой игры не заметили. «Вот аферист, завтра поеду (к какому-то старому еврею, фамилию я не запомнил), башку ему оторву». «Да не горячись ты, — успокаивала мужа Зыкина, — может, они просто слегка загрязнились, надо их почистить спиртом, да и все». «Какая на них грязь? Они что, на полу кухонном или в туалете валялись сто лет?» — не унимался Гридин. Перепалка между ними закончилась довольно скоро. По прошествии примерно года моего сотрудничества с Зыкиной ни она, ни Гридин меня не стеснялись и могли при мне говорить что угодно, совершенно открыто. В свою очередь, и я также прямо и откровенно высказывал свои мысли.

Через некоторое время вижу в ушах Зыкиной такие же сережки, что мы разглядывали вечером в рождественские дни. «Людмила Георгиевна, — спрашиваю, — камешки-то в сережках настоящие или как?». «Теперь настоящие, — отвечала она. — Ты оказался в основном прав. Мелкие камешки были все же алмазиками, просто не ограненными как следует, а вот покрупнее действительно пришлось заменить». «Гридин собирался ювелиру башку свернуть. Свернул?» — спрашиваю. «Я сама ездила к ювелиру, предупредила, что такое может случиться».

Я помню, как, положив на ладонь орден Святого апостола Андрея Первозванного, она внимательно разглядывала блестевшие в нем разных размеров камушки.

— Красив орден, ничего не скажешь, и как много труда вложено в него ювелирных дел мастерами, — налюбовавшись наградой, заметила певица, отложив в сторону изделие российских умельцев.

Зыкина любила добротные, красивые украшения. На больших концертах в ее ушах всегда были бриллиантовые серьги с крупным изумрудом в середине.

— Спору нет, хорош, что и говорить, но не более чем красивая цепочка с побрякушками, — сказал я.

— Ну скажешь тоже, побрякушки, — недовольно произнесла она и снова взяла орден в руки.

— Конечно. Настоящие бриллианты красовались на наградах адмирала петровских времен Федора Головина, первого кавалера ордена, или Мазепы, второго кавалера.

— Мазепы? — вскинула брови Зыкина.

— Не только его. В 1807 году им были награждены Наполеон, три его маршала — брат императора Жером, Мюрат, начальник

штаба Бертье и министр иностранных дел Талейран. Уж у этих-то ребят, наверное, не было оснований считать, что бриллианты в орденах искусственные или поддельные. Кстати, Людмила Георгиевна, и ваш орден «За заслуги перед Отечеством» внешне ничем не отличается от царского Святого Владимира, хотя для всех очевидно, что это не одно и то же.

К наградам Зыкина относилась довольно спокойно. Раз человек заслуживает орден и сознает, что получил за особые заслуги, говорила она, значит, он может считать, что совершил хороший поступок.

Зыкина и к славе была равнодушна, не позволяя ей ни ослеплять, ни взволновать себя.

К талантливым людям была всегда доброжелательна. Считала, что кто рожден с божьим даром и для него, тот обретает в нем свое лучшее существование. В разговоре о бремени дарования как-то обронила: «У истинных талантов завистников гораздо больше, чем поклонников. С другой стороны, не позавидуешь тому, кому никто не завидует».

* * *

Людмила Георгиевна была суеверным человеком. Религию считала упрощенной и обращенной к сердцу мудростью. В золотом медальоне на золотой цепочке, с которым она никогда не расставалась, ювелирных дел мастером была встроена миниатюрная иконка Николая Угодника, которому она поклонялась еще с детства по настоянию мамы. Была убеждена, что Бог ей обязательно поможет, если она его очень попросит. «Он выводит меня на правильный путь, — говорила она. — Он приводил меня к людям, с которыми я должна была общаться, и отводил от людей, с которыми мне не надо было встречаться. Все пакости и неприятности в жизни идут от сатаны». Дружила с владыкой Питиримом и особенно с митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом, нынешним главой Русской православной церкви. С ним она годы поддерживала дружеские отношения, бывала у него в гостях по разным поводам и видела в нем умнейшего человека.

* * *

В 1997 году Зыкина отправила меня в Берлин на открытие выставки русских мастеров живописи. Прилетев в Берлин, стали

разбирать подрамники и рамы, готовиться к вернисажу. Просмотрев все полотна — несколько десятков, мне показалось, что многовато картин с изображением церквей и соборов. «Давайте уберем часть картин на религиозные темы. Их тут излишество», — говорю сотрудникам Академии культуры России, под эгидой которой проводилась выставка. Те согласились. На другой день — звонок от Зыкиной:

— Юраш, ты почему убрал часть картин с видами соборов?

— Чересчур много их, Людмила Георгиевна, — отвечаю.

— Нет, нет. Давай верни их назад.

— Что, все?

— Все.

— Но там есть откровенно слабые работы.

— Какие слабые? Там слабых нет, пусть висят.

— Будет перекос в количестве.

— Пусть будет, немцы посмотрят, какие красивые у нас храмы. Это же наша Русь святая. И, глядя на них, получат хорошую дозу вдохновения.

— Может, и счастье заодно немцы от них обретут?

— Я серьезно. Надо все их повесить на самом видном месте.

Что было делать? Я согласился, вспомнив Владимира Высоцкого:

И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято.
Нет, ребята, все не так,
Все не так, ребята.

Вернувшись из Берлина в Москву, рассказал Зыкиной о том, каким успехом пользовалась выставка, показал ей книгу отзывов, в которую «до кучи» добавил и свой отклик, зачитал ей его концовку: «…во всех произведениях чувствуется присутствие художника. Он присутствует, как Бог во Вселенной: вездесущий и невидимый».

— Почему ты вдруг Бога вспомнил? — спрашивает.

— Увидел на картинах церкви и вспомнил.

— Я разговаривала с митрополитом Кириллом, он посоветовал, что хорошие картины на религиозные темы нелишне показать и в Берлине.

Вот откуда ноги растут, подумал я.

Незадолго до открытия выставки певица общалась с игуменом Гермогеном из Екатеринбурга, которому содействовала удалению камней в почках в какой-то клинике. После операции она посылала ему печеные яблоки и клюквенный морс. Может, и

это общение сказалось на мотивации зыкинских наставлений по поводу качества полотен с изображением храмов.

С митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом, давним другом певицы — ныне Святейшим Патриархом Московским и всея Руси.

А история с Гермогеном такова. Бывший артист хора Свердловского оперного театра, а затем солист военного ансамбля песни и пляски в Германии, по милости Божьей ставший священником, Гермоген ехал на встречу с Зыкиной. По дороге, что называется, прихватило от острой боли в боку, и его на карете «Скорой помощи» отвезли в одну из московских клиник. Гермоген попросил у заведующего урологическим отделением разрешения позвонить Зыкиной. Тот опешил: «Кому, кому?» — «Зыкиной Людмиле Георгиевне», — отвечал Гермоген. Заведующий пододвинул телефон поближе к нему, и игумен позвонил. «Дайте трубку доктору», — потребовала Зыкина. Она, видимо, о чем-то его попросила, потому что Гермогену немедленно предоставили одноместную палату и сразу после анализов повели в операционную на дробление камня. После процедуры Гермоген спросил о результате. «У вас такая покровительница, что одно ее имя раздробит любой камень», — отвечал доктор.

После операции игумен питался исключительно продуктами, которые ему присылала певица. Кстати, к голосу Зыкиной прислушивались не только доктора. Но и люди рангом повыше.

Когда Зыкина услышала, как поет Зураб Соткилава, тогда еще совсем молодой тенор из Грузии, пошла к Фурцевой, попросила ее прослушать нового замечательного тенора. Министр прослушала Соткилаву, и буквально через месяц после этого Соткилава был зачислен в труппу Большого театра. Существенную роль в этом назначении сыграла Зыкина. И таких примеров порядочно наберется за ее долгую жизнь.

* * *

К животным Зыкина относилась с добротой и лаской. Она видела в них прообраз наших добродетелей и пороков. Животные также питали к ней всяческую любовь и взаимные симпатии. На даче я видел овчарку Багиру, по словам Зыкиной, существо чрезвычайно умное и сильное, и двух замечательных сиамских кошек.

В 1982 году она гастролировала во Вьетнаме и целый день бродила по зоосаду Ханоя, где было полно всякой живности. Ее очень огорчило то обстоятельство, что за неделю до ее визита умер огромный слон — легендарный герой Вьетнама. «Где в мире можно найти животное с двумя орденами, — восторгалась она, едва появившись в Москве после гастролей. — Один, орден Сопротивления, за то, что тянул пушки и ящики со снарядами для армейских частей Вьетнама во время войны с США. Другой, орден Труда, за то, что без устали таскал тяжести в мирное время, помогая строить переправы и мосты. Вот это слон так слон, действительно герой».

Оказавшись на гастролях в Японии одновременно с выступлениями артистов цирка, знаменитого аттракциона «Медвежий цирк» под руководством народного артиста СССР В. И. Филатова, она целый час вела с ним беседу в отеле, интересуясь характером, наклонностями, повадками животных, и медведей в том числе. И, как Фома неверующий, вернувшись в Москву, расспрашивала меня, зная, что я писал и о цирковых династиях, о достижениях в области дрессировки медведей, сомневаясь, например, в способности их сидеть за рулем мотоцикла.

— Неужели правда то, о чем мне рассказывал Валентин Иванович?

— О чем же он рассказывал?

— О том, что медведь по кличке Таймур водил мотоцикл с коляской, в которой сидел Филатов, свободно разъезжая по улицам Лиссабона, Парижа, Рима, а медведица по кличке Девочка

получила в Штутгарте международные водительские права на вождение мотоцикла.

— Да все газеты в Европе об этом писали. Филатов научил медведей свободно управлять мотоциклом: увеличивать и уменьшать скорость при помощи ручки газа, пользоваться тормозами, включать и выключать фару, подавать звуковые сигналы. Он, сидя в коляске, видимо, подсказывал, как управлять мотоциклом. А с Девочкой получилось вот как. В Штутгарте представления проходили в спортзале, расположенном в двенадцати километрах от города. Как-то во время репетиции ассистенты Филатова не заметили проехавшую за кулисы медведицу. А та, воспользовавшись, что двери на улицу были открыты, выехала на проходившую рядом автостраду и, включив фару, помчалась в Штутгарт. Спохватились ее, когда Девочка отъехала уже восемь километров. Кинулись в погоню, сообщили о случившемся начальнику полицейского участка. В это время водители авто, мчавшихся по автостраде, увидев за рулем мотоцикла медведя, сбавляли скорость, чтобы убедиться, как писали газеты, что это за представление и кто его разыграл, думали, нарядили человека в шкуру медведя для съемок детского фильма. Полицейский, дежуривший на перекрестке, обомлел и не знал, что делать, но вскоре получил команду догнать медведицу, тоже, кстати, на мотоцикле. Догнали Девочку у самого въезда в город. Восхищенные ее мастерством, полицейские обратились к своему начальству с просьбой выдать медведице международные права на вождение мотоцикла.

— Ну а мотоциклисты-гонщики по вертикальной стене тоже были медведи?

— Тоже. Только стена, по которой гонялись филатовские медведи, была не строго вертикальной. Японцы, как и вы, тоже сомневались, что лихие гонщики — медведи, а не одетые в медвежьи шкуры люди. Приходили за кулисы, щупали животных и извинялись за свое недоверие. И даже предложили поменять наши мотоциклы на японские. Медведи и на них превосходно себя чувствовали, показывая мастерство вождения высочайшего уровня.

— Вот если бы такое зрелище увидела моя бабушка Василиса, я не представляю, что бы с ней стало. Описалась бы, наверно, от потрясения.

К животным певица относилась с добротой и лаской. И они так же питали к ней любовь и взаимные симпатии. Верность овчарки Багиры не знала предела.

— Я вам, если хотите, расскажу о случае, когда не только бабушка Василиса описалась, а и много других людей могли это совершить. У вас есть время на пару минут?

— Есть, есть…

— В джунглях Юго-Восточной Азии аборигены поймали огромного, шести с половиной метров, питона и, не зная, что с ним делать, подарили его капитану нашего сухогруза, стоявшего в порту. Капитан вскоре понял, что поторопился, приняв такой подарок, и по прибытии в Находку позвонил в Госцирк. За питоном прилетели дрессировщике помощником, заложили его в сумку, затем погрузили во Владивостоке на борт Ту-154 и полетели в Москву. Сумка с питоном стояла в хвосте самолета. Через пару часов полета, пока дрессировщик был в туалете, а помощник дремал, питон выполз из сумки и стал медленно продвигаться вдоль рядов кресел по проходу.

— И что же? — с нетерпением спрашивала Зыкина. — Что дальше?

— Испугался люд честной. Кто-то визжал, кто-то орал от испуга что есть мочи. Кто-то, возможно, наложил добра в штаны…

— Обосрамился, — вставила Зыкина.

— Хорошо, что питона быстро вновь запрятали в сумку. Скандал был грандиозный. Какой-то мужик полез с кулаками на помощника, что, дескать, он виноват — проспал питона. А тот в ответ пригрозил, что если публика не утихомирится, выпустит красавца своего из сумки.

— Если такое во сне приснится, Кондратий хватит без раздумий. Но лучше бы не снилось.

* * *

За событиями в мире спорта следила не как знаток или любитель, а скорее мимоходом. Впрочем, это не совсем так. В молодости увлекалась рыбалкой. К этому занятию, как уже говорилось раньше, привлек ее второй муж, Евгений Савалов, любивший на отдыхе порыбачить. Однажды к ней в кабинет зашел музыкант из ансамбля имени Александрова, один из друзей Гридина. Они что-то долго обсуждали, и наконец, когда посетитель ушел, я спросил у Зыкиной, не утомил ли он ее своим длительным присутствием. «Малый рыбаком оказался, — отвечала она, — но слабак в подледном лове. Посоветовала ему кое-что из своего опыта ловли на мормышку без насадки. Техника ловли состоит в том, что нужно придерживаться определенного ритма и темпа ведения мормышки, делая удочкой до 200 вертикальных колебательных движений в минуту и постепенно поднимая вверх руку. Тут нужна определенная тренировка и навыки. При ведении мормышки рука должна быть расслаблена, колебательные движения следует производить не всей рукой, а только кистью. Удочку надо держать свободно, не напрягая руку, иначе быстро придет усталость, собьется темп и ритм ведения мормышки и поклевки не будет».

На ее даче на Пахре я увидел связку удочек, валявшихся в углу подсобки.

— Что это здесь за удочки валяются? — спрашиваю.

— Не валяются, а лежат, — поправила она меня и продолжила: — Это мои бывшие рыбацкие доспехи. Не могу выкинуть, жаль с ними расстаться, память все-таки.

Ловила она всякую рыбу — окуней, лещей, ершей, линей, но к щукам относилась предвзято, бросая крупные обратно в воду: «Болотиной пахнут».

Когда подружилась с Щедриным и Плисецкой, приобщилась к футболу. Те были почти что фанатами ЦСКА и в свободное время отправлялись на стадион поболеть за любимую команду. Зыкиной

импонировало больше «Динамо», ее кумиром был легендарный Лев Яшин. «Если Майя реагировала на каждый промах армейцев порой слишком эмоционально, — вспоминал Родион Щедрин, — то Люся вела себя более сдержанно и была всегда на стороне своих любимцев. Когда „Динамо“ проигрывало, говорила убежденно: „Сегодня не наш день, но будет и у нас праздник. Разнесем вашу Красную армию в клочья в следующий раз, вот увидишь“…»

Хотя Зыкина мало интересовалась спортом, все же всегда болела за «наших». Ее кумиром был легендарный вратарь Лев Яшин.

Хотя она мало интересовалась спортом, но все же всегда болела «за наших». Бывало, артисты ансамбля «Россия» смотрели по телевизору в гостинице игру сборной страны по хоккею, и она, проходя мимо, непременно спрашивала: «Ну как наши? Выигрывают?». И радовалась победе. Когда я восторгался успехами многократного чемпиона мира в классе королевских гонок «Формула-1» немца Михаэля Шумахера, то она говорила: «Так это же наш человек, Миша Шумахеров». Считала, что все лучшее в мировом спорте — это у нас, наше или заимствовано у наших спортсменов. Хоккей с шайбой был ей ближе по духу — сборная страны радовала победами долгие годы. У нее на даче на стене комнаты одно время красовались две клюшки финских фирм «Титан» и «Коно» с автографами наших чемпионов мира разных лет — подарки сборной страны. Она тщательно снимала с них пыль мягкой тряпочкой. На это ее действо я замечал: «Людмила Георгиевна, автографы покрыты специальным прозрачным лаком, ничего им не будет». «Но пыль все равно на них садится», — отвечала она.

В 1983 году Зыкина с мужем вылетели на гастроли в Канаду. Турне совпало с финальными играми на Кубок Стэнли, и по заказу была сделана клюшка для подарка Уэйну Гретцки, в ту пору «канадцу № 1». Клюшка была выполнена с большим вкусом и мастерством в цветах клуба «Эдмонтон Ойлерс», за который играл знаменитый форвард под номером «99». Подарок упаковали в плотную бумагу, кое-где заклеили. На контроле в Шереметьеве клюшку проносил Гридин. Таможенник попросил развернуть бумагу. Подошла Зыкина с объяснением: «Эта клюшка — подарок Гретцки. Чего ее досматривать? Вы думаете, она золотая?». Но таможенник оказался страстным хоккейным болельщиком и попросил развернуть бумагу и посмотреть на клюшку просто из любопытства. «Какая красотища!» — обалдел он от увиденного и вернул клюшку Зыкиной. Она потребовала, чтобы клюшку вновь хорошенько упаковали, что и было сделано с величайшей расторопностью и качеством.

Клюшку в Канаде отдали чиновнику посольства для передачи Гретцки. Дальнейшая судьба ее мне не известна. Но когда на пресс-конференции Зыкина сказала, что привезла клюшку в подарок знаменитому хоккеисту, журналисты обступили ее со всех сторон и долго не отпускали, задавая множество самых разных вопросов.

— Шуму с этой клюшкой было столько, — говорила по возвращении домой певица, — что можно было и не петь в Монреале. Она затмила все, только о ней и говорили всюду. Как

же там любят хоккей!

Когда узнала, что какой-то болельщик поставил на месте гибели Валерия Харламова памятник знаменитому форварду сборной страны и ЦСКА, стала расспрашивать меня, что он из себя представляет. Я рассказал все, что знал о памятнике.

— Какой же молодец! — восторгалась певица. — Один из всей страны на свои деньги взял и поставил памятник. Вот это болельщик! Да ему самому за такое уважение к великому хоккеисту можно памятник поставить.

Глава VI

Портрет. — На концерте «рок-музыкантов». — Об эстраде. — Сомнения певицы. — Двойник. — Баянисты и Черномырдин.

— Сюрприз в Ташкенте. — Совет Моисеева. — Наряды. — Меломан из Воронежа. — Пожар в Мельбурне.

На одной из встреч Зыкиной с Е. Фурцевой министр культуры предложила ей:

— Почему бы вам, Люда, не заказать портрет. У нас много художников-портретистов, и любой из них мог бы запечатлеть вашу внешность. Подумайте.

— На моих рекламных фотографиях моя внешность меня вполне устраивает, — ответила певица.

— Ну смотрите, смотрите. Вам виднее.

И вот однажды приехавший к Зыкиной по делам конферансье Б. Брунов, увидев неказистый портрет Зыкиной, стоявший у нее в кабинете, обратился ко мне:

— Вот вы, пресса, что можете сказать об этом творении?

— Скорее всего, это работа непрофессионала. Зыкина — я уверен — даже в противогазе выглядела бы лучше, чем изображена здесь.

— Люся, твой помощник недалек от моих художественных впечатлений. Позвони Шилову, давай я наберу номер телефона, хочешь, сам поговорю от твоего имени. Напишет портрет, не откажет. И твое одухотворенное лицо будет запечатлено на век рукой хорошего мастера. Ты в Большом театре давно не была?

— Признаться, давно.

— Сейчас там в Белом зале экспозиция картин какого-то Ирика. Портреты всех известных артистов Большого театра. Посмотри, будет свободная минута-другая.

— Юраш, — обращается Зыкина ко мне. — Ты слышал о Прике что-нибудь? Что за художник? Откуда он?

— Валерий Прик из Одессы. В 1976 году была персональная выставка в ЦДРИ, посвященная 200-летию Большого театра, выставлялся в МГУ, в Центральном доме журналиста. Пишет маслом, портреты большие, примерно 100 на 80. Судить о творчестве не берусь, но он действительно написал портреты всех без исключения артистов оперы и балета Большого. Часть из них хранится в музее театра, при желании можно посмотреть.

— Может, мне Илюше (Илье Глазунову) позвонить? Мы с ним почти близнецы-двойняшки, родились в один день. Уж он-то напишет портрет. Сколько он их написал за жизнь, да каких! Даже Папа остался доволен. (Глава католического мира Папа Иоанн Павел II был действительно доволен своим портретом, написанным Глазуновым в очень короткий срок, о чем писали итальянские газеты. — *Ю.Б.*)

Выбрав свободный от концертов и репетиций день, Зыкина с мужем отправились в Большой театр, а через несколько дней посетили галерею Шилова. Через некоторое время спрашиваю Гридина:

— Как решили с портретом Людмилы Георгиевны?

— Да никак. Я заранее знал, что ничего путного из наших вояжей в Большой и к Шилову не получится.

Угодить Людмиле Георгиевне трудно, а бывает и невозможно. То, что ей казалось хорошим утром, станет плохим вечером. И наоборот.

Через пару дней задаю тот же вопрос Зыкиной.

В 2013 году на экраны вышел телесериал «Людмила»,

рассказывающий о жизни и творчестве Зыкиной. В разные годы жизни ее играют несколько актрис. Одна из них — Вера Сотникова.

— Ты знаешь, в Большом театре некоторые работы меня просто озадачили. Например, портрет Лены Образцовой. Не увидела в нем ничего. Должна же быть в портрете определенная изюминка, выраженная кистью художника, индивидуальность человека, какие-то черты личности. Я ничего этого не увидела. Портрет Сергея Яковлевича Лемешева у Шилова я тоже забраковала. Артист таким упитанным никогда не был. Ира Архипова от своего портрета работы Прика тоже не в большом восторге. Да и потом, чтобы написать портрет, надо позировать и, возможно, проводить не один сеанс. А у меня, как знаешь, времени свободного почти нет. Ты как-то цитировал какого-то философа (А. Шопенгауэра), дословно не помню, но смысл такой: чтобы запечатлеть хорошенько внешность или лицо человека, надо наблюдать его, когда он сидит одиноко, предоставленный самому себе. У меня как-то в памяти это отложилось, я подумала, что не стоит тратить время зря. И «сидеть одиноко» у меня вряд ли получится.

* * *

Осенью 1988 года по инициативе Гридина Зыкина с мужем отправилась на концерт групп «металлического» рока в Дворце культуры Перовского района Москвы. Поскольку я никогда не общался с ней относительно «металлических» рок-групп и эстрадных ансамблей, имеющих ярко выраженное творческое лицо, — «Браво», «Аквариум», «Диалог» и другие — спросил на другой день о ее впечатлениях от концерта.

— Впечатление? Сногсшибательное. После первых аккордов группы «Шах» публика в кожаных безрукавках, браслетах, металлических цепях, намотанных по всему телу, вскочила на кресла, вытягивая вперед руки и вопя: «Металл!!!». Потом началось соревнование зала и сцены: кто кого? С одной стороны — электродецибелы, с другой стороны — истошные ругательства не без мата, взвизги. Тексты песен ничего общего с искусством не имели: со сцены на дурном английском языке звучали сентенции типа «Я тебя люблю, я тебя убью!». «Шаха» сменила группа «99 %». Солист с быстротой карманника выскочил на сцену и швырнул микрофонную стойку в публику. Вначале началась борьба за обладание ею, перешедшая в рукопашную поклонников

обеих групп. Странно было слышать русскую речь, казалось, что ты где-нибудь в Чикаго. В зале бушевала энергия молодых, которым, по правде говоря, думаю, было наплевать на весь этот «металлизм», требовалось лишь самовыражение, всплеск своих кипучих сил. Им, конечно, далеко до Элтона Джона, группы «Юрай хип», «Дип перпл»…

— Но вы, Людмила Георгиевна, вольно или невольно, не можете стать противником нового направления в искусстве, открывающего целый мир тембральных красок…

— Разумеется, нет. Я знаю, каких и сколько сил требует движение вперед во всякой сфере человеческих стремлений, и выше всего ценю это свойство человека. Знаю, что молодежи оно более присуще и легче дается. И я искренне аплодирую всякому своеобразному таланту. И в рок-музыке попадаются не так уж редко перлы самобытности, истинной художественности. Однако, ты сам же знаешь, я не переношу кичливые притязания посредственностей, их прямо-таки фанатическую нетерпимость к тому, что, как, по-моему, говаривал Репин, «не в приходе их секты». Подобные чувства испытываю и тогда, когда их представители, доморощенные модерновые барды, не обладающие ни талантом, ни знаниями, пытаются беззастенчиво эксплуатировать народную и классическую музыку, спекулируя ее непреходящими ценностями. Это боль, если хочешь, моего сердца.

Спустя десятилетие после нашего разговора Зыкина продолжала размышлять о том, что ее волнует в современной музыке, в беседе с группой журналистов в своем кабинете.

— Вот говорят, что сейчас любой мало-мальски умеющий петь и обладающий чувством ритма человек может стать вровень со многими исполнителями шоу-концертов. Умение еще не искусство, и такого человека нельзя отнести к категории художников. Им может быть субъект, движимый лишь коммерческим отношением к искусству, какую выгоду оно ему сулит. Ему абсолютно наплевать на то, что исполняемые им «сочинения» могут страдать неразвитостью музыки и текста, обилием отвлеченных поверхностных фраз, идущих не от сердца, а от пустоты в голове, которая, простите за откровенность, действительно бывает пуста, как барабан, как осенний лес, с точки зрения настоящего искусства, разумеется. Бывает и так, что один-единственный успех в одной песне, когда материал сочинения счастливо совпал с индивидуальностью, приводит исполнителей к мысли, что им все дозволено, что мастерством они овладели и теперь можно без труда пожинать плоды чуть ли не вровень с настоящими мастерами эстрады, такими, как

Пугачева, Ротару, Лещенко, Леонтьев, Антонов… Нет, утверждение таланта, настоящего таланта, — всегда сложный, мучительный процесс. Так что найти свое творческое лицо в нашем многообразном мире совсем не просто. А у нас сплошь и рядом получается так, что, написав расхожий шлягер, псевдокомпозитор попадает в обойму популярных и, несмотря ни на что, его опусы продолжают распространяться многомиллионными телевизионными тиражами, единственная удача становится своего рода клише, в которое укладывается содержание всех его песен.

Главных бед в современной эстраде несколько. Одна — в песнях нет мелодии или она крайне редка. Без мелодии музыка немыслима, они неразрывны, и вся прелесть музыки — в мелодии, о чем часто забывают создатели песен. Вторая беда — у исполнителей отсутствует чувство стиля, они им просто не владеют. И, наконец, еще одна беда — в потере профессионализма. Это касается не только содержательности, но и средств выразительности, исполнительского мастерства. Ведь нередко за шумом и грохотом ансамблей скрываются не только бедность содержания, но и просто отвратительное владение инструментом, примитивность музыкальной формы.

Елена Дудина в роли молодой Зыкиной в сериале «Людмила».

Сегодня музыка заполнила нашу жизнь до предела. Она звучит повсюду, и редкое событие обходится без нее. Это

накладывает на всех музыкантов особую ответственность, повышает значение их деятельности. Поэтому и странно слышать о том, что понятие «образование» довольно растяжимо, что эстрадному музыканту учиться как будто бы и не обязательно. И мне очень жаль, что талант теперь измеряется тусовочными категориями. Если человек искусства имеет много наглости или нахальства — как угодно — расталкивая налево и направо конкурентов по пути к деньгам и фальшивой славе, это хорошо, это ценится. Однако тусовка — не только стремление к легким и большим деньгам, ной к тому, чтобы ощутить себя на какое-то время большим человеком. Надо же как-то повыпендриваться перед согражданами своими смазливыми физиономиями, если они имеются. Если их нет, этих глупых, как обычно, физиономий, есть другие, горящие деловой активностью. Тотальное панибратство одних и тех же лиц, набившее оскомину. Тусовка вокруг какого-нибудь события становится сплошь и рядом важнее самого события. Где у нас классики поп-арта, вошедшие в историю культуры с нашими выдающимися писателями, сатириками? За рубежом это продвигают и культивируют, у нас — либо не хотят, либо не могут. Кто в этом виноват? Да сами музыканты и виноваты. Наши попсовики стремятся побыстрее предстать во всей своей подчас фиктивной красоте перед поклонниками, вместо того чтобы годами работать, совершенствуя стиль, находя свой язык, свою музыку. Появились кучи менеджеров, телохранители, билеты… Но нет, так и нет толковых продюсеров. Он должен быть на голову или даже две выше музыканта, с которым работает. Не побоюсь сказать, что это должна быть личность, фигура, мастер своего дела. Я не сторонница и не поклонница Майкла Джексона, но именно Квинси Джонс, потрясающий в прошлом джазовый трубач, композитор и аранжировщик, вылепил из Джексона фигуру мировой значимости.

Несколько слов о «фанерной мании», чем больна сегодня поп-культура. Не секрет, что фонограммой не гнушаются даже суперзвезды мировой сцены. Например Мадонна. Многие западные музыканты и звукотехники, о чем вы знаете не хуже меня, признают, что во время турне тех или иных ансамблей «фанера» используется поп-артистами на все 100 %. Под «фанеру» не только поют, но и играют. А рок-музыкантов старого и нового поколения, которые работают «вживую», остается все меньше и меньше. Вот этот момент меня и задевает больше всего. Ведь возможности современной звукозаписывающей техники позволяют с помощью реверберации, наложений, повторений и т. д. и вовсе безголосому человеку запеть не хуже любой

эстрадной звезды. Может, устроителям шоу в рекламе или при приобретении билетов обязательно извещать о том, что в концерте целиком или частично используется фонограмма. Так было бы справедливо. Но кто на это согласится? Я не умею петь под фонограмму. На больших стадионах, правда, тяжело петь без фонограммы. В маленьких же залах под фонограмму никогда не объяснишься в любви.

В заключение беседы на вопрос корреспондента «Комсомольской правды» (И. Мастыкиной), какой жанр музыки больше всего симпатичен Зыкиной, помимо песни, она ответила: «Джаз». У Зыкиной действительно была большая коллекция грампластинок и магнитных лент с записями джазовой музыки, которой она увлекалась еще в юности. Правда, и в зрелом возрасте она при любом удобном случае интересовалась новинками в современной джазовой музыке. В 1972 году на гастролях в 55 городах США с оркестром народных инструментов имени Н. Осипова, несмотря на чрезвычайно плотный график выступлений, певица не отказала себе в удовольствии послушать в Вашингтоне выдающегося американского пианиста, композитора и дирижера джаза Эдуарда Кеннеди (Дюка) Эллингтона, автора сотен музыкальных композиций, удостоенного многочисленных почетных научных степеней и наград, в том числе и медалью Свободы — высшей в США наградой для гражданских лиц. И когда в июне 1974 года при встрече с президентом США Р. Никсоном на сцене Большого театра после концерта мастеров искусств, в котором певица принимала участие, она, оказавшись рядом с главой Белого дома, не удержалась (через переводчика) от вопроса к нему: «Что нового, господин президент, в творчестве Дюка Эллингтона?» (Президент США был большим поклонником музыканта. — *Ю.Б.*) Никсон ответил, что Дюк по-прежнему молод духом, полон энергии и работает над несколькими сложными произведениями, в том числе операми и балетами. А затем сам спросил Зыкину: «Вы его почитательница?». «Я любила и люблю джаз в исполнении замечательных артистов, а Дюк Эллингтон — одна из самых крупных и ярких фигур в музыкальном мире США», — ответила певица. «Он, видимо, был удовлетворен моим ответом, улыбнувшись и слегка кивнув головой в знак согласия», — вспоминала Людмила Георгиевна.

* * *

Зыкина всю свою жизнь ратовала за народную песню, за

красоту и мощь российских хоров, оркестров, за мелодическое разнообразие произведений песенного жанра, их высокий стиль. Ее раздражало падение сплошь и рядом нравов и духовности в мире современной эстрады. Она была человеком, не приемлющим то, что противоречило бы традициям русской национальной песенной культуры, извращало ее суть, отвергая достояние предыдущих поколений мастеров искусств, создававших образцы произведений русского музыкального фольклора — кладовой подлинно народной музыки.

Привожу высказывания певицы разных лет в разных средствах массовой информации, может быть, в чем-то и пристрастные.

Певица всю жизнь ратовала за народную песню. С Надеждой Бабкиной перед концертом в Краснодарском крае.

«…К сожалению, основная музыкально-песенная продукция для народа просто удручает. Песенные тексты и стихами трудно назвать — „ты на меня посмотри, ты меня обними“ и т. д. А в чем на сцену выходят эти так называемые „фабричные звезды“? Уж если берешься демонстрировать свое нижнее белье, то позаботься, чтобы это было красиво.

Сценический костюм и облик певицы должны соответствовать создаваемому песенному образу, а не диктоваться извращенными вкусами музыкальных

редакторов на телевидении. Помню, на одной из передач меня попросили представить одну певицу и вместе исполнить песню Пахмутовой „Нежность“. Она появилась в сапогах и длинном платье. Говорю ей: „Что ты надела, так же нельзя! Это безвкусица!“. Нашли какие-то туфли, переодели, слава богу. Потом оказалось, что я ее должна вывести как лучшую певицу в какой-то номинации в одном из бесчисленных конкурсов. Такие „лучшие“ на нынешнем телевидении…

Они набрали молодежь, которая двух нот связать не может, и называют их лучшими из лучших. А певицы с хорошими голосами приходят ко мне и спрашивают: „Людмила Георгиевна, какой же голос нам надо иметь, если у них вообще голоса нет, а они поют с экрана?“.»

Не знаю, как бороться с нравами, царящими на телевидении. Когда говорю об этом открыто телевизионщикам, они отвечают: «Людмила Георгиевна, а на что нам жить?». То, что на ТВ берут с исполнителей за «ротацию» деньги, уже ни для кого не секрет. Заплатил — и тебя назначат «золотым голосом России». А какой там голос? Да никакого и нет! Настоящие голоса сидят дома, их никто не пропагандирует, никто не тянет на телевидении показаться, на радио.

Дошло до того, что мне предлагают заплатить 50 000 рублей за трехминутное выступление на телевидении. Лучше я эти деньги отдам своим ребятам-музыкантам. Почему я должна платить за пропаганду телевидения? Пусть мне платят за вложенный труд, за высокие рейтинги, которые, в конце концов, и обеспечивают безбедную жизнь нашим телевизионщикам. Об этом уже тысячу раз говорено, но все без толку. Меня не приглашают на российское телевидение, потому что я для них «неформат».

Вместо того чтобы плодить разврат, бездарность, пошлость на экранах, наши руководители телеиндустрии лучше бы отдали время вещания для Русской Православной Церкви…

Артист сегодня оказался один на один с пресловутым «рынком». Зачем тогда у нас Министерство культуры? Зачем у нас профсоюзные организации? Имея права на все льготы, я не смогла добиться, чтобы мне выделили оплаченную путевку, — ответ Минкульта один: нет денег.

«Культуры у нас, к сожалению, сейчас в России не хватает».

Журнал «Александр и К», 2006 г.

«Народная песня новых русских не волнует. Когда мне сказали, что участие в „Песне года“ стоит десятки миллионов рублей, я отказалась. Не могу такие деньги платить. Припомните, кого из великих артистов вы в телевизоре видели? Мы почти не слышим симфоническую музыку. Опера? Невозможно. Народная песня? А кому она нужна? Грубость и пошлость выдаются за смелость и новаторство. Шпана правит бал».

«Известия», 1997 г.

«Нынешним эстрадным поколением, к сожалению, я не очень довольна. Раньше можно было различать исполнителей по голосам. Сразу ясно, что поет Русланова, Стрельченко или Шульженко. Сегодня все поют одинаково. Все в одном темпе, музыкальное сопровождение почти одинаково у всех. Больно, досадно. И самое главное — очень мало хороших голосов. Вероятно, это оттого, что сейчас все продается. Если ранее ТВ и радио были государственные, то сейчас они „на прокате“. Кто больше даст денег, тот и будет на экране…».

Газета «Вечерний Челябинск», 2000 г.

«Песня — наиболее выразительное средство общения. Песня, которая нравится людям, которая учит добру, миру. Учит уважать людей, заботиться о них. Учит любить Родину, свою землю. Сейчас слушаю выступления молодых на эстраде и задаюсь вопросом: почему мы разрешаем телевидению, радио — особенно телевидению — выпускать в эфир такие программы, которую смотришь и думаешь: в кого бы теперь выстрелить?».

Обозрение «Добрый вечер», № 35, 2001 г.

«Меня, честно говоря, очень беспокоит, что на моих концертах мало молодежи. Радио включаю, а там второклассница Оля просит передать для подружки песню Верки Сердючки „Все хорошо, стакан налей!“. Получается, у нас сейчас эстрада, которой нужна Верка Сердючка, а не настоящие русские песни».

Из предъюбилейного интервью.

* * *

Чему удивлялась Зыкина, чему не верила, в чем сомневалась? Если в общих чертах, то многому не верила и могла удивляться тому, о чем мало знала. С историей у нее отношения были посредственные, за калейдоскопом концертов, отелей, сцен и аэропортов ей некогда было вникать и во многие события окружавшей жизни.

Однажды она заметила, что Ростропович, находясь в гостях у Б. Бриттена в Англии, узнал, что продается виолончель итальянского мастера, на которой якобы играл Наполеон. Он влез в долги, собрал все деньги, но виолончель приобрел.

— Среди всех воспоминаний о Наполеоне, — сказал я, — его слуг, камердинеров, адъютантов, близких к императору людей, а также ученых, исследовавших жизнь Наполеона, вы не найдете нигде ни одного слова о том, что Наполеон играл на виолончели хотя бы одну минуту.

— Но Ростропович сам мне рассказывал.

— Мало ли чего он рассказывал…

Сценический костюм и облик певицы должны соответствовать создаваемому песенному образу, а не диктоваться извращенными вкусами музыкальных редакторов на телевидении.

Лицо Зыкиной выражало явное недоверие к моим словам. Тогда я начал рассказ о жизни Наполеона и привел ей такой факт. В 1845 году первый лейтенант 1-го полка пеших гренадеров Старой гвардии Нуазо в своем родном городе Фиксене (под

Дижоном) на собственные деньги поставил Наполеону бронзовый монумент работы известного скульптора Ф. Рюда. Надпись на памятнике гласила: «Наполеону — Нуазо, гренадер острова Эльба, и Рюд, скульптор». После смерти, по завещанию гвардейца, его похоронили стоя, в нескольких ярдах от памятника, чтобы он мог вечно охранять обожаемого императора.

— Как этого лейтенанта похоронили стоя? — вопрошала она. — Что он, в гробу стоял? Он, небось, развалился в нем и уже сидел. Привязали его там, что ли?

— Я не знаю.

— Тут есть доля вымысла. Кто это видел и знает?

— Не знаю, кто видел, а знает знаменитый французский военный историк Анри Лашук, опубликовавший в 1957 году книгу «Гвардия Наполеона». В ней вы найдете то, о чем я вам говорю.

— Тут много странного. Откуда этот Лашук взял историю с гробом?

Я замолчал. Увидел, что спорить бесполезно. Вспоминая героев Отечественной войны 1812 года, о которой Зыкина мало что толком знала, я рассказал ей, что император Александр I давал отличившимся в сражении солдатам особое знамя — штандарт, на котором было написано «За стойкость при поражении».

— Получается, — недоумевала она, — что они (солдаты) битву проиграли, а им за это знамя. Что-то не вяжется, первый раз слышу такое.

— Так, Людмила Георгиевна, давалось знамя это, чтобы у солдат не потерялась вера в победу, не опустились у них руки.

И опять на лице Зыкиной промелькнуло сомнение в правдивости моих слов.

Прочитала в «Неделе» (еженедельном приложении к газете «Известия») в рубрике «Гость тринадцатой страницы» интервью с главным режиссером цирка на Цветном бульваре профессором М. С. Местечкиным под заголовком «Кругом тринадцать».

На традиционный вопрос репортера, как он относится к числу «13», профессор ответил:

> «Я родился 13-го числа, 13-го женился, 13-го ушел в армию, 13-го получил звание профессора, 13-го стал режиссером цирка, 13-го родился внук, 13-го купил холодильник, дом, где живу, номер 13, квартира номер тоже 13, в цирке кабинет номер 13, арена цирка 13 метров, высота купола 13 метров».

Отложив еженедельник в сторону, Зыкина заявила:

— Такого не может быть.

После небольшого раздумья позвонила Ю. В. Никулину, чтобы убедиться в том, что диаметр арены и высота купола 13 метров. Никулин дал утвердительный ответ.

— А комната или кабинет под номером 13 в цирке есть? — спрашивает Юрия Владимировича.

— Под тринадцатым номером в цирке Местечкин, — отвечал артист.

Тогда я говорю:

— Людмила Георгиевна, почему вы не верите Местечкину? Я вам больше скажу: у цирка на Цветном бульваре нумерация здания идет под номером 13 и останавливается около цирка троллейбус с номером 13.

Зыкина была сражена наповал.

— Этот Марк Местечкин какой-то чемпион мира по числу «13», — заявила она. — Ему следовало бы фамилию поменять на Марк Тринадцатый. Хорошо звучит.

В январе 1986 года я зашел в кабинет Зыкиной после ее примерки нарядов и увидел на подоконнике утюг.

— Нынче, — говорю, — исполняется 350 лет утюгу. Надо бы этот юбилей отметить. Без утюга вы, девушки, мало что из себя представляете.

— Откуда ты знаешь? — спросила певица.

— Из истории. Первое письменное упоминание об утюге на Руси было в январе 1636 года.

— Ну и память… Ты не ошибаешься? Мне кажется, он позднее появился.

— Ничего подобного, — возразил я. — Кузнец Ивашка Трофимов за пятиалтынный сделал на 31-й день января в царицыну палату утюг железный. Эта запись взята из книги расходов царицы.

Зашел как-то разговор о царе Николае II. Я рассказал, как Николай II, выступая в качестве нового царя в Аничковом дворце в Петербурге перед депутацией от дворянства, земств и городов, волновался и говорил громко.

Его супруга, в то время слабо понимавшая по-русски, встревоженно спросила у стоявшей рядом фрейлины: «Почему он кричит?» На что фрейлина ответила по-французски: «Он объясняет им, что они дураки…».

— Не мог так царь сказать, — убежденно возразила Зыкина.

— Конечно, не мог, — также уверенно сказал присутствовавший при разговоре Гридин. На другой день я принес супругам «Календарь русской истории» и ткнул пальцем в страницу, где я прочел то, о чем рассказал накануне.

— Значит, было такое, — согласилась Зыкина.

Тогда же я вспомнил о некоторых деталях жизни российских монархов, и в частности Елизаветы Петровны.

— Императрица была жестокой и бездарной женщиной. Она напивалась каждый день до такой степени, что у нее ни на мгновение не просветлялась голова. Посланники разных стран, чтобы добиться аудиенции, неделями ждали, пока ее величество протрезвеет. Также страстно, как и пила, любила рядиться — после нее осталось 15 тысяч платьев.

Иосиф Кобзон поздравляет певицу с юбилеем в Кремлевском Дворце. 1999 г.

— Неужели 15 тысяч? Трудно в это поверить.

— Такие сведения об императрице я нашел в работах Герцена. Если учесть, что она правила 20 лет, то почему бы ей не менять наряд дважды в день?

Мне показалось, что мой ответ удовлетворил певицу, но не в полной мере.

Рассказываю о художниках XVII века и вскользь говорю: «По инициативе Екатерины II в Эрмитаж в 1772 году были доставлены

158 картин, в их числе и знаменитая „Даная“. Тому способствовали посол в Париже друг Вольтера князь Дмитрий Голицын и всем известный Дени Дидро».

— Что-то много картин. Цифра большая. Откуда столько набралось? — засомневалась Зыкина. И мне снова пришлось знакомить певицу с первоисточниками, как и в следующем эпизоде. Зашел разговор о гимне.

— До «Боже, царя храни», написанного композитором Алексеем Львовым по указанию Николая I в 1833 году, у нас своего гимна не было, — говорю.

— Как это не было? А при Петре I? — спрашивает. — Что же, и при нем не было?

— Не было. При нем в качестве гимна использовались различные бравурные музыкальные произведения. При Екатерине II по велению Потемкина гимном считался полонез Осипа Козловского «Гром победы, раздавайся» на стихи Гаврилы Державина, созданный после взятия Суворовым Измаила в 1790 году. С 1816 года официальным в России стал английский гимн.

— Зачем России английский гимн? Откуда он взялся? — недоумевала она.

И таких примеров можно было бы привести порядочно. Но я вспомнил слова немецкого мыслителя и критика Г. Лессинга, сказанные еще в середине XVIII века: «Гению простительно не знать тысячу вещей, известных всякому школьнику, ибо богатство гения составляет не приобретенный запас знаний, но то, что он извлекает из себя самого, из собственных чувств».

* * *

В начале апреля 1987 года Гридин показал мне фотографию Зыкиной.

— Нравится? — спросил.

— Разве может не нравиться твоя супруга? Какой нелепый вопрос.

— Но это не Людмила Георгиевна.

— А кто же?

— Ее двойник из Новгорода.

Посмотрев на фотографию, я не сомневался: на ней была Зыкина, и никто другой. Поэтому не стал спорить с Виктором, решив, что это запоздалый первоапрельский розыгрыш.

На другой день обращаюсь к Гридину:

— Так кто же все-таки на фотографии, которую ты мне вчера показывал?

— Дама из Новгорода. Копия Людмилы Георгиевны.

Я был просто ошарашен. В такое безупречное сходство двух разных женщин из разных городов поверить было невозможно. Гридин продолжал:

— Из Новгорода мы получили письмо о той женщине, в котором, например, пишут, что, когда концерт Людмилы Георгиевны показывают по телевидению, соседи той новгородской «Зыкиной», и не только они, кланяются ей за талант, говорят: «Весь вечер любовались вами». При въезде в Новгород проводники вагона выказывают ей особую предупредительность, а сотрудники транспортной милиции на вокзале помогали и предлагали ей свои услуги в дорожных хлопотах, приглашали приехать в Новгород с концертами.

— Адрес этой новгородской «Зыкиной» у тебя есть? — спрашиваю.

— Конечно, есть.

— Может, она и поет, как Людмила Георгиевна?

— А вот такой информации нет.

Но вскоре пришло еще одно письмо из Новгорода, в котором сообщалось, что и по возрасту местная «Зыкина» близка к настоящей.

Сама Людмила Георгиевна не очень удивилась двойняшке.

— Так в природе бывает, и нередко.

— Как сказать, — возразил я. — На снимке абсолютно ваше лицо. Даже прическа как у вас. Не хватает только ваших сережек в ушах. Наверное, ей не потянуть на те, что у вас с изумрудом в середине.

— Почему? Если деньги есть, можно заказать — ювелиры сделают какие угодно, только плати.

— Когда вошь в кармане, блоха на аркане, как говорили нищие бурлаки на Волге, тут не до ювелиров.

— Да, может, у нее карманы оттопыриваются от денег, откуда ты знаешь?

— Тогда давайте напишем ей письмо с адресом ювелиров, которые сделают сережки, как ваши, или копию.

Одна из редких встреч с Муслимом Магомаевым. 2001 г.

— Не выдумывай. Скоро Пасха, может, ее поздравить с праздником?

На этом разговор закончился.

Получила ли новгородская «Зыкина» поздравления от Зыкиной московской, не знаю. В апреле, перед самым праздником, меня в Москве не было.

* * *

Летом 1992 года Гридин привез из Тулы новый баян, изготовленный на заказ местными мастерами, положил его на стул в кабинете Зыкиной, доложил ей о результатах поездки и ушел на репетицию.

Я взял в руки изделие тульских умельцев, вспомнив, что нечто похожее видел по телевидению в руках В. С. Черномырдина, извлекавшего из него на даче чрезвычайно печальные звуки.

— Людмила Георгиевна, — говорю, — я недавно видел по телику Виктора Степановича Черномырдина, игравшего на баяне. Как, на ваш взгляд, он играет, наш председатель правительства? Музыкант из него получился бы?

— Для любителя играет неплохо, — отвечала Зыкина, — а может, даже и вовсе неплохо. А вот получился бы из него хороший исполнитель — это вопрос, потому что уровень профессионализма, я имею в виду игру на баянах, сегодня очень высок.

— А Гридин? Он баянист какой? Звезда первой величины или таких у нас много?

— Если брать страну в целом, то в первой десятке точно.

— А Черномырдин? — допытывался я.

Зыкина задумалась.

— Хорошо. Его в оркестр Осипова или ансамбль Александрова, пусть не на первые роли, взяли бы?

— Ну ты замахнулся! Конечно, нет. Чтобы попасть туда, в эти коллективы, нужно пройти суровый отбор. Вряд ли Виктор Степанович, по нынешним меркам, его прошел бы.

— Так кто же все-таки у нас в стране баянист номер один?

— Первым не только в стране, но и в мире был победитель мирового конкурса баянистов в Нью-Йорке В. Петров из оркестра имени Осипова. Его в Америке так и окрестили — «чемпион мира».

— Значит, Черномырдину ничего не светит?

— Светит, светит… Только в другом месте.

* * *

Как-то в разговоре с Виктором Гридиным сказал ему, что за все время сотрудничества с его супругой я обнаружил у нее редкое качество — умение слушать, не перебивая, и очень внимательно.

«Ты плохо знаешь Людмилу Георгиевну, — сказал он, — если что-нибудь не по ее вкусу — может тут же перебить без всяких извинений». И Гридин рассказал один эпизод, где Зыкина «перебила мягко».

В декабре 1979 года они приехали с Зыкиной в Ташкент на декаду литературы и искусства России в Узбекистане. В номере отеля «Узбекистан» был приготовлен для Зыкиной сюрприз — новая песня Виктора Темнова на слова поэта Олега Милявского «Горят закаты».

Темнов запел:

Поклоном низким в пояс поклонилась,
А слов прощания так и не нашла.

И тут Зыкина в самой резкой форме перебивает репликой:

— Каких еще ослов не нашла?!

Автор текста Милявский побледнел, нервно закричал на Темнова: «Что ты спел?!». Зыкина молча смотрела то на одного, то на другого. Оказалось, все дело в разнице между словами написанными и произнесенными — отдельное напечатанное «а слов», будучи спетым, превращается в «ослов», которых и выловили из контекста чуткие зыкинские уши. Зыкина успокоила поэта, предложив вместо «а слов» поставить «слова». Все единодушно согласились, и песня на годы вошла в репертуар певицы.

* * *

В конце 1988 года в газете «Правда» готовилось большое — целая полоса — мое интервью с Зыкиной «В песне — душа народа». И я приехал к ней домой, чтобы завизировать текст (в редакциях газет тех лет такой был порядок). Дверь открыл муж, Виктор Гридин. Думаю, не случилось ли чего, обычно она сама меня встречала.

— А где Людмила Георгиевна? — спрашиваю.

— Дурака валяет.

Слышу из дальней комнаты ее голос:

— Юраш, проходи, обувь можешь не снимать.

Я иду на голос и вижу: плотно прислонясь к стене спиной, приподняв подбородок и упершись затылком в стену, стоит навытяжку Зыкина.

— Что за представление, Людмила Георгиевна?

— Я худею по рекомендации йогов.

— И долго вы так стоите?

— Сорок минут.

— Сколько еще стоять?

— Двадцать.

— И давно вы занимаетесь этой процедурой?

— Неделю. Каждый день по часу.

— И на сколько похудели?

— На полкило.

— Всего на полкило? Бросьте вы заниматься чепухой. Вот пусть тот йог, что дал вам совет так худеть, сам встанет к стенке.

— В том-то и дело, что человек, который мне это посоветовал, худеет по-другому: он меньше ест.

— Вот и вы бы меньше ели свою «синеглазку» с маслом и все то, что увеличивает вес.

Как мне потом «доложил» Гридин, после этого разговора у стены Зыкина больше не стояла. Впрочем, Гридин и сам был против таких методов похудения.

Дуэт с Виктором Черномырдиным.

Зыкина, конечно, с годами стала полнеть. Ее утягивали и затягивали в поясе всеми доступными способами. Художницы-модельеры шили платья, чтобы скрыть недостатки фигуры, что и делается для всех женщин во всем мире. А тут еще пришла мода — платья и юбки стали носить выше колен.

Вот в таком черном вечернем наряде Людмила Георгиевна отправилась поздравлять с 80-летним юбилеем И. А. Моисеева, легендарного нашего хореографа (его чествовали на утопающей в цветах и подарках сцене зала Чайковского, там, где находится база его ансамбля).

Где-то дней через пять-шесть после юбилея мы с Игорем Александровичем играли в шахматы в его рабочем кабинете. «Малышка (так он звал меня за мой высокий рост), — обратился ко мне Моисеев, делая очередной ход, — передай нашей русской мадонне, которую я искренне уважаю и считаю великой певицей, что короткая юбка портит ее образ. В длинных и красивых платьях она выглядит как творение Бога, а в коротком чересчур платье — как черт знает кто».

Я передал певице слова Моисеева в точности, за исключением последних трех, заменив их одним словом — «безобразие». Реакции никакой не последовало, посмотрела на меня молча, словно задумалась. Через некоторое время услышал, как Зыкина говорила кому-то по телефону: «Я чувствовала, что юбка слишком коротка. И только Моисеев сказал правду, а другие промолчали».

С тех пор коротких юбок и платьев Зыкина не носила.

* * *

При обсуждении моделей платья или примерке требовала от костюмерши, чтобы на ткани не было ни пятнышка, ни соринки. Иногда ссорилась с портнихой, если что-то ей где-то было не по фигуре, не соответствовало ее вкусу или ощущению.

Одевалась просто, долго причесывала волосы и без соответствующих процедур перед зеркалом на люди не появлялась. При проведении макияжа меня не стеснялась. Когда ее взгляд задерживался на одежде артистки ансамбля или просто женщине, идущей по улице, и она начинала хвалить, например, манжету или клапан кармана, задумываясь над тем, что и ей следовало бы сделать такие же детали кроя и пошива, я говорил: «Людмила Георгиевна, может, вам вовсе не подойдет то, что вы увидели. Каждая женщина неповторима, и вы не должны следовать принципу, если кому-то что-то идет, так и мне это будет хорошо. Вы — Зыкина. С вас должны брать пример. Надо слушать Пьера Кардена, Славу Зайцева, наконец, известного художника-модельера, модельера-конструктора, что к вашему образу, фигуре будет подходить лучше всего». Нарядов у нее было много разных и отличного качества. Концертные платья меняла довольно часто. С ними иногда бывали и проколы. Перед отлетом

в Канаду заказала Вячеславу Зайцеву платье сине-белых цветов и оттенков, достаточно, по мнению Зайцева, лаконичное и стильное. В Канаде до выступления на сцене она решила это платье усовершенствовать и расшила его какими-то аляповатыми узорами. По возвращении в Москву показала модельеру.

«Я был в шоке от увиденного, но промолчал, — вспоминал Зайцев, — украсила „по-своему“. Сказал ей: „Хорошо, ладно, все хорошо, слава богу“. Не захотелось ее огорчать».

* * *

В зените всенародной популярности попасть на концерт Зыкиной было совсем непросто. Цены на билеты были смехотворными по сравнению с нынешними, особенно когда певица выступала на стадионах. Поклонники изобретали всевозможные способы услышать или увидеть любимую певицу. Один из таких способов оказался поистине уникальным в своем роде.

В июне 1976 года на Лубянку из Воронежа пришло письмо. Автор его сообщал, что он — сын русского эмигранта, по заданию ЦРУ был заброшен на территорию СССР. Ему удалось собрать материал о дислокации ракетных баз на Сахалине. Однако он готов явиться с повинной в КГБ. Но не желает провести остаток жизни в советских лагерях. КГБ, в случае согласия предоставить ему прощение, должен подать знак: организовать на телевидении трансляцию концерта Людмилы Зыкиной. В письме устанавливались точная дата и время.

Похоже, переполох в известном ведомстве поднялся огромный, автору письма даже кличку присвоили — Меломан. В конце июня, вечером, диктор телевидения сообщил, что намеченная ранее трансляция футбольного матча отменяется. А вместо него будет показан концерт Зыкиной.

Приходит второе письмо от агента. В нем автор благодарил КГБ за концерт и сообщал, что он передумал являться в органы с повинной и у него все готово, чтобы беспрепятственно уйти за кордон. Но Меломан намерен дать ЦРУ дезинформацию, потому что от пребывания в СССР у него остались прекрасные впечатления. В частности, его искренне тронул тот факт, что в Воронеже на Доске почета висит фотография его родственника, несмотря на то, что тот имеет близких родственников, проживающих за рубежом.

Органам удалось выяснить, что на заводе «Электроприбор» на

Доске почета вывешена фотография женщины, у которой недавно гостила мать с Сахалина. Она вышла на пенсию и переехала с острова в Брянскую область. Оказалось, на пенсии эта женщина целыми днями проводила время у телевизора и ее особенно раздражали регулярные трансляции футбольных матчей. Вот и решила устроить себе праздник — концерт любимой певицы. Шпионскую терминологию для письма она почерпнула из книги Н. Яковлева «ЦРУ против СССР». Что же касается данных о ракетных частях, эти сведения она знала еще с тех пор, когда работала в сберкассе на Сахалине и общалась с военнослужащими и их семьями.

Гастрольная афиша певицы. 1976 г.

Когда Зыкиной рассказали эту историю, она отреагировала совершенно спокойно: «Лучше бы она прислала письмо мне, рассказала бы о себе. Я бы послала ей запись с моими концертами, и не надо было бы умничать и играть в шпионов».

Чем закончилась эта история для Меломана — не известно. В те времена она легко могла угодить в психушку.

* * *

На одной из репетиций дирижер Государственного русского народного оркестра имени Н. П. Осипова Виктор Дубровский в беседе с музыкантом оркестра проронил: «Хорошо, что Зыкина не пострадала при пожаре…».

После этой фразы из уст известного дирижера, с которым Зыкиной приходилось часто выступать на родине и за рубежом, я намеревался спросить певицу, где и как она чуть не пострадала от пожара. И вот однажды директор ансамбля «Россия» А. И. Толмачев пришел к ней с вопросом, что делать с устаревшими огнетушителями. «Надо перезарядить или купить новые, а то получится, не дай бог, как в Мельбурне», — отвечала она. Едва директор удалился, как я спросил: «Людмила Георгиевна, что случилось в Мельбурне?».

А случилось вот что. После первого концерта оркестра, с которым Зыкина выступала, в крупнейшем отеле «Саввой плаза», где разместились наши артисты, глубокой ночью начался пожар. «Едкий дым, от которого я проснулась, — рассказывала Зыкина, — стал распространяться с невероятной быстротой по всем одиннадцати этажам, проникая в номера. Вскочив с кровати, я выбежала в коридор и увидела, как в его конце из-под двери дежурного помещения выбиваются языки пламени. Собрав документы, деньги, побросав одежду в сумку, выбежала сквозь клубы дыма на улицу, где уже стояли кто в чем обитатели отеля. Трудно сказать, кто проснулся первым, но Юрий Абрамович, контрабасист оркестра, свалившись с кровати и увидев, что пламя захлестывает окна его комнаты на шестом этаже, поднял тревогу. В одно мгновение он оказался в вестибюле, где мирно дремал ничего не подозревающий дежурный. „Файэ! Огонь!“ — крикнул Юрий и ринулся на поиски очага пожара. К кухне ресторана на втором этаже, откуда вырывались огромные языки пламени и густые клубы дыма, устремился баянист Анатолий Беляев. Осиповцы, не жалея себя, как могли тушили пожар подручными средствами. Все, что оказалось под руками, — огнетушители, песок, брандспойты — было пущено в ход. Минут через 10–15 приехали пожарные, и к утру разбушевавшаяся огненная стихия была подавлена. С этого события и начали рассказ о наших гастролях несколько газет, выходящих в Мельбурне. Слава богу, мой номер в отеле не горел, и после соответствующих после пожара процедур я вернулась в него, конечно, переволновавшись».

Глава VII

Друзья. — Где ложь и где правда. — О феномене здоровья. — Чего боялась певица.

После ухода Зыкиной из жизни у нее вдруг объявилось видимо-невидимо самых близких друзей. Как тут не вспомнить известную картину «Ленин на субботнике», где рабочий паровозного депо Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги помогает Ильичу на субботнике тащить бревно, подставив под него свое плечо. После смерти вождя мирового пролетариата нашлись сотни людей, каждый из которых утверждал, что именно он помогал Ленину нести именно это бревно.

Новоиспеченные друзья Зыкиной прямо-таки заполонили полосы газет и экраны телевидения.

Одни живописуют, как в дружеской обстановке пили чай с Зыкиной и ели бутерброды с черной и красной икрой, другие рассказывают о несуществующих в банке бриллиантах, третьи ходят чуть ли не в бывших любовниках знаменитой певицы, у четвертых она «гостила несколько дней и ночевала на сеновале», пятые «часто с ней общались и дома, и на даче», чуть ли не каждый день. И даже известных в нашей стране дам, заснятых в окружении Зыкиной в Кремле в день юбилея, причислили к друзьям певицы, хотя, кроме Пахмутовой, ни одна из них к ним не относится.

И в передаче «Пусть говорят» (в 3 выпусках) набралось полно «друзей», но, на самом деле, был только один настоящий друг — Виктор Темнов. Остальные, за исключением нескольких человек, где-то что-то слышали о Зыкиной, где-то что-то поднаврали. Кто бы мог, даже не из друзей, а хорошо знающих Зыкину людей, ныне здравствующих, сказать о Зыкиной, не кривя душой? Пахмутова, Добронравов, Плисецкая, Щедрин, Терешкова, космонавты старшего поколения…

Выступление на фестивале поэзии и песни им. Алексея Фатьянова в Вязниках. 2003 г.

По женской линии единственной задушевной подругой Зыкиной была преподаватель Т. М. Гаврилова, умершая в возрасте 84 лет в начале 2010 года. Их дружба длилась более полувека, вплоть до кончины певицы.

С мужской стороны — «великолепная четверка» друзей: поэт Виктор Боков, композиторы Виктор Темнов, Александр Аверкин,

Григорий Пономаренко. Все они десятилетия дружили с Зыкиной. Для них она могла сделать все или почти все, чего бы это ей ни стоило. «Все мои почести не стоят одного хорошего друга», — говорила она. Для нее друг был тот, кто всякий раз, когда ты в нем нуждаешься, об этом догадывается. Я помню, как к ней приехал Виктор Федорович Боков (скончавшийся осенью 2009 года в возрасте 95 лет), певица отменила все свои довольно внушительные планы на день (должна была встречаться с В. С. Черномырдиным), и они общались так, как общаются друзья после длительной разлуки, хотя и виделись недавно. Кстати, Зыкина на свои деньги выпустила книгу стихов В. Бокова под названием «Амплитуда», написала посвящение:

Мой бесценный, сердечный друг!
Я сильнее, все крепче люблю
Наши встречи, пожатие рук
И букетик цветов к сентябрю.
С днем рождения, мой дорогой!
Да хранит Вас Господь и жена!
Пусть стихи Ваши льются рекой,
И река будет чистой до дна.
Виктор Боков, российский поэт —
Задушевный, прекрасный мой друг,
Песней связана с Вами навек,
Нам неведома горечь разлук.
В Переделкине, как и всегда,
Разметалась осенняя даль,
Прошлых лет не вернуть никогда,
Но чего-то мне все-таки жаль.
И когда заметает пургой,
И когда расцветает ленок,
У меня всегда под рукой
Оренбургский пуховый платок!

Народный артист России Виктор Иванович Темнов, написавший музыку к нескольким программам Государственного академического ансамбля «Березка», в котором проработал двадцать лет, создавший музыкальные программы и танцевальные миниатюры для Театра танца «Гжель», музыку для Ленинградского и Московского мюзик-холлов, народных хоров и ансамблей, написал для Зыкиной более двадцати песен (больше, чем кто-либо другой из композиторов). «Друг от Бога», — говорила о нем Зыкина.

Зыкина рыдала, когда узнала о кончине А. Аверкина. Тогда, в

1995 году, заслуженный деятель искусств России только что отметил 60-летие своим творческим вечером в Колонном зале Дома союзов в Москве.

Во всех фестивалях, посвященных памяти и творчеству Аверкина, певица принимала живое участие. С ее подачи и с ее участием открылся на его родине, в деревне Шафторке, Музей русской песни, которому присвоено имя А. Аверкина, построен и открыт памятник композитору в г. Сасове, что на Рязанщине.

В январе 1996 года погиб в автокатастрофе еще один друг Зыкиной — народный артист СССР Григорий Пономаренко. «Он пришел ко мне, — вспоминала певица, — точнее ворвался, как свежий ветер врывается в открытое окно. То улыбчивый, то шутливый, то робеющий, он снял с плеча баян и заиграл.

И в моей московской квартире заплескалась, сверкая, сама Волга, столько певучести, народности, удали и озорства было в этих бесхитростных мелодиях. Для меня Григорий Федорович самый близкий человек, брат, которому я могу позвонить ночью и сказать: „Гриша, у меня радость“. Или, наоборот, — беда. Этот человек всегда мог и подсказать, и пожалеть, и понять, и поругать. Ему я доверяла на все сто процентов и даже больше, чем сто». На похоронах она пела плач, ему посвященный:

Ох, да расступись ты, мать сыраземля!
Да отдай ты нам Гришу нашего!
Нашего Гришеньку!
Да не укрывай ты его!
Дай наглядеться нам,
Попеть песни его!
О-о-о-о-ох!..

Да раскройся, мать сыраземля!
Да дай ты нам наглядеться на него!
Ох, пташенька-канареечка,
Да соловушка, — ты попой над ним!..
Да утешь ты его душу мягкую,
Душу добрую,
А мы с тобой посидим рядком
Да вспомянем всех-всех в родном краю.
Вы скажите мне, люди добрые,
Вы ведь знаете да Григория,
Что пел вам песенку
О том счастии.
О-о-о-о-ох!..

Где же взять мне, люди добрые,
Да такую песню!..
Рассказать бы вам о нем
Да сложить бы такую песню,
Чтоб весь мир о нем узнал!
О-о-о-о-ох!..

Приди к нам, Гриша,
Гришенька! —
Ой. Да спой своей белозубой улыбкой
Всем — всем спой на селе,
Чтоб душе было легче.
Чтобы слез не было у матерей,
Чтобы люди любили друг друга…

Замечательный композитор-песенник, народный артист СССР Григорий Пономаренко.

* * *

Последний юбилей Зыкиной и ее похороны были самыми «урожайными» по части лжи в средствах массовой информации. Правда, и 70-летие певицы не проходило без сенсационного

вранья. Одни заголовки чего стоили: «Юбилейный экстаз Людмилы Зыкиной», «Свой юбилей певица приравнивает к государственному празднику», «Зыкина решила потрясти Россию на предмет денег». Но это лишь семечки по сравнению с 80-летним юбилеем и событиями после него.

«Людмила Георгиевна знала наизусть несколько тысяч песен…» — вещает читателям сборник «Имена» за август 2009 года. Интересно, сколько же — пять, десять? В зыкинской антологии их значится не более трехсот. «Она объехала с концертами более 90 стран мира»… — читаем там же. На самом деле, почти в три раза меньше. Мужем ее был не Е. Свалов, а Е. Савалов. И зачем здесь приплетать, что пятым мужем был Александр Аверкин? Откуда это взято? Кто об этом сказал? Может, есть шестой, десятый?.. После смерти певицы можно что угодно писать и говорить, язык-то без костей. «Язык без костей до ума не доведет», — говаривала Зыкина. Но где истина? При жизни Зыкиной много было с ней интервью и встреч, и всегда она говорила, что ложь — самое отвратительное, что есть в человеке. Если бы она знала, там, в гробу, на Новодевичьем кладбище, какая вакханалия лжи развернулась в прессе после ее смерти.

Вранье это оскорбительно для памяти о человеке, снискавшем признание миллионов людей в разных точках планеты, единственной в нашей стране артистке, имеющей больше высоких наград и почетных званий, чем кто-либо другой из деятелей культуры, искусства настоящего и прошлого.

Передо мной «Комсомольская правда» от 9–16 июля 2009 г. Статья в ней называется «Тайны Людмилы Зыкиной». Подзаголовок «Тайна ее голоса». Читаю: «…Школьницей с подружкой шла, гуляя мимо Дома культуры, где проводился конкурс в Хор Пятницкого… Когда Люся запела, художественный руководитель чуть не подпрыгнул от восторга. Из четырех тысяч желающих попасть в хор взяли десятерых…». На самом деле никуда она с подружкой не шла и не гуляла мимо какого-то Дома культуры, в котором никакого конкурса не существовало, и руководитель не «подпрыгнул от восторга», и не было никаких 4 тысяч, а было 1,5, и из них взяли вовсе не десятерых. Вот что пишет Зыкина в книге «Течет моя Волга» (стр. 23–24): «Как-то поехали мы с подругой в центр, в кино. На площади Маяковского висели объявления: „Конкурс в хор русской народной песни имени Пятницкого“.

Девчонки подзадоривали:

— Попробуй! Слабо, небось?

Я с ними даже на мороженое поспорила. Ведь песен-то я знала много.

Постучалась, вошла в зал для прослушивания, рассказала о себе.

— Какие же ты песни знаешь, девочка? — спросили у меня.

— Да все, — не задумываясь, ответила я.

Подошел Захаров — тот самый, чьи песни пела вся страна, а за ним Петр Михайлович Казьмин — один из тогдашних руководителей хора, племянник самого Пятницкого.

— В какой тональности петь будешь?

Что такое тональность, я толком не знала и страшно смутилась. Но тут черемушкинский чертенок словно подтолкнул меня, и я запела:

Уж ты сад, ты мой сад
Сад зелененький.

— А повыше спеть можешь? — поинтересовался Захаров.

— Могу.

— А пониже? Тоже сможешь?

Я спела.

— А где ты работаешь?

— В швейной мастерской.

— Переходи к нам.

— А у вас разве есть пошивочная?

— Да я не об этом. Петь в хоре будешь.

— А разве за это деньги платят?

Захаров улыбнулся, а члены комиссии рассмеялись. Через два часа посмотрела — не поверила: в списке моя фамилия первая! Подошла к секретарю, чтобы проверить — вдруг ошибка, а та говорит: „Поздравляю. Из полутора тысяч тебя приняли да еще трех парней“.»

Читаем статью дальше: «…у певицы пропал голос. Два года не пела и думала, что ее карьера закончилась, но… вдруг на пути встретился молодой мужчина, ее будущий первый муж Владлен Позднов. Она влюбилась — и снова запела. Вернулась на сцену, поехала с хором на гастроли в Индию, где индус нагадал ей всемирную славу и скорое расставание с мужем».

Для Юрия Гагарина Зыкина готова была петь сколько угодно.

На самом деле, не два года не было голоса, а только несколько месяцев (голос пропал из-за сильнейшего стресса в связи со смертью мамы. — *Ю.Б.*). В первого мужа не она влюбилась, а он в нее влюбился, что называется по уши, и она не устояла, и запела не от любви, а оттого, что голос сам восстановился. И ни с каким хором она в Индию не ездила, а, став солисткой «Москонцерта», летала туда на гастроли в 1962 году. Индус ей никакой славы не нагадал, а сказал лишь, что

будут проблемы с мужьями. «…Все мужья изменяли и оставляли Зыкину». Изменял и оставлял только один, а не все. Вранье дальше, «…баянист Гридин, с которым вместе работала и которого увела ее же хористка Надя». Никакая Надя не уводила Гридина и не была хористкой в ансамбле. Надежда Крыгина пела частушки в ансамбле «Золотое кольцо», и ее приглашали иногда в так называемые сборные концерты для выступления вместе с ансамблем «Россия». После того, как Гридин начал выпивать и начались между ним и Зыкиной разногласия по поводу деятельности коллектива, Зыкина решила с ним расстаться. Крыгиной достался обреченный на гибель человек от прогрессирующего цирроза печени, не лишенный отвращения к водке. Вот и все.

Большие сомнения вызывает и тот факт, изложенный в газете, что якобы у Зыкиной был роман с генералом Н. М. Филипенко, который «сам рассказывал о своем романе с Зыкиной». Скорее всего, это тоже очередная утка. Так может сказать любой, не только генерал, кто хоть раз видел «живьем» Зыкину.

В рубрике «Малоизвестные факты» написано: «Однажды в КГБ пришел донос из Министерства культуры на певицу — мол, подозрительно, что она так часто выезжает за границу. Недоброжелателям сказали певицу не трогать. Она своими выступлениями принесла в страну столько золота, сколько весит сама». Опять какая-то невообразимая чушь. Во времена Фурцевой и во времена всех других после нее министров культуры такого не могло быть и так вопрос не ставился. Быть или не быть гастролям Зыкиной за границей, решали зарубежные импресарио, менеджеры, агенты. Они договаривались обо всем с Госконцертом. Золота, что она привозила в страну в виде валюты, не так уж и много. Во-первых, она гастролировала не одна, а с коллективом артистов, музыкантов. Во-вторых, в соцстранах, где она тоже была с коллективами, золотом вообще не пахло. Так что Зыкина была вовсе не в первом ряду тех, кто действительно много привез в страну валюты.

В рубрике «Тайна бриллиантов» читаем: «…На украшения Зыкина тратила весь свой гонорар. Она вкладывала деньги в украшения, скупая их еще в советские годы в комиссионках…». И вроде бы ее приятельница «видела у Зыкиной перстни в палец толщиной…». Очередное вранье, потому что Зыкина не «тратила весь свой гонорар» на украшения и не было у нее никаких перстней в палец толщиной. Далее, будто бы Зыкина «могла вытащить коробочку с перстнем из сумочки и вручить тому, кто ей нравится…». Никакой коробочки с перстнем в сумочке Зыкиной отродясь не бывало, а была емкая косметичка из черной

кожи, в которой лежали только украшения, и взять из нее перстень, скажем, или сережки и подарить тому, «кто ей нравился», — это уже из области фантастики. Вранье в статье встречается чуть ли не через строчку. «Политики, зная ее страсть к драгоценностям, частенько (?!) дарили ей изумруды и алмазы». Или «…бриллиант ей преподнес миллиардер Онассис, восхищенный ее голосом». Откуда взялась эта галиматья?

В конце статьи приводятся слова «друга Зыкиной», конферансье, «об уникальных бриллиантах, которые ему показывала Зыкина, чуть ли не целую коллекцию». Единственным конферансье, бывшим в дружеских отношениях с Зыкиной, был Борис Брунов, и, зная его хорошо три десятка лет, уверен — таких безответственных слов сказать он не мог, потому что никакого «алмазного фонда» и коллекции в саквояже Зыкина никогда не возила.

В «Комсомольской правде» от 13–20 августа 2009 года в статье «Коллекция хранится в банке» также много спорного. Эксперт-геммолог Ю. Пузырева преподносится как подруга Зыкиной (также ее представили и на телевидении в передаче «Пусть говорят»). Подруг у Зыкиной было всего два-три человека, остальные или хорошо знакомые, или просто знакомые. Скорее всего, Юлия относилась к последним, а то и вовсе к случайным людям, встречавшимся с Зыкиной один-два раза. Я очень сомневаюсь в том, что Зыкина рассказывала ей, что «в советские годы, собирая коллекцию, она соперничала с Галиной Брежневой и Фурцевой — у кого украшения изысканней». Хорошо зная Зыкину много лет, не могу в это поверить, потому что никакого соперничества просто не было, да и не могло быть. У Фурцевой, я знаю, не бог весть какие бриллианты были, о Галине Брежневой вообще разговора никогда не возникало.

Последние годы, лет десять-двенадцать, когда Зыкина болела, она ни о чем не думала, кроме того, чтобы сохранить здоровье и гастролировать по стране с ансамблем «Россия», и вряд ли она могла поехать в ювелирный салон и подбирать себе что-то из украшений. Вполне допускаю, что шестнадцать лет назад она могла по пути зайти с Гридиным в ювелирный салон, где работала молодая девушка по фамилии Пузырева. Но зачем ей было оценивать свои драгоценности у незнакомой девушки? Вот вопрос. Она могла позвать любого эксперта или ювелира из старой гвардии специалистов, а те приехали бы к ней в кабинет на Фрунзенской набережной в любое время и провели все необходимые экспертизы. Я видел все ее драгоценности множество раз, но никогда не видел бриллиантового перстня аж в 17 карат. И все ее близкое окружение может это подтвердить.

Накануне нового, 1999 года.

Был перстень с бриллиантом в 4 карата — это да. Иногда она переделывала колечки с одним-двумя камнями в одно кольцо, где их сверкало несколько, — такое было.

Что Зыкина разбиралась в бриллиантах, в их чистоте, цветности — это тоже от лукавого. «Коллекция хранится в банке», — утверждает Ю. Пузырева. Во-первых, украшения Зыкиной трудно назвать коллекцией. Во-вторых, кто ее, «коллекцию», туда положил? Сама она этого сделать не могла,

потому что косметичка с украшениями пропала еще года четыре назад. Когда я звонил Зыкиной, она мне сказала, что драгоценности то ли украли, пока ехала в поезде из Ленинграда в Москву, то ли позабыла где-то, толком сама не знала, как объяснить пропажу. Словом, факт тот, что драгоценностей последние годы перед смертью у нее не было.

Так кто же положил в банк драгоценности Зыкиной? Вопрос, на который нет ответа. Что касается цены одной жемчужины в «три тысячи рублей», то и здесь возникают сомнения. В конце 90-х ансамбль «Россия» гастролировал в Китае, и все, кто хотел, накупили в пекинском магазине бижутерии жемчуга. У Зыкиной его была целая коробка. И я видел, сидя за столом в гостиной напротив певицы, как она ловко нанизывала жемчужины на нити, делая из них бусы и отбирая из коробки нужные по величине. Сначала сделала в два ряда, и ей что-то не понравилось. Стала вновь собирать бусы, но уже в три ряда, и когда они были готовы, взяла их в руки, рассматривая и оценивая получившееся украшение. «Красиво?» — спрашивает. «А то!» — жаргонным словечком отвечал я. Так что не думаю, что этот жемчуг так высоко ценился, как сказано в газете и с экрана телевидения тоже.

«АиФ», № 23, 2009 г. Интервью с Зыкиной «У нас все — народное». Речь идет в нем о работе ее токарем на заводе имени Серго Орджоникидзе. «Я выполнила план на „отлично“, и мне дали премию — пять бутылок водки. В то время одна бутылка стоила около 500 рублей». А вот что пишет об этом же Зыкина в книге «Песня» на 13-й странице: «…Но норму перевыполнила, и вручили мне четыре красных флажка как ударнице. А за досрочное освоение станка выдали премию 75 рублей…». По-моему, комментарии тут излишни.

«КП» от 11–18 июня 2009 г. Рубрика «Интересные факты». Речь идет о совете Фурцевой купить Зыкиной не «Пежо», а «Волгу»: «Советские артистки должны ездить на советской машине, а на „Пежо“ пусть разъезжают девицы легкого поведения». На самом деле Фурцева сказала: «Вы — русская женщина, русская певица. Не подводите нас, русских. Лучше купите другую „Волгу“.»

Газета «День» от 4 июля 2009 года. «…Великую певицу… похоронят в роскошном золотом платье, сшитом по спецзаказу много лет назад. Этот концертный наряд был ее самым любимым. На платье Зыкиной ушел килограмм золота». Такая информация выходит за пределы всякого приличия.

Разумеется, никакого золота не было и в помине.

И платье это не было никогда «самым любимым». Сшито оно

давно из добротной ткани. Выступала в нем певица редко. Желтый цвет, или цвет золота, на ее платьях использовался только в качестве отделки.

Вот еще пример из разряда фантастики. В статье («КП» от 18.08.2009 г.) врача Зыкиной В. Константинова «Почему Зыкина не оставила завещания» есть такая строка: «…огромную цену имеют ее 34 ордена». У Зыкиной было 8 орденов: орден Святого апостола Андрея Первозванного, два ордена Ленина, орден «Знак Почета», орден «Национальное достояние», три ордена «За заслуги перед Отечеством», I, II, III степени. И что же? Они должны идти с молотка? Так получается?

Теперь о якобы встречах Зыкиной с ливерпульской четверкой. Слова Зыкиной в «Аргументах и фактах», № 23, 2009 год: «Даже знаменитые и легендарные „Битлз“ отдавали дань нашему русскому искусству. Я познакомилась с ними в ресторане. Шла обедать, ко мне подошла администратор и сказала: „Людмила Георгиевна, тут у нас сейчас „Битлз“ сидят, они очень хотят с вами познакомиться“. Я села с ними за стол. И как же мне было приятно, когда один из „битлов“ спел нашу „Ивушку“. А потом, через три дня после нашего знакомства, я была у них на концерте. И пели они там не только свои знаменитые хиты, но и наши исконно народные песни — „Вот мчится тройка почтовая“, „Из-за острова на стрежень“. Они попросили, чтобы я тоже спела вместе с ними „Ивушку“. А я предложила: „Давайте лучше „Калинку“ споем“. И мы спели».

Вот вариант встречи с «битлами» в «КП» от 18.06.2009: «В 1965-м Зыкина выступала в Лос-Анджелесе. После концерта русские эмигранты пригласили ее в ресторан. Через какое-то время перед ее столиком появилась знаменитая ливерпульская четверка. Им сказали, что здесь русская певица, и они захотели спеть вместе с ней. „Битлы“ спели на русском языке „Вот мчится тройка почтовая“. Зыкина подхватила, а потом часа через два учила новых друзей петь „Вниз по Волге-реке“ и „Тонкую рябину“.» (Замечу пока в скобках, что Зыкиной не было в США в 1965-м, была она там осенью 1964-го и никаких эмигрантов в Лос-Анджелесе в 1964-м не встречала.).

И, наконец, третий вариант вранья (а их было не счесть и на телевидении тоже) знакомства Зыкиной с «Битлз» в «КП» от 16.07.2009. «Известно, что на гастролях в Америке молодая исполнительница встречалась с ливерпульской четверкой. Джон Леннон был потрясен голосом русской красавицы и, подойдя к ней на фуршете, спросил ее имя.

ТЕЧЕТ ВОЛГА
Слова Л. ОШАНИНА
Музыка М. ФРАДКИНА
Умеренно
Припев
mf
Из-да-ле - ка дол - го те-чет ре-
-бов спе - лых, сре-ди сне-
-ка Вол - га, те - чет ре - ка
-гов бе - лых те - чет мо - я
(2) глк - жу в те - бя,
1.
Вол - га — хон - па и кра - я
Вол - га, а мне сем -
Вол - га, седь - мой де -
2.
нет. Сре-ди хле- //-на - дцать лет.
три - дцать лет.
//-ся - ток лет.

— Люся, — просто ответила певица.

— Люси! — восторженно резюмировал на свой лад Леннон. Известно, что в память о знакомстве „битлы“ подарили ей серебряный крестик. А Леннон пообещал написать песню про Люси. И действительно, в 67-м году у „битлов“ появилась ставшая хитом песня „Люси в облаках с бриллиантами“.»

Расставим точки над «і»: никогда Зыкина с «Битлз» не встречалась, никакого серебряного крестика, конечно же, у нее от «битлов» нет и не было. Передо мной лежали все вырезки и

цитаты из зарубежных газет, скрупулезно собранных мужем Зыкиной В. Котелкиным на все зарубежные гастроли певицы, и ни в одной из них нет ни слова о «битлах». При подготовке трех книг Зыкиной к изданию в разные годы велась тщательная проверка всех фактов, деталей, дат и всего остального, чтобы найти истину в каждом моменте или штрихе ее жизни. Да и сама певица рассказывала и пересказывала то, что было опубликовано и у нас, и за рубежом, по несколько раз, и вряд ли она держала бы «тайну» встречи с «Битлз» до 80 лет. И уж если представить себе, что «битлы» с ней встречались, то все близкое окружение певицы давно бы знало о таком событии в ее гастрольной жизни. Да и зарубежная пресса также оповестила бы своих читателей о такой встрече. Мне могут возразить: видели Зыкину по телевидению, пела вместе с «битлами». Отвечаю: «Уважаемые господа! Вас облапошили. Это всего лишь ловкий, профессионально сделанный монтаж». Могут сказать: Зыкина сама сказала о встрече с ливерпульской четверкой. Да, сказала. Заявила еще, что знала более двух тысяч песен, что тоже далеко не так, но об этом чуть позже. Говорила, что в Японии была десять раз, а на самом деле пять. Утверждала, что вполне здорова, хотя все знали, вся страна, что это неправда.

Все, что говорила Зыкина в интервью газетам и журналам, с экрана телевидения в последнее время, — в большей мере плод фантазии очень больного человека.

С февраля 2009 года ее здоровье резко ухудшилось. Два брата-близнеца: Виктор (психотерапевт), погибший через месяц после кончины певицы, и Владимир (реаниматолог) Константиновы, вероятно, делали все возможное, чтобы поддержать певицу.

Но, по сути, жизнь ее теплилась на постоянных уколах и на ее духе, очень сильном, надо сказать. Она действительно не думала о смерти, хотела, как это ни парадоксально звучит, в коляске поехать по городам страны с концертами и петь. Но уколы чуть ли не каждый день, а иногда и несколько уколов в день не помогли продлить жизнь. Состояние ее было крайне тяжелым. Могла засмеяться не к месту, сказать что-то невпопад…

На торжествах в «Метрополе» по случаю юбилея сидела в кресле еле жива. Кровь сочилась через платье на руке, как говорили очевидцы. Врач стоял рядом, ни на минуту не сводя с нее глаз. Подходили к ней артистки ее ансамбля, она их не узнавала.

Спрашивала:

— Вы откуда?

— Из ансамбля.

— Из какого ансамбля?

— Из вашего, Людмила Георгиевна, из «России».

До глубокой ночи принимала подарки. Беда могла случиться и раньше — приди на торжество триста человек (столько было приглашений, пришло около ста), до утра бы вручали подарки. В этот же день ее чествовали на базе ансамбля «Россия», потом повезли в Кремль. С такой нагрузкой и здоровому-то человеку нелегко справиться.

Что касается юбилейных концертов, кои с таким размахом показывали каналы телевидения, то это были либо старые записи, либо под фонограмму.

В дни юбилея и в день похорон средства массовой информации оповещали зрителей и читателей о том, что Зыкина знала более 2000 песен и даже несколько тысяч. Это очередной миф. Я был причастен к оформлению документов Зыкиной на звание профессора на кафедре «Хоровое дирижирование и сольное пение» в 1997 году. В списке исполняемых ею произведений набралось около 400, но о двух тысячах или даже более не может быть и речи.

Газеты и журналы писали, что Зыкина гастролировала в 90, 82, 60 странах, «на всех континентах». На самом деле, в Южной Америке и Антарктиде не появлялась, а была в 38 странах, в большинстве по нескольку раз. Даже академик Российской академии естественных наук, профессор В. Н. Прокопенко в своей книге «Пока есть на планете Русь — бессмертна песня ее» не избежал, мягко говоря, преувеличений. В 2004 году Зыкина подарила ему «звуковую антологию своих песен — 750 в авторском исполнении»… На самом деле, антология содержала 271 запись. «95 стран мира рукоплескали за эти годы звездному коллективу („России“)…» Рукоплескали только в 29. На странице 95 упомянутой книги ансамбль «Россия» назван «вокально-хореографическим коллективом», что тоже не соответствует действительности: хореографией там не пахло за все тридцать два года его существования. Есть в книге и другие ошибки, неточности, связанные с именем Зыкиной.

Удивляют и откровения бывшего мужа Зыкиной В. Котелкина в интервью «Комсомольской правде» (№ 16, 2010 г.). Якобы певица «помнила наизусть тысячи песен», ей «хотелось быть писательницей» и что он, Котелкин, «пробивал ей Ленинскую премию». Ничего подобного не было, как не было и его «двух книг об искусстве за нее», которые будто были «изданы под ее авторством». Есть в интервью и другие «открытия» вперемежку с полуправдой. Как тут не вспомнить слова известного английского писателя Самюэля Смайлса: «Ложь, к которой наполовину

примешивается правда, есть худшая ложь».

* * *

Однажды, перебирая газетные вырезки со всякой галиматьей и откровенным враньем в адрес певицы по всякому поводу и без оного, я прочел в одной из них о том, как «вчера двое неизвестных сняли с певицы Зыкиной в лифте ее дома все драгоценности и скрылись. Поиски похитителей ни к чему не привели». Во-первых, в этот день, то есть «вчера», Зыкиной не было в Москве — они с Гридиным отбирали в Туле на местной фабрике концертный баян для ансамбля. Во-вторых, певица в то время жила на даче в Подмосковье (42-й километр по Калужскому шоссе) и приезжала в свою квартиру крайне редко, а если и приезжала, то только с мужем. И, в-третьих, «двоим неизвестным» надо было быть по крайней мере спецназовцами, чтобы одолеть Зыкину. Она, физически крепкий человек, могла «начистить фишку» любому («устанет кувыркаться» — как-то обронила она по случаю). Видимо, сыграли тут роль и далеко не слабый родовой корень, гены, и закалка в детстве — с мальчишками во дворе дралась, надев боксерские перчатки, и на мотоцикле гоняла что есть духа, и с парашютной вышки прыгала без малейшего страха, до 45 лет на коньках каталась. В стужу пела на подводной лодке Тихоокеанского флота, в то время как слушавшие песни Зыкиной матросы ежились от хлеставшего с океана почти штормового ветра. Таких примеров в биографии Зыкиной не перечесть.

Великая певица России увековечена на почтовой марке.

Общаясь с Зыкиной долгие годы в пору расцвета ее духовных и физических сил, я всегда видел перед собой абсолютно здорового, очень крепко сколоченного самой природой человека. В Англии в 1975 году, после тяжелейшего турне (двадцать концертов за три недели в 13 городах), Зыкина проводила пресс-конференцию. И один из журналистов заметил: «С такой нагрузкой может справиться только человек, имеющий отличное здоровье. Не так ли?». «На здоровье не жалуюсь, хилой никогда не была», — отвечала певица. По работоспособности, на мой взгляд, ей нет и не было равных не то что в стране — в мире. Я как-то подсчитал, что только в Союзе Зыкина выходила на сцену в среднем 180 раз в год, не считая десятков шефских концертов. А если сюда прибавить зарубежные гастроли, то и вовсе получится поистине фантастическая цифра. Какой же организм выдержит такое напряжение?

И что примечательно: она никогда не работала, чтобы добыть как можно больше денег, и жила не денег ради. Звонил Соломон Юрок: «Люда, жду тебя в Штатах…» — и Люда летела. Звонила Фурцева: «Люда, надо бы к оленеводам…» — и Люда добиралась на санях. Звонил заместитель министра обороны: «Хорошо бы, Людмила Георгиевна, чтобы вы выступили у моряков…» — и она летела на Тихоокеанский флот. Она до ухода из жизни считала себя вполне здоровым человеком и собиралась в свой юбилей

объехать с концертами чуть ли не весь бывший Советский Союз (о чем было заявлено на всю страну с экранов телевидения).

В сентябре 2006 года я был приглашен в передачу «Пусть говорят» на Первом канале телевидения. Речь в ней шла и о болеющих популярных артистах страны. На другой день вечером звонок: «Ты почему сказал по телевизору, что я больна?!» — негодовала она. «Людмила Георгиевна, всему миру известно о ваших болячках, даже в вашей любимой Корее. Я лишь подтвердил то, что есть на самом деле. Где вы сейчас найдете абсолютно здорового человека? Таких людей в природе поискать… Сами знаете, как у нас на Руси бывало: то понос, то золотуха, то глаз колет, то ухо стреляет, то поясницу ломит…». На этих словах Зыкина бросила трубку.

Никогда за четверть века сотрудничества с певицей я не слышал от нее ни одного грубого слова или резкого окрика в свой адрес. А тут ее вдруг прорвало. Ну что делать, думал я, видимо, настроение у нее неважное, вот и сорвалась. Тут вспомнил, что в телевизионной передаче «Линия жизни» сама рассказала о своих проблемах со здоровьем, хотя, конечно, далеко не обо всех. Но мимолетный гнев ее вскоре прошел, к моему удовольствию, и отношения наладились, как ни в чем не бывало.

Когда я услышал о кончине певицы, у меня защемило сердце. Почему-то тут же вспомнил слова Зыкиной, когда она узнала о смерти Юрия Гагарина в ожидании своего выхода, стоя за кулисами венского «Штадтхалле»: «Язык прилип к горлу. А надо идти на сцену… Петь о любви, когда вот так вдруг неожиданно теряешь близкого друга. Голова закружилась, в глазах потемнело… Думала, только бы не свалиться тут, прямо на сцене. Удержалась. Но слезы текли по щеке одна за другой, размывая тушь на ресницах… Кое-как успокоилась».

Вспомнил я и другое: певица не боялась смерти. «Бояться надо не смерти, а пустой жизни», — говорила она. И я нашел утешение в словах французского историка и писателя Бон-Луи-Анри Мартена: «…Смерть — ничто в сравнении с хорошо проведенной жизнью, и велик только тот, кто достиг славного преимущества завещать своим потомкам такой урок и пример».

Бояться надо не смерти, а пустой жизни.

P.S

Когда-нибудь, через много лет, мы станем вспоминать, что было в искусстве в годы нашей юности. И наверняка почти каждый из тех, кто слышал Людмилу Зыкину, скажет: «Ну как же! Ведь именно тогда появился этот феномен — народная певица с органным голосом, она пела как все и как никто, она умела быть богатырски сильной и по-женски слабой, простой и нежной».

Зыкина могла петь все, и пение ее трудно определить. Это синтез утонченности исполнения оперных и камерных певиц с легендарной самобытностью сказительниц, сочетание жизнерадостности и глубокой печали, монументализма, который может, казалось, осуществить лишь целый хор, с эскизностью, легким касанием.

Союз мысли, слова, звука был пронизан неподдельным волнением сердца, и в этом сказывается верность лучшим традициям русского исполнительства с его неповторимой задушевностью и искренностью.

Надо отдать должное природе: она щедро одарила певицу. Ее большой, ровный и сочный, красивейшего тембра голос необыкновенно выразителен и эмоционален. Безукоризненная чистота интонаций, уникальный музыкальный слух давали артистке возможность «слышать» гармоническую основу произведения. Важно и другое зыкинское качество — проникновенный, захватывающий лиризм. О чем бы ни пела Зыкина, она доносила содержание песни в чистоте ее высокого духа, предельно выражая русский характер.

Нет секрета и в том, что артистка принесла на концертную эстраду живую душу России, с необычайной силой художественного постижения выразила мир радостей, горестей, забот, раздумий и чаяний простых людей. Слушая Зыкину, утверждаешься в мысли, что только у доброго, сильного, певучего народа могла родиться такая исполнительница, черпающая золотые россыпи мелодий из неиссякаемого родника русской музыки.

Конечно, можно было бы поддаться соблазну осовременивания песенного материала или стилизации песни под весьма условный национальный колорит. Ни то ни другое не выбрала певица.

Она смогла найти в русской песне то, что созвучно современнику, что представляет не исторический, не этнографический интерес, а выражает чувства тех, кто сидел перед ней в зале, независимо от характера, образования,

профессии, воспитания.

Неоценимый это был дар — способность вновь и вновь возвращать к жизни пласты искусства, понятные любому человеку в любой точке планеты. «Чуткий, умный, думающий голос», — заметила однажды с восхищением Мирей Матье, услышав русскую артистку на концерте в Париже. Так могла сказать не только знаменитая певица Франции. Могли сказать и Шарль де Голль, Ван Клиберн, Элвис Пресли, Чарли Чаплин, Урхо Калева Кекконен, Индира Ганди, Гельмут Коль, император Хирохито, да мало ли еще кто! В тридцати восьми странах мира рукоплескали Людмиле Зыкиной переполненные публикой концертные залы, и всюду — небывалый успех, искрометный талант «королевы русской песни» доставлял слушателям и зрителям огромное наслаждение, становился для них незабываемым праздником торжества истинной красоты. Где еще в мире найдется певица, которую так восторженно встречали на разных широтах и меридианах более полувека?!

Ответпрост: нигде!